

Вестник
Московского
университета

Moscow
State University
Bulletin

Moscow State University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY – AUGUST

This journal is a publication prepared by
the Philological Faculty Editorial Board.
There are six issues a year

Moscow University Press

2015

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета

2015

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
филологический факультет МГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Л. Ремнёва, докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой русского языка, декан филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова – *главный редактор*
О. А. Смирницкая, докт. филол. наук, проф. кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова – *зам. главного редактора по лингвистике*
Е. В. Клобуков, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка – *отв. секретарь по лингвистике*
Н. А. Соловьева, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы – *отв. секретарь по литературоведению*
Е. Г. Домогацкая, научный сотрудник лаборатории «Русская литература в современном мире», зам. декана филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова по редакционно-издательской деятельности – *оргсекретарь*

Члены редколлегии:

Т. Д. Венедиктова, докт. филол. наук, проф. кафедры истории зарубежной литературы, зав. кафедрой теории словесности
М. В. Всеволодова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов
И. М. Кобозева, докт. филол. наук, проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Т. А. Комова, докт. филол. наук, проф. кафедры английского языкознания
С. И. Кормилов, докт. филол. наук, проф. кафедры истории русской литературы XX–XXI веков

Перевод на английский язык *М. М. Филипповой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет

Подписано в печать 07.06.2016. Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,25. Уч.-изд. л. 15,63. Тираж 300 экз. Изд. № 10326.

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupublishing.ru

© Издательство Московского университета, 2015
© «Вестник Московского университета», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

К 120-ЛЕТИЮ С.А.ЕСЕНИНА

<i>Н.М.Солнцева</i>	
Поэтическая этнология С.Есенина («Пугачев»)	9
<i>Д.Д.Николаев</i>	
Парижское «Возрождение» 1920-х гг. о Сергее Есенине	
Часть первая: От Бунина к Ходасевичу (1925–1926)	20
<i>А.Г.Машкова</i>	
Сергей Есенин в славянском мире	39

СТАТЬИ

<i>Е.Н.Ковтун</i>	
Научная фантастика и фэнтези – конкуренция и диалог в новой России	53
<i>Е.В.Петрухина, Ли Чжухонг</i>	
Модальность глагольных форм будущего времени в русском языке	72
<i>В.С.Савельев</i>	
Древнерусские «общие места» (на примере «Повести временных лет» и древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия)	87
<i>Е.М.Бутенина</i>	
Транскультурный поэтический миф в романе Джона Краули «Переводчик»	104

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>В.А.Воропаев</i>	
Оптинский адресат Н.В.Гоголя	116
<i>К.Ю.Зубков</i>	
«Антинигилистический роман» как полемический конструкт радикальной критики	122
<i>А.В.Бассель</i>	
«Petersburg» Макса Бартеля и «Петербург» Осипа Мандельштама	141
<i>С.А.Шульц</i>	
В.Г.Распутин и Л.Н.Толстой («Последний срок» и «Смерть Ивана Ильича»)	163

<i>К.К.Бораганова</i>	
Гендерные стереотипы кумыков по данным кумыкской фразеологии	175
<i>К.П.Тарасова</i>	
Выкрики уличных торговцев как вид рекламы	183
<i>Е.В.Кобелева</i>	
Языковая репрезентация образа бизнесмена-магната в романе Ф.С.Фицджеральда «Последний магнат»	194
<i>М.В.Новикова</i>	
К вопросу о значении настоящего исторического совершенного вида в севернорусских былинах	209

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Р.К.Потапова</i>	
Кривоносов А.Т.Философия языка. М.; Нью-Йорк: Азбуковник, 2012. 787 с.	219
<i>А.И.Изотов</i>	
Beliafski M. Čeština UNCENSORED. Praha: Powerprint, 2015. 216 s.	223

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О.Ю.Анцыферова</i>	
Великие книги и школы критического прочтения	230
<i>Л.А.Новицкас, А.Н.Першкина, А.С.Федотов</i>	
IV Международная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ, 19–20 марта 2015 г.)	238
<i>А.Е.Беликов</i>	
День науки на филологическом факультете – 2015	248

ПАМЯТИ...

<i>Э.В.Янзина</i>	
Валентина Петровна Завьялова (03.01.1942–30.06.2015)	252
<i>А.Е.Беликов</i>	
Олег Дмитриевич Никитинский – Helgus Nikitinski Moscuensis (14.09.1967–06(07?).06.2015)	255

CONTENTS

TOWARDS S.A. ESENIN'S 120TH ANNIVERSARY

<i>Solntseva N.M.</i>	
S. Esenin's Poetic Ethnology ('Pugachev')	9
<i>Nikolayev D.D.</i>	
The 1920s Paris 'Vozrozhdeniye' (Revival) about Sergey Esenin. Part 1: From Bunin to Khodasevich (1925–1926)	20
<i>Mashkova A.G.</i>	
Sergey Esenin in the Slavic World	39

ARTICLES

<i>Kovtun E.N.</i>	
Science Fiction and Fantasy – Their Competition and Dialogue in the New Russia	53
<i>Petrukhina E.V., Li Zhuhong</i>	
Modality of the Future Tense Verbal Forms in Russian	72
<i>Saveliev V.S.</i>	
Old Russian 'loci communes' (as exemplified by the «Tale of Bygone Years» and the Old Russian translation of Flavius Josephus's «Books of the History of the Jewish War against the Romans»)	87
<i>Butenina E.M.</i>	
The Trans-Cultural Poetic Myth in John Crowley's novel 'The Translator'	104

COMMUNICATIONS AND MATERIALS

<i>Voropayev V.A.</i>	
N.V. Gogol's Addressee from the Optina Pustyn	116
<i>Zubkov K.Yu.</i>	
'Anti-nihilistic novel' as the Radical Criticism's Polemical Construct	122
<i>Bassel' A.V.</i>	
Max Barthel's 'Petersburg' and Osip Mandelstam's 'Petersburg'; An Appendix: Texts	141
<i>Schultz S.A.</i>	
V.G. Rasputin and L.N. Tolstoy ('The Closing Date' and 'The Death of Ivan Ilyich')	163

<i>Boraganova K.K.</i>	
The Kumyks' Gender Stereotypes as Expressed in Their Phraseology.....	175
<i>Tarasova K.P.</i>	
Street Peddlers' Cries as a Kind of Puffing Advertising.....	183
<i>Kobeleva E.V.</i>	
Language Representation of the 'Tycoon Businessman' in F.S. Fitzgerald's Novel «The Last Tycoon».....	194
<i>Novikova M.V.</i>	
Towards the Question of the Content of the Present Historical Perfect Aspect in Northern Russian Bylinas.....	209

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

<i>Potapova R.K.</i>	
Krivososov A.T. The Philosophy of Language. M.; New York: Azbukovnik, 2012.....	219
<i>Izotov A.I.</i>	
Belavski M. Čeština UNCENSORED. Praha: Powerprint, 2015.....	223

SCHOLARLY LIFE

<i>Antsyferova O.Yu.</i>	
Great Books and the Schools of Critical Reading: In the Wake of the XVIII Humanities Summer School at Lomonosov Moscow State University.....	230
<i>Novitskas L.A., Pershkina A.N., Fedotov A.S.</i>	
The IV Young Researchers' International Conference 'Textual studies and the Historical Literary Process' (Lomonosov Moscow State University, 19-20 March 2015).....	238
<i>Belikov A.E.</i>	
The Day of Science at the Faculty of Philology – 2015.....	248

IN MEMORIAM...

<i>Yanzina E.V.</i>	
Valentina Petrovna Zavialova.....	252
<i>Belikov A.E.</i>	
Oleg Dmitrievich Nikitinsky.....	255

К 120-ЛЕТИЮ С.А.ЕСЕНИНА

Н.М.Солнцева

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ С. ЕСЕНИНА («ПУГАЧЕВ»)

В статье рассмотрена поэма «Пугачев» как пример поэтической этнологии Есенина. Отношения русского народа и населявших империю тюркоязычных, монголоязычных народов осмыслены им с точки зрения этнопсихологического симбиоза. Взгляд Есенина на Пугачевское восстание дан в сопоставлении с пушкинским описанием пугачевщины. Литературным контекстом послужили произведения П.Васильева, Вс. Иванова, Б.Лавренева, А.Платонова. Содержание поэмы соотносится с аксиологией «скифов» и крестьянским повстанческим движением начала 1920-х годов.

Ключевые слова: башкиры, Есенин, калмыки, Пушкин, скифы, этнология, этнопсихология, этнос.

The article is devoted to the poem «Pugachev» as an example of Esenin's poetic ethnology. Relations between the Russian nation and Turkic peoples and Mongolians populating the empire were interpreted by him in terms of ethnopsychological symbiosis. Esenin's opinions of Pugachev's revolt are presented in comparison with Pushkin's description of the same events. Works of P. Vasilyev, Vs. Ivanov, B. Lavrenev, A. Platonov serve as literary context. The content of the poem correlates with the axiology of «Scythians» and the peasant rebel movement at the beginning of the 1920th.

Keywords: the Bashkirs, Esenin, ethnic group, ethnic psychology, ethnology, the Kalmyks, Pushkin, Scythians.

В предисловии бельгийского писателя Ф. Элленса к парижскому 1922 г. изданию «Пугачева» (1921) – «трагедии в стихах» [Розанов, 1986: 439], по жанровому определению самого С. Есенина, – сказано, что поэт «выводит на сцену под именем Пугачева самого себя» [Летопись, 2008: 167]. Об этом же идет речь в воспоминаниях Элленса о Есенине: «Никогда в жизни я не видел такой полной слиянности поэзии и ее творца»¹

¹ Поэма была опубликована в кн.: *Есенин С. Исповедь хулигана* / Пер. на франц. М. Милославской, Ф. Элленса. Париж: Я. Поволоцкий и К, 1922. Воспоминания впервые напечатаны в газ.: *Les Nouvelles littéraires, artistiques et scientifiques* (Paris). 1927. 22 octobre. №262.

[Эллес, 1986: 23]. Имевший непосредственное отношение к «скифству» Н. Клюев писал Есенину, также участнику «Скифов» (1917, 1918), 28 января 1922 г.: «“Пугачев” – свист калмыцкой стрелы, без истории, без языка и быта, но нужней и желаннее “Бориса Годунова”, хотя там и золото, и стены Кремля, и сафьянно-упругий сытовый воздух 16–17 века. И последняя Византия» [Клюев, 2003: 254]. В «скифской» аксиологии «стрела» – знак ментальности. Предисловие к первому сборнику «Скифов» начинается так: «“Скиф”. // Есть в слове этом, в самом звуке его – свист стрелы, опьяненной полетом; полетом – размеренным упругостью согнутого дерзающей рукой, надежного, тяжелого лука. Ибо сущность скифа – его лук: сочетание силы глаза и руки, безгранично в даль мечущей удары лука» [Скифы, 1917: VII]. Соизмеримость скифской стихии есенинского Пугачева со стихией восставших азиатских народов, на наш взгляд, не менее показательна для понимания отношения автора поэмы к пугачевщине, чем ее историческая и этнографическая картина.

Различия во взглядах Есенина и А. С. Пушкина на Пугачевское восстание и Пугачева в целом осмыслены и описаны. Есенин изучил принадлежавший ему шестой том полного собрания сочинений Пушкина (СПб., 1900), в котором содержались «История Пугачевского бунта» («История Пугачева», 1833), манифесты, рапорты, письма, легенды о Пугачеве. Этот том «был у Есенина под рукой во время работы над поэмой» [Шубникова-Гусева, 2001: 123]. Известно высказывание Есенина: «Я несколько лет <...> изучал материалы и убедился, что Пушкин во многом был неправ. Я не говорю уже о том, что у него была своя, дворянская точка зрения. И в повести и в истории <...> многое Пушкин изобразил просто неверно» [Розанов, 1986: 439]. Несогласие с пушкинской трактовкой личности Пугачева и восстания в целом было зафиксировано уже в названии чернового автографа – «Поэма о великом походе Емельяна Пугачева». Для него Пугачевский бунт – не бессмысленный.

Есенину, как Пушкину, было необходимо личное пребывание в местах, где происходили события. 16 апреля 1921 г. он выехал из Москвы через Самару, Оренбург в Туркестан, во время остановки в Бузулуке (тут часть пугачевцев занималась сбором продовольствия) он интересовался, где Чаган – эта река не раз упомянута в поэме; на пути в Самару на станции Рузаевка он расспрашивал жителей о местах, где прошла пугачевщина; в Оренбурге он уточнял сведения о пугачевщине в разговоре с художниками В. И. Максимовым, Н. В. Кудашевым; в мае (после 10-го до 12-го или 13-го) 1921 г. на пути в Ташкент через Казалинск он на-

блюдал за степными кочевниками [Летопись, 2005: 102, 108]. 3 июня 1921 г. Есенин выехал в Москву, во время поездки работал над третьей и четвертой главами, приступил к пятой [Летопись, 2005: 100]. Слова Пугачева о степных народах, об Азии прозвучали в третьей, четвертой, восьмой главах.

Поэма, тем не менее, написана не без влияния Пушкина². Особенно Есенина могла впечатлить трагическая тональность «Капитанской дочки» (1836). Например, слова Пугачева: «Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою» [Пушкин, 1960: 374]. Творогов говорит: «Нам башка Емельяна – как челн / Потопающим в дикой реке...» [Есенин, 1998: 45]. В поэме голова – сквозной мотив. Пугачев рассказывает о своем прошлом: «Не удалось им на осиновый шест / Водрузить головы моей парус» [Есенин, 1998: 7]; он же – о предательстве Екатерины и гибели Петра III: «Разбив белый кувшин / Головы его, / Взошла на престол» [Есенин, 1998: 25]; он же – о своем самозванстве: «Тяжко, тяжело моей голове / Опушать себя чуждым инеем» [Есенин, 1998: 28]; связанный Пугачев произносит: «Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...» [Есенин, 1998: 49]. Сторож спрашивает его: «Отчего, словно яблоко тяжелое, / Виснет с шеи твоя голова?» [Есенин, 1998: 8]. Хлопуша – о себе: «Эту голову с шеи сшибить нелегко», «Ах, в башке моей, словно в бочке, / Мозг, как спирт, хлебной едкостью лют» [Есенин, 1998: 29, 33]. Шигаев рассказывает об ольхе с «пробитой башкой» [Есенин, 1998: 35] как дурном знамении. Торнов, предчувствуя беду, говорит: «Луны лошадиный череп / Каплет золотом сгнившей слюны» [Есенин, 1998: 35]. По остроте трагичности, возможно, этот мотив превосходит пушкинский, поскольку у есенинского Пугачева нет предчувствия измены, она для него – потрясение. Но принципиальных для Есенина отличий достаточно. Например, он верит в гениальность Пугачева. У Пушкина Пугачев харизматичен, трагичен, но его политическая авантюра на грани плутовства. В послании «Д. В. Давыдову. При посылке истории пугачевского бунта» (1836) читаем: «Вот мой Пу-

² Помимо произведений Пушкина, Есенин прибегал к другим источникам. Известно, что он просил Д. С. Айзенштата купить ему «старинные книги о Пугачеве <...> все, что можно» [Ройзман, 1973: 111–112]. По словам Есенина, он изучал материалы пугачевщины «несколько лет» [Розанов, 1986: 439]. Среди источников: *Дубровин Н. Ф.* Пугачев и его сообщники: Эпизод из жизни царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг.: По неизданным источникам: [В 3 т.]. СПб., 1884.

гач: при первом взгляде / Он виден: плут, казак прямой; / В передовом твоём отряде / Урядник был бы он лихой» [Пушкин, 1959: 425]. Если в «Истории Пугачева» приводятся многочисленные факты жестокости пугачевцев и Пугачева, то в поэме эта характеристика прозвучала лишь раз в устах изменника Творогова: «Слава Богу! конец его зверской резне, / Конец его злобному волчьему вою» [Есенин, 1998: 50]. Или Пушкин сообщает, что башкиры роптали, заподозрив Пугачева в намерении бежать в случае поражения под Оренбургом («Ты взбунтовал нас, — говорили они, — и хочешь нас оставить, а там нас будут казнить, как казнили отцов наших» [Пушкин, 1962: 57]). В поэме намерение Пугачева после поражения уйти через Каспий в Азию, «перебраться к кочующим станам» [Есенин, 1998: 41] показано как стратегическая подготовка плацдарма к новому наступлению: «Чтоб разящими волнами их сверкающих скул / Стать к преддверьям России, как тень Тамерлана» [Есенин, 1998: 46]. Однако, на наш взгляд, отношение обоих поэтов к азиатским народам не столько различно меж собой.

В поэме сделан акцент на восточном ареале распространения вести о Петре III («от песков Джигильды до Алатыря» [Есенин, 1998: 24]) и на восточном пространстве самого восстания («Трахнем вместе к границам Уфы», «башкирские хляби» [Есенин, 1998: 34, 36]). В ней говорится о событии из истории калмыков, которое А. С. Пушкин в «Истории Пугачева» охарактеризовал как не менее важное для начала пугачевщины, чем возмущения казаков 1766 и 1767 гг.: «сей смирный и добрый народ», верно охранявший российские границы, из-за притеснений чиновников «прикочевал к самому берегу Яика <...> в числе тридцати тысяч кибиток <...> потянулся по киргизской степи к пределам прежнего отечества» [Пушкин, 1962: 14] — к границам Китая, а яицкие казаки отказались выступить в погоню. Вторая глава поэмы названа «Бегство калмыков». В первой же строфе идет речь о тридцати тысячах кибиток с калмыками, которые потянулись «в свою Монголию»³, чтобы «предаться» [Есенин, 1998: 13, 14] Китаю. Названа та же причина — «российская чиновничья неволя» [Есенин, 1998: 13]. В диалоге Тамбовцева («Нынче ночью, как дикие звери, / Калмыки всем скопом орд / Изменили Российской империи / И угнали с собой весь скот» [Есенин, 1998: 14]) и Кирпичникова («И калмык нам не желтый заяц, / В которого можно, как в пищу, стрелять» [Есенин, 1998: 15]) отражен

³ Калмыки — монгольский народ, потомки мигрировавших из Центральной Азии ойратских племен.

приведенный Пушкиным факт отказа казаков преследовать калмыков. Есенин усиливает вывод Пушкина о роли этого события в восстании: неповиновение калмыков – пример для казаков: «Только мы, только мы лишь медлим», «<...> если б / Наши избы были на колесах, / Мы впрягли бы в них своих коней / И гужом с солончаковых плесов / Потянулись в золото степей» [Есенин, 1998: 13, 15]. Развита мысль Пушкина о месте калмыков, татар, башкир в пугачевщине («служивые калмыки бежали с форпостов», «башкирцы, взволнованные своими старшинами <...> начали нападать на русские селения и кучами присоединяться к войску бунтовщиков», «скопилось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков», «корм и лошадей доставляли от башкирцев», «возмущение башкирцев, калмыков и других народов, рассеянных по тамошнему краю, повсюду пресекало сообщение», «толпа башкирцев, предводимых свирепым Салаватом» [Пушкин, 1962: 29, 34, 50, 71]). Пугачев в поэме поднимает на бунт «монгольскую рать», «калмыка и башкирца», в его войске слышна «гортанная речь татар» [Есенин, 1998: 38].

Таким образом, в поэме выразилась этнологическая мысль, реконструирующая историю народов в их взаимодействии. Форма взаимодействия – симбиоз, сочетание этносов при сохранении национального своеобразия, что, по Л.Н.Гумилеву («Этногerez и биосфера Земли», 1984, изд. 1989), усиливает жизненные силы каждого народа. Симбиоз отличен как от ксении, когда этнос живет изолированно, не нарушая этническую систему, так и от химеры, предполагающей контакт несовместимых этносов. Есенин акцентирует внимание на совместимости самостоятельных этносов (русских, монголоязычных калмыков, тюркоязычных башкир и татар, а также степных киргизов или киргизкайсаков) в русле важнейшего направления этнологии – этнической психологии, объясняющей быт, нравы этноса его темпераментом, волей, коллективным разумом (Г.Шпет, «Введение в этническую психологию», 1927). Этническая психология и душа народа (не в метафизическом, но конкретном смысле, близком понятию «модель») – корреляты. Вопрос о ментальности степных народов поставлен уже в начале поэмы.

В первой строфе говорится о Чагане – «приюте дикарей» [Есенин, 1998: 7], в слове «дикарь» нет уничижительной коннотации, скорее семантически оно сближается со «скифским» представлением о стихийности, свободе, воле, преодолении исторической инерции. Скифы в представлениях 1910–1920-х годов пассионарны. К слову, древние башкиры (аргиппеи) одевались по-скифски (Геродот) и представляли скифский

род пасиртаев (Клавдий Птолемей). Гумилев, сторонник русско-тюркско-монгольского симбиоза, связывает этногенез с ландшафтом («Этногerez и биосфера Земли»), но и есенинский Пугачев объясняет характер степняков спецификой природы: «Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо / Скачут там шерстожелтые горные реки! / Не с того ли так свищут монгольские орды / Всем тем диким и злым, что сидит в человеке?» [Есенин, 1998: 46]⁴.

Пугачев о себе говорит: «И сердцем такой же степной дикарь!» [Есенин, 1998: 21]. Фразы о ментальной близости этносов произносит и Зарубин: «Подружилась с твоими селами / Скуломордая татарва», «не березовая ль то Монголия? / Не кибитки ль киргиз – стога?.. » [Есенин, 1998: 34]. Он же слова «кочевнический пересвист» относит ко всему «люду честному» [Есенин, 1998: 34]. Словами Пугачева Есенин поэтизирует азиатскую ойкумену: «О, Азия, Азия! Голубая страна, / Осыпанная солью, песком и известкой. / Там так медленно по небу едет луна, / Поскрипывая колесами, как киргиз с повозкой» [Есенин, 1998: 46]. Азия в сознании Пугачева – спасительная, союзническая сторона, заговорщики не оставляют ему шанса достичь «азиатчины» [Есенин, 1998: 46].

Восприятие русскими «монгольца» или киргиза различно. Для Тамбовцева они «монгольская мразь» [Есенин, 1998: 14]. Кирпичников выражает совпадающую с пушкинской есенинскую точку зрения: «Он ушел, этот смуглый монголец, / Дай же Бог ему добрый путь» [Есенин, 1998: 15]. В самой полярности оценок «степных дикарей» очевидно следование «Капитанской дочке», где они различны, как различны образы «башкирца»-пугачевца и крещеного калмыка Юлая (ср.: в «Истории Пугачева» – защитника Нижне-Озерной крепости татарина-магометанина Бикбая, перекрестившегося перед казнью).

В поэме подбор событий, раскрывающих этническую психологию степняков, избирателен. Пушкин, стремясь – насколько это было возможно в условиях написания «Истории Пугачева» – к полноте картины, уделил внимание и «дикарям» среди противников Пугачева, он рассказал о казненных им татарине, киргизе, калмычком полковнике, сообщил

⁴ П. И. Тартаковский обращает внимание на сходство образа «Но зато кто бы знал, как бурливо и гордо / Скачут там шерстожелтые горные реки!» с фрагментом воспоминаний Ф. В. Лихолетова, сопровождавшего Есенина во время поездки по предгорьям Чимгана: поэт всмотрелся в бурный поток речки и сравнил его с верблюжьей шерстью [Тартаковский, 1981: 77].

о том, что татары пленили Хлопушу и «послали уведомить о том губернатора» [Пушкин, 1962: 62]. Говорится и об облаканном Михельсоном пленном башкире, который дал информацию о продвижении пугачевцев. Рассказано о выступивших против Пугачева у Камышинки пятистах калмыках, которые, однако, в отличие от солдат и казаков, «разбежались при первом пушечном выстреле» [Пушкин, 1962: 95]. В приведенных Пушкиным фактах – при его очевидной толерантности по отношению к степным народам – нет и тени романтизации или идеализации «дикаря». Пушкин, например, сообщает о «ворующих киргизах» [Пушкин, 1962: 99] – на них напал и их прогнал Суворов. В поэме, по сути, нет мотивов трусости и измены кочевников. Слова Чумакова: «Калмыки и башкиры удрали к Аральску в Азию» [Есенин, 1998: 41], – скорее, отражают факт победы Михельсона; смысл слов о бегущих степняках, об их грабежах в пограничной России смягчен тем, что их произносит изменник Крямин.

Есенин, хотевший видеть в революции скифскую силу, нашел удачный образ для выражения своего понимания стихии этносов – «разящие волны», а слова «кочующие станы» [Есенин, 1998: 48] созвучны мотиву русских/скифских кочевий из «Ключей Марии» (1918). Для Есенина «скифство» не было пройденным этапом. Когда он говорил, что «Пугачев» – «революционная вещь» [Кириллов, 1986: 270], он, скорее всего, имел в виду не 1917 г. Так, 7 февраля 1923 г. Есенин писал А. Кусикову: «А теперь – злое уныние. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь» [Есенин, 1999: 154]; при встрече с В. Чернявским в апреле 1924 г. он говорил, «что все, во что он верил, идет на убыль, что его “есенинская” революция еще не пришла» [Чернявский, 1986: 230]. История бунта актуализирована им, как она была актуализирована пережившим декабристское восстание Пушкиным.

Во-первых, Есенин мог быть свидетелем голода⁵. Во-вторых, Есенин не мог не откликнуться на восстания крестьян и карательные экспедиции против них. Начало работы над поэмой – конец 1920 г., и к

⁵ Н. И. Шубникова-Гусева обращает внимание на созвучие с голодом в Поволжье слов сторожа Яицкого городка: «Всех связали, всех вневоллили, / С голоду хоть жри железо. / И течет заря над полем / С горла неба перерезанного» [Есенин, 1998: 9] [Шубникова-Гусева, 2001: 126]. В письме Ключеву от 5 мая 1922 г. Есенин сообщал о голоде в центральных губерниях – не меньшем, чем на севере.

этому времени антоновщина⁶ развернулась в настоящее крестьянское сопротивление: в июне 1920 г. было принято решение объединить партизанские группы, были созданы две повстанческие армии, 19 августа 1920 г. восстание вспыхнуло. В конце мая 1921 г. Есенин читал незаконченную поэму в Ташкенте – 21 мая 1921 г. была провозглашена Временная демократическая республика Тамбовского партизанского края. Поэма закончена в августе 1921 г. (позже вносились уточнения) – и летом 1921 г. восстание потерпело поражение, хотя боевые действия велись до лета 1922 г.

Соотношение русского и азиатского в национальном характере – острый в 1900–1920 годы вопрос этнической психологии. Это видно из посвященной русской ментальности, русскому крестьянству публицистики М. Горького и реакции на нее интеллигенции до и после революции. Для И. А. Бунина восставший в 1917 г. русский народ – тот же киргиз, как «скиф» – «рожа», «азиат», «киргиз» [Бунин, 2000: 420, 421, 425]. В русской ментальности он чувствовал азиатскую примесь, которая разрушила империю, и записал в дневнике 2/15 апреля 1921 г.: «“Полудикие народы... их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость...” (“Капитанская Дочка”). Это чудесное определение очень подходит ко в с е м у русскому народу» [Бунин, 2000: 397]. В «Капитанской дочке» эта мысль не имеет никакого отношения к русским: «Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно владычество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непрестанного надзора для удержания их в повиновении» [Пушкин, 1960: 327].

Характеристики «дикий», «полудикий» применительно к человеку или народу имеют негативный смысл, в отличие от романтической «дикарки» или дикой природы, дикого зверя. Есенину нравилось, что Вс. Иванов описал «необычайную дикую красоту Монголии» [Есенин, 1997: 244]. Но Иванов все же показал («Дитё», 1921) чужой

⁶ По замечанию Л. В. Занковской, в поэме Есенина «преданный Пугачев несколько раз повторяет: “Дорогие мои... хорошие”. Эти слова облетели в 1921 году всю Россию. Это были как раз те слова, которые укоряюще, с горечью повторял атаман Антонов, руководитель крестьянской войны против большевиков, перед своей казнью. Говорил он их красноармейцам, таким же, как он сам, крестьянам, одетым в военную форму...» [Занковская, 1997: 207].

мир: «Монголия – зверь дикий и нерадостный», «у человека монгольского сердце неизвестно какое» [Иванов, 1977: 245]. Дикие и партизаны: они убили киргизского младенца, чтобы молоко кормилицы-киргизки сполна доставалось русскому младенцу; когда им было «невтерпеж», они «седлали лошадей и ловили в степи киргизок» [Иванов, 1977: 245]. Этот фрагмент сопоставим со строками из «Соляного бунта» (1932–1933) П. Васильева: «И когда не хватало станичникам жен привозных, / Снаряжались в аулы, чинили резню, табуны угоняли, / Волокли полонянок скуластых за косы по травам / И, бросая в седло, увозили к себе на тыны, / Там, в постелях пуховых, с дикарками тешились вволю» [Васильев, 2002: 123]. В «Сорок первом» (1924) Б. Лавренева Туркестан – тоже чужая, «смутная азийская страна»: там живут «сухогубые туркменские жены», в «Кара-Кумах» нечего «жрать», «один конец – подыхать!», красноармейцы уводят у киргизов верблюдов – и «киргиз без верблюда помирать пошел...», киргизы уводят верблюдов у красноармейцев – и тем «тоже без верблюдов теперь подыхать» [Лавренев, 1977: 290, 280, 284, 287]. Чагатаев А. Платонова («Джан», 1938) идет по своей «детской стране», как «по чужому миру»: «Курганчи, кибитки, встречные ослы и верблюды, деревья по арыкам, летающие насекомые – все было прежнее, неизменное, но равнодушное к Чагатаеву» [Платонов, 1988: 398, 391].

Для Есенина ни русский, ни азиат – не дикарь, не полудикарь. Азия влекла его новизной впечатлений и образов. Платонова сближало с ним стремление понять туркестанскую ментальность. В десятой записной книжке (1934) Платонова сказано о «пустыне – матери скудной и худой», но и о душе Туркмении – она «столь же свежа и хороша, как античное лицо ее людей, потомков парфян» [Платонов, 2000: 132, 128]. Близко есенинскому пониманию Востока содержание книги С. Кржижановского «Салыр-Гюль. Узбекистанские импресии» (1933). Вслед за Есениным личный интерес к восточным этносам высказал П. Васильев, который знал жизнь Сибири, Казахстана, он, как Есенин, был и в Ташкенте, и в Самарканде, и в Батуми, «задержался» [Васильев, 2002: 799] и, как он писал И. Ф. Пшеницыной 29 января 1929 г. из Хабаровска, в Бурято-Монгольской республике. Российский Восток с его этнической спецификой и непростыми национальными отношениями – одна из главных тем его поэзии и прозы. Отношение русского азиата Васильева к «инородцам» сходно с есенинским и принципиально отличалось от национального превосходства, укоренившегося в казачьей среде, родом из которой был отец. Если в «Песне о гибели казачьего войска» (1929–1930) на-

циональный снобизм обозначен: «Одолеет кыргизня, / Только дай ей волю», «Ты скажи-ка, паря мне, по какому праву / Окаянно кыргизьё косит наши травы?», то в «Соляном бунте» национальное противостояние определяет судьбы народов: «Кто владеет / Степной страной?», и – как следствие – описана дикая расправа над киргизами [Васильев, 2002: 61, 70]. Киргизы скармливают псам уши казаков, а казаки зверски вырезают изможденных нуждой и голодом киргизов, отказавшихся трудиться на соляных разработках за пять рублей в год. Если в лирических темах Васильева проявился этнический симбиоз, то в исторических – ксения, но чреватая социальными взрывами.

Акцент на родстве темпераментов, характеров Пугачева и степняков отнюдь не исчерпывает есенинского восприятия русского характера. Для него, в отличие от Бунина или Горького, не существовало вопроса об азиатских чертах в натуре русских. Слова о Москве – «дремотной Азии» и России – «азиатской стороне» [Есенин, 1995: 167, 170] в определенной степени отразили реакцию поэта на Запад. В строках его письма И. И. Шнейдеру от 21 июня 1922 г. из Висбадена: «Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они. <...> Спасет и перестроит их только нашествие таких варваров, как мы» [Есенин, 1999: 137–138] есть вызов, по смыслу и интонационно повторяющий вызов А. Блока, в «Скифах» (1918) которого наше азиатство – не более чем угроза снобистской Европе. Приведем написанные 11 января 1918 г. слова Блока: «<...> мы скинемся азиатами», «Мы – варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары» [Блок, 1963: 317]. Из окружения Есенина только А. Кусиков, горец с Арбата, писал о сочетании в себе двух национальных культур, о слиянии двух молитв – православной и мусульманской. Евразийство – не только поэтическое, эмоциональное, но и мировоззренческое – выражено в произведениях общавшихся с Есениным Н. Клюева и В. Хлебникова⁷.

Список литературы

Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М.; Л., 1963.

Бунин И. С. Инония и Китеж // Бунин И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 2000.

⁷ Весной или летом 1921 г. Хлебников передал Есенину рукописи своих произведений, в том числе написанную на «персидскую» тему поэму «Труба Гуль-муллы» (первоначальное название поэмы «Тиран без Тэ»), конец 1921, 1922), однако влияния Хлебникова на «Персидские мотивы» (1924–1925) мы не видим.

- Васильев П.* Соляной бунт // Васильев П. Сочинения. Письма. М., 2002.
- Дубровин Н. Ф.* Пугачев и его сообщники: Эпизод из жизни царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг.: По неизданным источникам: [В 3 т.]. СПб., 1884.
- Есенин С.* Полное собрание сочинений: В 7 т. (9 кн.). Т. 6. М., 1999.
- Есенин С.* Пугачев // Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). Т. 3. М., 1998.
- Есенин С.* <О писателях-«попутчиках»> // Есенин С. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). Т. 5. М., 1997.
- Занковская Л. В.* Новый Есенин: Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. М., 1997.
- Иванов Вс.* Дитё // Русская новеллистика советской эпохи. Budapest, 1977.
- Кириллов В. Т.* Встречи с Есениным // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1986.
- Клюев Н.* Словесное древо. СПб., 2003.
- Лавренев Б.* Сорок первый // Русская новеллистика советской эпохи. Budapest, 1977.
- Летопись жизни и творчества С. А. Есенина:* В 5 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2005.
- Летопись жизни и творчества С. А. Есенина:* В 5 т. Т. 3. Кн. 2. М., 2008.
- Платонов А.* Джан // Платонов А. Государственный житель. М., 1988.
- Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000.
- Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1959.
- Пушкин А. С.* Капитанская дочка // Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1960.
- Пушкин А. С.* История Пугачева / Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1962.
- Розанов И. Н.* Воспоминания о Сергее Есенине // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1986.
- Ройзман М.* Все, что помню о Есенине. М., 1973.
- Скифы.* Сб. 1. СПб.: Скифы, 1917.
- Тартаковский П. И.* Свет вечерний шафранного края...: (Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина). Ташкент, 1981.
- Чернявский В. С.* Три эпохи встреч (1915–1925) // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 1. М., 1986.
- Шубникова-Гусева Н. И.* Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., 2001.
- Эллес Ф.* Сергей Есенин и Айседора Дункан // С. А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1986.

Сведения об авторе: Солнцева Наталья Михайловна, докт. филол. наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филол. ф-та МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: natashasolnceva@yandex.ru

Д.Д.Николаев

ПАРИЖСКОЕ «ВОЗРОЖДЕНИЕ» 1920-Х ГГ. О СЕРГЕЕ ЕСЕНИНЕ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ОТ БУНИНА К ХОДАСЕВИЧУ (1925–1926)

В статье анализируются публикации парижской газеты «Возрождение» о Сергее Есенине. Показывается, как менялась позиция одной из самых авторитетных газет в 1920-е гг. Тональность оценок Бунина являлась на страницах «Возрождения» скорее исключением, нежели правилом. Ни одной литературно-критической статьи о творчестве Есенина в 1925-1926 гг. в газете напечатано не было, но его упоминали на страницах «Возрождения» более 40 раз – в основном в информационных заметках и в публицистике. О Есенине писали А.Яблоновский, Л.Львов, А.Амфитеатров и др. В самоубийстве Есенина «Возрождение» обвиняло большевиков, что позволяло оценивать его не как советского поэта, а как «талантливого человека», «подлинного поэта».

Ключевые слова: Есенин, газета «Возрождение», Бунин, критика русского зарубежья, русский Париж, русская литература 20 в.

Publications of the Paris newspaper 'Vozrozhdeniye' (Revival) on Sergey Esenin are analyzed in the article. It is shown how the position of one of the most authoritative newspapers of the 1920s was changing. The mood of Bunin's estimates was rather an exception than the rule on Vozrozhdeniye's pages. No single literary-critical article about Esenin's work was published in the newspaper in 1925-1926, but he was mentioned on Vozrozhdeniye's pages more than 40 times – mainly in informative reports and in publicistic materials. A.Yablonovsky, L.L'vov, A. Amfiteatrov and others wrote about Esenin. Vozrozhdeniye blamed Bolsheviks for Esenin's suicide, which enabled it to characterize him not as a Soviet poet, but as "a talented man", "a true poet".

Key words: Esenin, "Vozrozhdeniye", Bunin, the Russian Paris, the 20th century Russian literature.

Ежедневная газета «Возрождение» начала выходить в Париже 3 июня 1925 г. Ее «двуединую задачу» редактор П. Б. Струве определял в передовой статье «Освобождение и Возрождение». Во-первых, «необходимо освободить родину от коммунистического ига» «разом и навсегда», и, во-вторых, нужно прикладывать «величайшие и дли-

тельные усилия» «к творческому возрождению национального духа и национального бытия». Струве заявлял, что «с мерзостью и позором коммунистического ига не может быть никакого примирения, а необходима неустанная, растущая в своей действительности героическая борьба»¹. И борьбу эту газета сразу же повела не только с политической верхушкой СССР, но и со всем, что было связано с советской властью. В том числе и с советской литературой.

В первом же номере в очерке «О России» Лоллий Львов утверждал: «Раскройте советские книги и журналы, и если со страниц их на вас порою пахнет не только пошлой бездарностью и безграмотностью, если вы иногда ощутите в них что-нибудь овеванное дуновением жизни и запечатленное печатью таланта, то знайте – это будет обязательно ядовитое обличение советской бесприютной жизни <...>»². Казалось бы, категорическое неприятие «Возрождением» писателей, связавших свою судьбу с большевиками, в том числе и Сергея Есенина, было предопределено. Но, не отступая от общей линии, «Возрождение» – и при Струве, и после его ухода – проводило достаточно гибкую редакционную политику в отношении писателей, связанных с СССР. Это проявилось, в частности, и в оценках Есенина и его творчества.

О позиции газеты сейчас судят, естественно, прежде всего по наиболее известным статьям тех лет. И если говорить о публикациях «Возрождения» 1920-х гг., в которых упоминалось имя Есенина, то это в первую очередь статьи И. А. Бунина «Инония и Китеж», «Версты» и «Самородки». Бунин в них называет Есенина «истинным Иваном Непомнящим», у которого есть «только дикарская страсть к хвастовству да умение плевать», а стихи его – «виршами»³ и «писарской <...> лирикой»⁴.

Эти категорические суждения Бунина сейчас заслоняют и статью В. Ф. Ходасевича 1927 г. «Цыганская власть», в ответ на которую Бунин напечатал в «Возрождении» своих «Самородков», и статью А. А. Ябло-

¹ *Струве Петр*. Освобождение и Возрождение // *Возрождение*. 1925. 3 июня. №1. С. 1.

² *Львов Лоллий*. О России // *Возрождение*. 1925. 3 июня. №1. С. 3.

³ *Бунин И. А.* Инония и Китеж: К 50-летию со дня смерти гр. А. К. Толстого // *Возрождение*. 1925. 12 октября. №132. С. 2–4. См. в кн.: *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1952 гг. / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998. С. 158–171.

⁴ *Бунин И. А.* Версты // *Возрождение*. 1926. 5 августа. №429. С. 3. См. в кн.: *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1952 гг. С. 218–221.

новского «Есенин», опубликованную на следующий день после сообщения о самоубийстве поэта. Но на самом деле тональность оценок Бунина являлась на страницах «Возрождения» в 1920-е гг. скорее исключением, нежели правилом. Бунинский авторитет, в конечном итоге, в читательском восприятии мог перевесить все остальное, но судить о «редакционном» отношении к Есенину мы должны по всему корпусу публикаций. А только в 1925–1926 гг. Есенина упоминали на страницах «Возрождения» более 40 раз. Правда, ни одной литературно-критической или литературоведческой статьи посвященной собственно творчеству Есенина, его литературному наследию в газете в эти годы напечатано не было. В основном имя Есенина мы встречаем в информационных заметках (новостных разделах, литературной хронике, в корреспонденциях, которые помещались в рубриках «Зарубежная Россия» и «Россия советская») и в публицистике.

Когда мы говорим, что оценка Бунина не являлась определяющей, то сразу должны сделать оговорку. Это утверждение не относится к 1925 г., поскольку напечатанная 12 октября статья «Инония и Китеж: К 50-летию со дня смерти гр. А.К. Толстого» была единственной значимой публикацией, связанной с Есениным, появившейся в «Возрождении» до гибели поэта. И, разумеется, именно она отражала отношение «Возрождения» к Есенину – пока он был еще жив.

Бунин, демонстративно подписавший статью еще и званием «почетный академик», противопоставлял Россию «прежнюю», Россию Толстых, Россию, к возрождению которой, собственно, и стремилось «Возрождение», – «новой» России «комсомольца Есенина». «Эти хвастливые вирши, – прибавьте к ним заборную орфографию, – случайно попавшие мне на глаза недавно и принадлежащие некоему “крестьянину” Есенину, далеко не случайны. Сколько пишется теперь подобных! И какая символическая фигура этот советский хулиган, и сколь многим теперешним “болванам”, возвещающим России “новую эру”, он именно чета, и сколь он прав, что тут действительно стоит роковой вопрос: под знаком старой или так называемой новой “эры” быть России и обязательно ли подлинный русский человек есть “обдор”, азиат, дикарь или нет? Теперь все больше входит в моду отвечать на этот вопрос, что да, обязательно. И московские “рожи”, не довольствуясь тем, что оне и от рождения рожи, из кожи вон лезут, чтобы стать рожами сугубыми, архирожами, – писал Бунин. – Есть два непримиримых мира: Толстые, сыны “святой Руси”, Святогоры, богомольцы града Китежа – и “рожи”,

комсомольцы Есенины, те, коих былины называли когда-то Иванами. И неужели эти “рожи” возобладают? Неужели все более и более будет затемняться тот благой лик Руси, коего певцом был Толстой?»⁵

Казалось бы, Есенину и его «виршам» вынесен приговор – окончательный и обжалованию не подлежащий, но самоубийство поэта все изменило. «Возрождение», правда, в отличие от пражского журнала «Русская Неделя» не заявляло: «Смерть Есенина отдала его нам»⁶. Но смерть Есенина, безусловно, вырвала его из рядов тех, кто был ненавистен редакции, а потому и тональность оценок поэта изменилась.

О самоубийстве Есенина газета сообщает 30 декабря 1925 г. В небольшой заметке, опубликованной в разделе «Последние известия» в самом низу первой страницы, в частности, говорилось: «Москва, 28 декабря. В Петрограде покончил с собой поэт Сергей Есенин. Его нашли повесившимся с перерезанными венами»⁷.

На следующий день «Возрождение» печатает очерк Александра Яблоновского «Есенин». «Пьяный, дикий, разнузданный и морально растерзанный, но талантливый, несомненно талантливый... Невероятный кощунник, отъявленный нахал, нестерпимый забияка и хулиган с головы до ног. Но с надрывом, с тоской» – весь очерк Яблоновского был построен на этом противопоставлении двух начал у Есенина, противопоставлении, которое и в дальнейшем постоянно звучало в «Возрождении» – в статьях и заметках разных сотрудников.

Яблоновского никак нельзя было отнести к числу горячих поклонников Есенина, но и полного неприятия творчество Есенина у него не вызывало. Он смотрел на поэта как бы стороны, оценивал его – даже в этой статье, напечатанной, по сути, в качестве некролога, – не столько эмоционально, сколько рационально. Горечи утраты в его суждениях не чувствовалось, но зато у него было четкое понимание того, как смерть Есенина газета можно использовать в борьбе с большевизмом. Был также журналистский интерес и умение опытного журналиста сразу определить те главные линии, которые должны заинтересовать читателя. Собственно говоря, в этом очерке Яблоновского наметились связанные

⁵ Бунин И. А. Инония и Китеж... // Указ. изд.

⁶ Николаев Д. Д. «Смерть Есенина отдала его нам» (Русская Прага 1920-х годов о Сергее Есенине) // Сергей Есенин и русская история: Сб. трудов по материалам Межд. научной конф. М.; Константиново; Рязань, 2013. С. 222–230.

⁷ Самоубийство Есенина // Возрождение. 1925. 30 декабря. №211. С. 1.

с Есениным основные «тезисы», которые затем будет развивать «Возрождение».

Во-первых, это упомянутая уже «раздвоенность» Есенина, позволяющая легко объяснить и взлеты, и падения, и сотрудничество с большевиками, и самоубийство, которое неизменно рассматривалось в дальнейшем как форма протеста, как единственно возможный путь убежать от советской власти, от прелестей большевистского рая. «Все мог» – вот формула, выведенная Яблоновским:

«Такой человек, как Есенин, мог выстрелить в икону или в “причастие”, а потом ночью повалиться на колени и плакать пьяными слезами пред распятием...

Все мог.

Мог слагать гимны в честь советской власти, но мог и “жидов” бить.

Мог подняться до настоящего вдохновения, но мог упасть и до стихотворной матерщины... <...>

Было творчество у этого бедного малого, была и душа, которая улыбалась, был и талант, который горел настоящим огнем. Ведь талант – это подарок судьбы: – он может очутиться и в суме нищего и за обшлагом хулигана.

Нужды нет, что Есенин топил свое дарование в вине и не умел “носить” свой талант (талант, как и одежду, можно носить, но можно и таскать). Но что он был отмечен, но что он был из числа званных и избранных, – это не подлежит сомнению».

Во-вторых, скандальные подробности биографии Есенина – эту тему, кстати, с особой охотой потом разрабатывал сам Яблоновский. Брак поэта с Айседорой Дункан («С пьяных глаз женился на старой женщине»), то, как он бил ее ножкой от стула, – обо всем этом Яблоновский писал и позже. Темы взаимоотношений Есенина и Айседоры Дункан он касался в публикациях и 1926 г. («Стыдные воспоминания»⁸), и 1927 г. («Айседора»⁹).

«С именем Есенина как-то само собой связывается представление о нестерпимом скандале», – утверждал Яблоновский. Не будем ни оспаривать это утверждение, ни соглашаться с ним, поскольку в данном

⁸ Яблоновский Александр. Стыдные воспоминания // Возрождение. 1926. 9 декабря. №555. С. 2.

⁹ Яблоновский Александр. Айседора // Возрождение. 1927. 23 января. №600. С. 3.

случае важно другое: в большом количестве публикаций «Возрождения» Есенин и скандал действительно были связаны неразрывно.

Третий тезис Яблоновского: «Его несчастье и его проклятие составляло д у р н о е о б щ е с т в о . В обезьяньих лапах большевизма и советчины он чувствовал себя, как гость в публичном доме. <...> Бедный Есенин был брошен судьбой в помойную яму большевизма. У него не было друзей, а были собутыльники. У него не было руководителей, а были лстецы, У него не было школы, а была партия межеумков. Короче сказать, это был колокольчик, подвешенный на шее советского осла». Об этом – хотя и не в том смысле, который определялся Яблоновским, – впоследствии в «Возрождении» будет писать Ходасевич. И с этим будет спорить Бунин, убежденный, что Есенин сам – дурное общество.

Н. И. Шубникова-Гусева в своем исследовании «Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945)» рассматривает позицию Яблоновского как близкую к бунинской, подчеркивая, что «тенденциозные оценки личности Есенина от “советского хулигана” до “колокольчика, подвешенного на шею советского осла” (А. Яблоновский) неизменно получали гневную отповедь в среде эмигрантов»¹⁰. Но в контексте «Возрождения» статья Яблоновского, скорее, воспринималась как полемичная по отношению к Бунину: Есенин-«колокольчик» здесь от «советского осла» отделялся, рассматривался как нечто искусственно с ним соединенное (не случайно Яблоновский пишет «подвешенный», а не подвесившийся) и в конце концов пусть своей смертью, но бросивший вызов большевикам.

Именно об этом писал Яблоновский в финале статьи. Финале, в котором счет за гибель Есенина предьявляется советской власти. Финале, в котором Есенин ставился в один ряд не только с Блоком, но и с Гумилевым:

«Перерезанные жилы.

Стихотворение, написание кровью...

Конечно, советский осел не поймет, почему с его шеи упал колокольчик..

¹⁰ Шубникова-Гусева Н. И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945). http://russie-europe.ens-lyon.fr/article.php3?id_article=48

Но пора уже и понять..

Ведь это, милостивые государи, уже третий поэт, который задохнулся в обезьяньих лапах:

– Гумилева вы убили, Блока уморили голодом, а Есенина довели до веревки»¹¹.

Погибший – «упавший» с шеи осла «колокольчик» – вновь превращался в «поэта»: для Бунина такая оценка Есенина была неприемлема, что он позже продемонстрировал в статьях «Версты» и «Самородки». Бунин не разделял Есенина и большевиков, не допускал Есенина в свой мир, мир, которому, по его мнению, и должно было служить «Возрождение»: «Правильно тут только одно: есть два непримиримых мира: Толстые, сыны “святой Руси”, Святогоры, богомольцы града Китежа – и “рожи”, комсомольцы Есенины, те, коих былины называли когда-то Иванами»¹². Но на страницах газеты среди значимых сотрудников столь «непримиримую» позицию по отношению к погибшему поэту занимал, пожалуй, только Бунин. А схожие с бунинскими оценки звучали в 1926 г. лишь раз – в рецензии Н. Кульмана на «Митину любовь» Бунина: «Однако наши зарубежные писатели, – бесспорно, цвет русской литературы, – несмотря на тяжесть жизненной обстановки, дали за короткое время ряд прекраснейших произведений. И тогда, когда Маяковский, Эренбург, Есенин, Пастернак, Пильняк, “казак” Иванов и “татарка” Сейфуллина станут предметом внимания только историко-литературных гробокопателей или психиатров, произведения зарубежных русских писателей не утратят своей художественной ценности»¹³.

Редакционная политика позволяла теперь писать о Есенине совершенно иначе. Газете при этом не пришлось отказываться о своих прежних публикаций, а сотрудникам «Возрождения» – кривить душой. Как уже было отмечено, «Возрождение», начавшее выходить летом 1925 г., просто не успело за прошедшие без малого семь месяцев напечатать ничего примечательного о Есенине, кроме статьи Бунина «Инония

¹¹ Яблоновский Александр. Есенин // Возрождение. 1925. 31 декабря. №212. С. 2.

¹² Бунин И. А. Инония и Китеж... // Указ. изд.

¹³ Кульман Н. «Митина любовь» Бунина // Возрождение. 1926. 25 февраля. №268. С.4.

и Китеж». А статьи Бунина, как всем было понятно, отражали его собственное мнение, которое публиковавшие их издания могли разделять полностью, а могли и не во всем. Кроме того, среди сотрудников газеты были те, кто всегда признавал талант, если не сказать гений Есенина. Прежде подобное на страницах «Возрождения» звучало бы, разумеется, неуместно, но после того как Есенин своей смертью, по мнению редакции, противопоставил себя большевикам, его творчество как бы отделилось от пробольшевистской литературы.

5 января 1926 г. в заметке «К самоубийству Есенина» «Возрождение» со ссылкой на «Правду» сообщает, что «в последнее время Есенин лечился в Московской психиатрической лечебнице» и «по мнению друзей Есенина, самоубийство является выполнением давно задуманной мысли»¹⁴. А на следующий день газета помещает стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Публикацию, озаглавленную «Предсмертные стихи Есенина», предварял редакционный комментарий: «В “Известиях” воспроизведено последнее предсмертное стихотворение повесившегося С. Есенина, написанное кровью. Вот оно полностью»¹⁵.

Вообще, в течение 1926 г. произведения Есенина в «Возрождении» публиковались дважды. 2 марта 1926 г. из февральского номера журнала «Красная Новь» газета перепечатала стихотворение «Собаке Качалова»¹⁶. Некоторое впечатление о творчестве Есенина читатели могли составить и по фрагментам, приводившимся в различных статьях. Цитировались стихотворения «Осень» («Тихо в чаще можжевеля по обрыву...»), «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...», «Не гляди на меня с упреком...» и др.

Впрочем, в Париже не представляло труда достать и новые книги Есенина. Объявления об их продаже появлялись в том числе и в «Возрождении». Так, в июне 1926 г. в книжном магазине при газете продавались сразу три книги Есенина – «Собрание стихов и поэм», «Пугачев» и «Стихи скандалиста»¹⁷. 25 июля книжный магазин товарищества «Н. П. Карбасников» в Париже, представляя новинки, сообщал о поступлении книги Есенина «Мой путь: Стихи». На основании того, как составлено рекламное объявление, можно утверждать, что стихи

¹⁴ К самоубийству Есенина // Возрождение. 1926. 5 января. №217. С. 1.

¹⁵ Предсмертные стихи Есенина // Возрождение. 1926. 6 января. №218. С. 3.

¹⁶ Есенин. Собаке Качалова // Возрождение. 1926. 2 марта. №273. С. 4.

¹⁷ Возрождение. 1926. 16 июня. №379. С.4.

Есенина в то время в Париже пользовались особой популярностью: сообщение о его новой книге отделено в объявлении от информации о других новинках – книгах Д. Святополка-Мирского, А. Ренникова и Ю. Слезкина – и обрамлено отдельной рамкой¹⁸.

Примерно в те же дни «Мой путь» появляется и в книжном магазине «Возрождения» – и там, рекламируя книгу Есенина, ее также выделяют: в объявлении, помещенном в газете 27 июля, она выносится на самый верх, выше книг Д. С. Мережковского, А. Н. Толстого, О. Бебутовой и Савватия¹⁹.

Кстати, публикация стихотворений Есенина в первой книжке «Верст» побудила Бунина вновь высказаться по его поводу на страницах «Возрождения». В своей статье о «Верстах» Бунин с нескрываемым раздражением пишет о перепечатках из советской печати, которыми, по его мнению, «русские зарубежные издания, неизвестно, по какому праву, уже давным-давно так злоупотребляют <...>, что смотреть тошно». Первыми среди нескольких примеров приводятся цитаты из Есенина («Но люблю я твой взор с поволокой // И лукавую кротость твою... // Мне в лице твоём снится другая, // У которой глаза голубень... // Пусть она и не выглядит кроткой, // И, пожалуй, на вид холодна...»), которые сопровождаются следующим комментарием: «А, кроме того, что в них замечательного и нового? Писарская, сердцещипательная или нарочито-разухабистая лирика Есенина известна, переизвестна. <...> Что тут, повторяю, нового, если исключить дурацкое слово “голубень”, что тут “самого лучшего, самого живого”?»²⁰

На протяжении всего 1926 г. в «Возрождении» внимательным образом следят за тем, что пишется о Есенине или в связи с Есениным и в СССР, и за границей, и представляют читателям свою точку зрения на жизнь Есенина и – главное – на его смерть.

Разумеется, среди публикаций есть и те, что носят информативный характер. Все их здесь перечислять мы не будем, но обратим внимание на отсутствие негативных редакционных комментариев. Так, «Возрождение» сообщает о двух вечерах памяти Есенина, устроенных в Праге.

¹⁸ Возрождение. 1926. 25 июля. №418. С. 6.

¹⁹ Возрождение. 1926. 27 июля. №420. С. 4.

²⁰ Бунин И. А. Версты // Возрождение. 1926. 5 августа. №429. С. 3. См. в кн.: Бунин И. А. Публицистика 1918–1952 гг. С. 218–221.

В заметке о первом из них, организованном редакцией журнала «Своими Путиями»²¹ совместно со «Скитом Поэтов», сообщается, что «вечер собрал много публики». В заметке о втором – его проводил Союз Русских писателей и журналистов в Праге совместно с Чешско-Русской Еднотой – о том, что это «был интересный вечер, вечер подлинного чешско-русского единения на почве изучения русской литературы». При этом сам Есенин характеризуется примерно одними и теми же словами: «безвременно погибший поэт»²² и «безвременно погибший русский поэт»²³.

Анонс еще одного вечера памяти Есенина, который должен был состояться 27 февраля в Париже, в помещении Союза Молодых Поэтов и Писателей (79, rue Damfer-Roшро), газета помещает 26 февраля²⁴. Сообщается и об исполнении стихотворений Есенина в советской России. В частности, со ссылкой на советские газеты рассказывается о вечере в Петроградской Филармонии: «О. Л. Книппер прочла стихотворения Есенина. стихи читать (даже с точки зрения поэтов) умеет, но как противоположен ее таланту именно талант Есенина! Какой он получился благопристойный, благополучный пай-мальчик!»²⁵

29 марта «Возрождение» приводит отчет из «Известий» о чтении в Москве в Доме Печати пьесы «Есенин», написанной Олегом Леонидовым и Рюриком Ивневым: «Пьеса построена на ряде картин: Есенин в деревне, Есенин в Петербурге, Есенин в Царском Селе, в кафе поэтов, в книжной лавке поэтов, Есенин на Западе, Есенин в Персии, Есенин в санатории и, наконец, в номере ленинградской гостиницы, где он покончил самоубийством.

У авторов Есенин почти на всем протяжении пьесы говорит своими стихами.

Выступления ряда ораторов в прениях носили весьма резкий характер. Не только осуждали пьесу, как халтурный недоносок, но и

²¹ О журнале «Своими Путиями» см.: Николаев Д. Д. Русская эмигрантская периодика в Чехословакии // Литература русского зарубежья: 1920–1940. Вып. 3. М., 2004. С. 329–426.

²² Вечер памяти Есенина // Возрождение. 1926. 3 февраля. №246. С. 3.

²³ С. В. Русско-чешский вечер памяти С. Есенина // Возрождение. 1926. 24 февраля. №267. С. 2.

²⁴ Вечер памяти С. Есенина // Возрождение. 1926. 26 февраля. №269. С. 3.

²⁵ Возрождение. 1926. 11 марта. №282. С. 4.

указывали, что самый факт написания подобной пьесы через два месяца после смерти Есенина является оскорбительным для памяти поэта»²⁶.

27 мая 1926 г. газета сообщает о том, что в Государственном издательстве вышли первые два тома стихотворений С. Есенина, а также о вечере рассказов артиста Малого театра В. Лебедева, на котором выступала артистка Полонская, прочитавшая стихи Есенина²⁷.

Целая серия публикаций посвящена родному селу Есенина. В феврале пересказываются впечатления от поездки в Константиново, приведенные в «Красной Газете»²⁸, а затем со ссылкой на «Известия» рассказывается о поездке в Константиново 6 июня делегации Всероссийского союза писателей, принимавшей шефство над родным селом Есенина²⁹. В этих материалах «Возрождение» уже приводит некоторые оценки, показывая, как – в изложении советской прессы – воспринимали Есенина и его поэзию в его родном селе: «Село знало и помнило поэта. Он часто приезжал туда в последнее время, у него там было много знакомых и товарищей. Но отношение к Есенину – человеку – было ироническое: “какой он поэт, хулиган он”, – говорили крестьяне»³⁰; «Вся округа знает имя Есенина. Правда, о нем знают не больше, чем донесло сюда слухом, гулом страшных сенсаций. Один парень расспрашивает главным образом о личной жизни Есенина, которого он не раз видел на станции. И, отвечая, вероятно, на внутреннюю работу по воссозданию сложного образа знаменитого земляка, говорит:

– Головой-то он был умник, а туловищем дурак!»³¹

Не только ряд информационных заметок, но и большая часть значимых материалов о Есенине в «Возрождении» была написана в связи с появившимися в России и за границей книгами или публикациями в прессе. Это были статьи и заметки в советских периодических изданиях («Известиях», «Красной газете», «Правде» и т. д.), мемуары в «Красной Нови» и в «L'Ami du Lettre», выступления большевистских

²⁶ Пьеса «Есенин» // Возрождение. 1926. 29 марта. №300. С. 4.

²⁷ Возрождение. 1926. 27 мая. №359. С. 4. См. также: В мире искусства и литературы. Россия советская // Возрождение. 1926. 1 апреля. №303. С. 4 и др.

²⁸ В деревне, где родился Есенин // Возрождение. 1926. 27 февраля. №270. С. 2.

²⁹ Село Есенина // Возрождение. 1926. 13 июня. №376. С. 3; Как они ездили в деревню // Возрождение. 1926. 18 июня. №381. С. 2.

³⁰ В деревне, где родился Есенин // Возрождение. 1926. 27 февраля. №270. С. 2.

³¹ Как они ездили в деревню // Возрождение. 1926. 18 июня. №381. С. 2.

вождей – Троцкого, Семашко, Радека, Сосновского, в 1927 г. – Бухарина, решавших высказаться по поводу судьбы Есенина и по поводу его творчества.

И Яблоновский, и другие авторы «Возрождения» в смерти Есенина обвиняли большевиков. В публикациях этих лет нет ни предположений о том, что Есенин был убит, ни объяснений самоубийства бытовыми причинами, пьянством, разгулом... Напротив, газета яростно опровергает любые попытки списать самоубийство на «личные причины», предоставляя читателям выбирать из двух версий, в основе каждой из которых лежит конфликт между поэтом и нынешними властителями России. По одной – Есенин разочаровался в революции, увидев, что его идеалы не соответствуют большевистской реальности, по другой – большевики довели поэта до самоубийства, поскольку считали, что его творчество не соответствует требованиям революции.

В статье «Есенин» Яблоновский утверждал: «Его хвалили, его ласкали, его отметил “сам Троцкий”...»³² И именно на опубликованную в «Правде» статью Троцкого редакция реагирует в первую очередь. «Но вот что несколько неожиданно в некрологе, сложенном в честь Есенина Троцким. Оказывается, Есенин вовсе не поэт революции! Бывший народный комиссар по военным и морским делам лишает Есенина этого гордого звания, – пишет в статье, озаглавленной «Сентименты Троцкого» Lollius (Лоллий Львов). – Да Троцкому трудновато-таки признать, что вот поэт-большевик так вот попросту взял и повесился от ужасной тоски опустошенной большевизмом души. Слишком уже много, слишком уж громко говорят, вопят все эти самоубийства Есениных и Лутовиновых. Случай Есенина среди подобных не первый и не последний. Слишком уже показательны для большевизма эти угарные расправы с собственными жизнями, слишком показательны, чтобы обойти это молчанием. А потому – самоубийца, и, значит, вон из списка поэтов революции. В два счета – вон!»

В финале этой статьи также возникает параллель с гибелью Гумилева, хотя Львов, в отличие от Яблоновского, и не называет имени расстрелянного поэта: «Расстрелянный поэт – это вещь, хорошо известная Троцкому! А вот и повесившийся поэт – результат щедрых “лавров” из рук Троцкого»³³. Львов не ограничивается обвинениями

³² Яблоновский Александр. Есенин // Возрождение. 1925. 31 декабря. №212. С. 2.

³³ Lollius. Сентименты Троцкого // Возрождение. 1926. 28 января. №240. С. 2.

в адрес Троцкого: в статье есть пусть и скупые, но похвалы Есенину. Прочитывая вслед за Троцким начало стихотворения «Осень», Львов утверждает, что это «великолепный (я употребляю это слово уже без всякой иронии) стих».

Через день в заметке «Об убийцах и самоубийцах» Lollius (Львов) комментирует последние высказывания Луначарского и Семашко: «Угрожает ли нам эпидемия самоубийств? Таким вопросом занят наркомздрав Семашко, напечатавший в “Известиях” статью под таким заголовком. Статья написана “по поводу самоубийства поэта Есенина”. Отсюда мы узнаем, что “самоубийство поэта Есенина привлекло внимание общей печати и, в частности, стали обсуждать вопрос: угрожает ли нам вообще эпидемия самоубийств”. Наркомздрав спешит с цифрами в руках успокоить беспокоящихся, что это не так. Совсем не так. Самоубийства, как эпидемия, им не угрожают», – пишет Львов. Почему? Потому что, по заверению Семашко, такие «асоциальные поступки» не могут разрастись на революционной почве, хотя – цитирует Львов – «конечно, деклассированный крестьянин Есенин может выскочить из колеи и повеситься»³⁴.

4 марта «Возрождение» публикует статью Львова «Поэт-самоубийца» – отклик на публикацию воспоминаний о Есенине в февральской книжки «Красной Нови». Ссылаясь на почерпнутые из «Красной Нови» факты, Львов утверждает, что Есенин вряд ли был пьян в тот момент, когда покончил с жизнью. По мнению Львова, Есенин «тщетно метался из стороны в сторону», пытаясь спастись от наступающих шагов пустоты, «холодной пустоты одиночества», и «из этого метания так и не вырвался и погиб в холодных лапах удушающей тоски»:

«Есенин пил напропалую. Пил и хулиганил, хулиганил и пил. Но в тот роковой час последнего расчета с жизнью он был, может быть, вовсе не пьян. <...> Разве в пьяном виде боятся одиночества? И разве над пьяным сильна какая-нибудь мания преследования? Пьяному море по колено».

Статью «Поэт-самоубийца» нужно назвать одной из ключевых публикаций «Возрождения» 1920-х гг. о Есенине. Львов готов разделить мнение тех, кто утверждает, что «Есенин был дальновиден и умен», «никогда не был таким наивным, ни в вопросах политической борьбы, ни в вопросах художественной жизни, каким он представлялся иным

³⁴ Lollius. Об убийцах и самоубийцах // Возрождение. 1926. 30 января. №242. С. 2.

простакам», «он взвешивал и рассчитывал». «Кажется, вовсе не следует представлять себе этого несчастного человека беспочвенным мечтателем, несчастным, летящим на смертоносный огонек, мотыльком, оторванным от жизненной обстановки, фантазером – скитальцем, – подчеркивает Львов. – Этим солнечным, лазурным явлением вряд ли когда-либо был реальный Есенин. В годы своего молодого расцвета Есенин был силен вовсе не солнечными песнями, а все теми же мрачными, угрюмыми, жестокими – песнью о хлебе, песнью о своем неотвратимом самоубийстве. <...> Иконописный Есенин. “Последний поэт деревни” – как он сам любил называть себя. До конца, полностью, он никогда не был таким».

Львов признает, что «за этим подкрашенным, наряженным Есениным стоит расчетливый хозяин», и в то же время утверждает, что Есенин «был поэтом», подлинным поэтом, «так ужасно растратившем свой творческий дар» на «груды стихоподобных строф», на «ужасную нехудожественную прозу, вторгавшуюся, в особенности, в его последние книги», на «казенное стихотворство о стране советов – деревянные стихам без единого атома поэзии, без малейшего дуновенья поэзии». По мнению Львова, «поэзия отступалась» от Есенина, но его последние строки – «строки, написанные Есениным кровью, добытой из собственных вскрытых вен в момент самоубийства, – были написаны подлинным поэтом»³⁵.

Без упоминания Есенина не обходятся и заметки о самоубийствах в СССР, которые, по мнению редакции «Возрождения», принимают характер эпидемии. В статье «Самоубийства среди молодежи» утверждается, что «во Вхутемасе (в прежней Московской школе живописи, ваяния и зодчества) за последнее время наблюдаются частые случаи самоубийства слушателей». На основании сведений, взятых из «Молодого ленинца», утверждается, что некоторые из самоубийств связаны с гибелью Есенина: «Когда закончил свою жизнь Есенин, Хвостунов часто говорил в мастерских Вхутемаса: 12 марта я повышусь. И действительно, 12 марта он повесился в своей комнате, зажав в похолодевших руках папиросный окуроч. Затем повесилась студентка Золотцева. Перед этим зачитывалась Есениным»³⁶.

³⁵ Львов Лоллий. Поэт-самоубийца // Возрождение. 1926. 4 марта. №275. С. 3.

³⁶ Самоубийства среди молодежи // Возрождение. 1926. 23 апреля. №325. С. 2.

Заметка о самоубийстве Андрея Соболя, напечатанная в «Возрождении» 9 июня, в «Возрождении» была озаглавлена «По примеру Есенина»³⁷. А 22 июня газета под названием «Самоубийства неизбежны...: Размышления Радека» излагает содержание опубликованной в «Правде» 16 июня статьи Радека «Бездомные люди», «посвященной фактам самоубийства Есенина и Соболя». «Есенин умер, ибо ему не для чего было жить, – цитировало «Возрождение» Радека. – Он вышел из деревни, потерял с ней связь, но не пустил никаких корней в городе. Нельзя пускать корни в асфальт. А он в городе не знал ничего другого, кроме асфальта и кабака. Он пел, как поет птица. Связи с обществом у него не было»³⁸.

Советская партийная печать продолжает атаковать Есенина в сентябре. «Правда» публикует статью Сосновского о хулиганстве, в котором одним из главных виновников разгула хулиганства называется Есенин. «Возрождение» подробно излагает позицию Сосновского, особо выделяя фрагмент о Есенине:

«“Первое, что нужно делать в борьбе с хулиганством, это – развенчать хулиганство, снять с него ореол некоторого, хотя и дешевого героизма... Мы сами виноваты, что вокруг хулиганства плавает облако фимиама...” В подтверждение этого Сосновский приводит далее ряд оглушительных цитат из 1-го тома собрания сочинений Есенина и протестует против причисления хулиганствовавшего поэта к “великим национальным поэтам”, требуя борьбы с “есенинщиной”. “Еще и еще раз – заключает свою статью Сосновский – нужно моральное преодоление хулиганства. Только при этом условии возможна успешная административная борьба...”»³⁹

«Возрождение» показывает, что в СССР атаки на Есенина усиливаются, и словно в ответ в газете начинают все громче звучать голоса в защиту поэта.

После того как «Возрождение» перепечатало из «Красной Газеты» сообщение о судебном процессе по иску бывшей жены Есенина артистки Зинаиды Райх и семьи поэта ко вдове поэта Софии Толстой о признании

³⁷ По примеру Есенина // Возрождение. 1926. 9 июня. №372. С. 1.

³⁸ Самоубийства неизбежны...: Размышления Радека // Возрождение. 1926. 22 июня. №385. С. 2.

³⁹ Развенчание хулиганства. 1926. 23 сентября. №478. С. 2.

ее брака с покойным поэтом недействительным⁴⁰, Александр Яблоновский напечатал фельетон «Братья-писатели», начинавшийся именно с рассказа о процессе о наследстве Есенина...⁴¹ Но от семейного скандала он вскоре переходил к тайне самоубийства поэта. «Г. Воронский, в статье, приложенной к трехтомному собранию стихотворений Есенина, очень прозрачно намекает на “болезненные явления” литературной среды в России и на губительное влияние партии коммунистов. По словам Воронского, в России имеются и еще кандидаты на есенинскую веревку. И если сами писатели и партийные круги, “влияющие на литературную действительность”, не подумают об оздоровлении писательского быта, то будет плохо, очень плохо. “Иначе веревка и бритва, браунинг и яд, кабаки и притон станут нормальным бытовым явлением”. Это признание ценное, – цитировал Яблоновский. – Не все писатели могут вместить литературные предписания ЦИК-а и литературные заказы ВУЦИК-а. Даже такие поэтические балбесы, как Маяковский и Демьян Бедный – и те стонут иногда, задыхаясь в собачьем ошейнике партии. Но кто ошейника носить не может, для тех остается только программа, начертанная г. Воронским:

– Вербка или бритва, браунинг или яд, кабаки или притон...»⁴²

Противопоставление тех, кто носит ошейник партии, и тех, кто решил избавиться от него, пусть даже ценой жизни, звучит и в «Листках» Александра Амфитеатрова, причем там появляется та же пара – Есенин и Демьян Бедный. Амфитеатров не сам выбирает героев статьи: как и многие другие публикации, связанные с Есениным, эти его «Листки» – статья ответная. И реагирует он на публикацию иллюстрированной статьи Этторе Ло Гатто «Движение мышления в России». Именно благодаря иллюстрациям в «Иль Секоло ХХ» Амфитеатров, по собственному признанию, «имел счастье впервые созерцать черты пресловутого Демьяна Бедного»: «Ну, знаете, – со всеми извинениями за выражение! – и морда же! Да даже и не морда, а Держиморда! Совершенно полицейская фигура, вдобавок еще и в фуражке с кокардой».

⁴⁰ Сколько вдов оставил поэт Есенин // Возрождение. 1926. 11 сентября. №466. С. 2.

⁴¹ В том же номере «Возрождение» передает подробности «дела о наследстве Есенина» на основании публикации в «Вечерней Москве»; см.: Скандал вокруг Есенина // Возрождение. 1926. 19 сентября. №474. С. 2.

⁴² Яблоновский Александр. Братья-писатели // Возрождение. 1926. 19 сентября. №474. С. 2.

Столь же резкую характеристику дает Амфитеатров и портрету Бессалько: «То ли молодой человек сейчас в семи душах повинится, то ли он только что в доме умалишенных решетку из окна выломал и сбежал. А, может быть, то и другое по совокупности». «Морда» у Амфитеатрова сразу заставляла вспомнить о «рожах» из «Инонии и Китежа» Бунина: «Посмотрите на всех этих Есениных, Бабелей, Сейфуллиных, Пильняков, Соболей, Ивановых, Эренбургов: ни одна из этих “рож” словечка в простоте не скажет, а все на самом что ни на есть русейшем языке»⁴³. Но если у Бунина Есенин возглавлял список «рож», то, по мнению Амфитеатрова, у Есенина, в отличие от Демьяна Бедного и Бессалько, «хорошая человеческая физиономия».

Разительным контрастом на фоне наблюдений над предыдущими портретами звучит описание фотографии, на которой Есенин сидит на диване рядом с Дункан: «Она читает книжку. Он, отвернувшись от супруги, сложил рука на руку, нога на ногу. Скука на красивом лице, скука в позе. “Папироска его не курится”. Штаны вздернуты чуть не до колена. Нога – огромная не по росту. Несмотря на нелепую, искусственно выработанную прическу, – что-то среднее между революционно-матросским чубом и старинным “капулем”, – хорошая человеческая физиономия, хотя и запечатленная знаком обреченности.

Слишком рано погиб этот талантливый человек, загубленный и людьми, и самим собою! Ну, какой он, вопреки своему “крестьянскому происхождению” был “пролетарий”?! Даже на портрете заметно, что надоело ему пролетарское ряжение пуще горькой редьки и слащавой Дункан. А когда пришло время и нутром захотелось снять опротивевшие личину и мундир и заговорить с людьми по человечески, – уже не хватило силы... Ну и – ужасное стихотворное завещание-покаяние... и гвоздь с веревкой!..»⁴⁴

Смерть, точнее, самоубийство Есенина заслоняет его жизнь, его творчество. Именно про самоубийство и про то, что довело поэта до гибели, пишет в основном «Возрождение». Но в то же время смерть фактически рассматривается как искупление, а последнее, написанное кровью стихотворение – как покаяние. И это позволяет подойти более объективно к творчеству Есенина. Связь с большевиками, которая определяла отношение большинства сотрудников «Возрождения» к Есенину,

⁴³ Бунин И. А. Инония и Китеж... // Указ. изд.

⁴⁴ Амфитеатров Александр. Листки // Возрождение. 1926. 5 октября. №490. С. 2.

оказывается разорвана, и они позволяют себе оценивать его не как советского поэта, а как поэта просто.

В октябре 1926 г. Н. Кульман в рецензии на 27 и 28 книжки «Современных Записок» расхваливает статью Ходасевича о Есенине: «В ней автор дает яркий и глубокий анализ той мучительной драмы, которую пережил хулиган-поэт и которая привела его к петле. Вот выводы: “История Есенина есть история заблуждений. Идеальной мужицкой Руси, в которую верил он, не было. Грядущая Инония, которая должна была сойти с неба на эту Русь, – не сошла и сойти не могла. Он поверил, что большевицкая революция есть путь к тому, что “больше революции”, а она оказалась путем к последней мерзости – к нэпу... Он отрекся от Бога во имя любви к человеку, а человек только и сделал, что снял крест с церкви да повесил Ленина вместо иконы и развернул Маркса, как Библию”. Но у Есенина была и своя правда – “любовь к родине, пусть незрячая, но великая. Ее исповедовал он даже в облике хулигана... Горе его было в том, что он не сумел назвать ее: он воспевал и бревенчатую Русь, и мужицкую Россию, и социалистическую Инонию, и азиатскую Рассею, пытался принять даже СССР, – одно лишь верное имя не пришлось ему на уста: Россия. В том и было его главное заблуждение... Тут завязка и развязка его трагедии”»⁴⁵.

Кульман, который еще недавно причислял Есенина к ряду писателей, достойных быть «предметом внимания только историко-литературных гробокопателей или психиатров»⁴⁶, теперь с готовностью принимает оценки, данные Ходасевичем, хотя те и были явно полемичны по отношению к бунинским. «Своего рода ответом на статью Бунина “Инония и Китеж” стал анализ “лебединой песни поэта” – “Инонии” в контексте всего творчества Есенина, сделанный В.Ф. Ходасевичем в статье “Есенин”, опубликованной в 1926 году в “Современных записках”»⁴⁷, – справедливо утверждает Н. И. Шубникова-Гусева.

В 1927 г. Ходасевич продолжит отстаивать свои взгляды на Есенина уже непосредственно на страницах «Возрождения» в статьях «О формализме и формалистах» и «Цыганская власть». Бунин ответит

⁴⁵ Кульман Н. Зачем молодиться? Современные Записки. Книжки 27-ая к 28-ая // Возрождение. 1926. 14 октября. №499. С. 3.

⁴⁶ Кульман Н. «Митина любовь» Бунина // Возрождение. 1926. 25 февраля. №268. С. 4.

⁴⁷ Шубникова-Гусева Н. И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945). http://russie-europe.ens-lyon.fr/article.php3?id_article=48

там же, в «Возрождении», статьей «Самородки». Но об этом пойдет речь во второй части данной статьи, которая называется «От Ходасевича – к Бунину».

Список литературы

- Амфитеатров А.* Листки // Возрождение. 1926. 5 октября. №490. С. 2.
- Бунин И. А.* Публицистика 1918–1952 гг. / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Комментар. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998.
- Кульман Н.* Зачем молодиться? Современные Записки. Книжки 27-ая к 28-ая // Возрождение. 1926. 14 октября. №499. С. 3.
- Львов Л.* О России // Возрождение. 1925. 3 июня. №1. С. 3.
- Львов Л.* Поэт-самоубийца // Возрождение. 1926. 4 марта. №275. С. 3.
- Lollius [Львов Л.].* Сентименты Троцкого // Возрождение. 1926. 28 января. № 240. С. 2.
- Lollius [Львов Л.].* Об убийцах и самоубийцах // Возрождение. 1926. 30 января. №242. С. 2.
- Николаев Д. Д.* Русская эмигрантская периодика в Чехословакии // Литература русского зарубежья: 1920–1940. Вып. 3. М., 2004. С. 329–426.
- Николаев Д. Д.* «Смерть Есенина отдала его нам» (Русская Прага 1920-х годов о Сергее Есенине) // Сергей Есенин и русская история: Сб. трудов по материалам Межд. научной конф. М.; Константиново; Рязань, 2013. С. 222–230.
- Струве П.* Освобождение и Возрождение // Возрождение. 1925. 3 июня. №1. С. 1.
- Шубникова-Гусева Н. И.* Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945). http://russie-europe.ens-lyon.fr/article.php3?id_article=48
- Шубникова-Гусева Н. И.* «...Объединяет... звуком русской песни» // Русское зарубежье о Сергее Есенине: Воспоминания; Эссе; Очерки; Рецензии; Статьи. М., 2007. С. 5–25.
- Яблоновский А.* Есенин // Возрождение. 1925. 31 декабря. №212. С. 2.
- Яблоновский А.* Братья-писатели // Возрождение. 1926. 19 сентября. №474. С. 2.

Сведения об авторе: **Николаев Дмитрий Дмитриевич**, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН. E-mail: ddnikolaev@mail.ru

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ

*«...Есенин, пожалуй, самый признанный,
самый любимый поэт славянского мира.
Он глубоко русский, а значит, исконно
славянский».*

Рыгор Бородулин, белорусский поэт

В статье вскрыты причины популярности творчества Есенина в славянских странах, начиная с 1920-х годов и заканчивая сегодняшним днем, показано обращение к нему переводчиков, исследователей и других деятелей культуры, а также воздействие есенинской поэзии на произведения славянских авторов.

Ключевые слова: Есенинская поэзия, межвоенное двадцатилетие, современность, общность менталитета, духовные связи, переводы, влияние, переосмысление.

The article attempts to clarify the causes why Esenin's works have been so popular in Slavic countries beginning with the 1920s and up to the present day; it is shown how translators, researchers and other cultural public figures have been turning to him, as well as how Esenin's poetry has influenced the works of Slavic authors.

Key words: Esenin's poetry, two decades between the wars, modernity, common mentality, spiritual connections, translations, influence, re-interpretation.

Сергей Есенин – явление поистине уникальное не только в русской, но и в мировой литературе. Не случайно некоторые исследователи видят в нем продолжателя шекспировских и байроновских традиций, «моцартовскую стихию», перекличку с Франсуа Вийоном, Джакомо Леопарди, С. Я. Надсоном, Гарсиа Фредерико Лоркой и т. п. Однако прав был Борис Пастернак, утверждавший, что со времен Кольцова «земля русская не производила ничего более коренного, естественно уместного и родового, чем Сергей Есенин»¹. Именно как певец мира русской деревни, мира русского крестьянина Есенин и стал известен широкому читателю – не только в России, но и за ее пределами. Сумев проникнуть в тайны русской души, он как никто другой передал ее поэтическую

¹ Прокушев С. Сергей Есенин. esenin.ouc.ru/uri-prokushev-sergey-esenin.htm

сущность, ее богатство и непосредственность, природное обаяние, гармонию с окружающим миром. И этим вот уже почти сто лет он привлекает к себе российских читателей и любителей поэзии за рубежом, для которых его творчество стало не только образцом поэтического мастерства, но и возможностью лучше узнать Россию и русского человека.

Зарубежный читатель познакомился с произведениями Есенина еще при его жизни. Уже в начале 1920-х годов его стихи читали в Париже, Берлине, Риме, Мадриде, Лондоне, Варшаве, Софии, Праге, Нью-Йорке, Братиславе и других городах мира. Их печатали в газетах, журналах, альманахах; они выходили отдельными сборниками. Есенина переводили на английский, немецкий, французский, финский, итальянский, румынский, норвежский, болгарский, польский, чешский, сербский, словацкий, японский и другие языки. Еще в первой половине 1920-х годов есенинская поэзия была переведена более чем на 10 языков. А в настоящее время известны издания его произведений на 150 языках.

Особенно привлекательна есенинская поэзия была и остается для славянских народов. Это можно объяснить причинами как мистического, так и естественно-исторического характера. К разряду мистических относится понятие, объединенное общим символом – «славянская душа», которое обусловлено генетическим родством славян, исторической общностью их корней. Особенности «славянской души» сформировали тысячелетия, природные и культурно-исторические условия жизни. Помимо верований, обрядности, фольклора, бытовой культуры, оказавших воздействие на общее сознание славянских народов, их издревле сближало отношение к природе, ее одухотворенное восприятие. Славянский менталитет складывался в единении с природой и одновременно в тяжелой борьбе за выживание, в преодолении невзгод и лишений, связанных с природными условиями жизни, в которые было поставлено славянское население. Поэтому созвучность человека и природы, во многом определившая духовность славян и пронизывающая все творчество Есенина, являющаяся его камертоном, так привлекательна для славянской читательской аудитории. Поднявшись над урбанизацией и воспев слитность человека с природой, Есенин сумел найти струны, которые сокрыты глубоко внутри каждого человека и которые так трогают «славянскую душу». Подтверждение тому – слова болгарского поэта Атанаса Стоева, который писал: «Когда я читаю Есенина, на душе у меня становится грустно. Вижу маленькую церковь, белым зубом торчащую на холме, слышу шепот маков среди

хлебов, у меня перехватывает дыхание от аромата скошенного сена, в котором молодость шепчет тайные словечки о близости; надо мной вечная луна, отзывающаяся в голосах ночных петухов; а далеко в дымке рассвета белеют березовые леса...И жажду я близости и любви – того таинства, которое меня возвысит над повседневными страстями, чтобы почувствовать себя частью этого мироздания»².

Ощущение глубинных корней, усвоение христианских ценностей, общность которых роднит все славянские народы, – отличительные особенности есенинской поэзии. В этом ощущении заключено стремление поэта передать национальное мировосприятие, раскрыть особенности бытия, сознания русского человека, все богатство народных ценностей, утрата которых так беспокоила поэта, ибо эта утрата могла привести к потере национальной идентичности. Подобные настроения очень хорошо накладываются на национальное самосознание славян, которое сформировалось лишь в XIX веке. Именно поэтому так остро развито у славянских народов чувство самосохранения нации, так близко им есенинское понимание «национального», представляющего собой органическое слияние природного, этнического, культурного и социального начал и ориентированного на ценности, прошедшие испытания временем и воспринимаемые как «вечные». Упомянутый выше болгарский поэт А. Стоев отмечает: «Своей исповедью он дает мне ответ на все то, что мое и одновременно не мое, на то, что люблю я, но одновременно любит и другой, на то, что называется вечностью и одновременно имеет морщинистое лицо бренности, прокладывает дорогу между настоящим и воспоминанием, между горизонтом и духотой кабака, между любимой женщиной и матерью...»³. В есенинском постижении вечности, всегда присутствующем в подтексте его поэзии, в ощущении им своей «включенности» во вселенское бытие заключено его стремление к сохранению духовных ценностей, которыми он так дорожил. С этим связана такая исконно славянская и вместе с тем типично русская особенность есенинского мировосприятия, воплощенная в его творчестве, как просветленное восприятие мира, отсутствие в ней тоски и уныния, устремленность в будущее. Несмотря на то, что он жил в трагическое время, на изломе эпох, действительность не вызывала в нем боль, страдание, она не ожесточила его: скорее толкала к столь

² Стоев А. http://parkani.at.ua//news/atanas_stoev/2011-06-04-350

³ Стоев А. *Op. cit.*

дорогим его сердцу местам детства, к воспоминаниям о прошлом, о матери, сестрах, родной деревне, в которых видел он свою опору. Отсюда проистекает и его кровная связь с родиной, особый характер любви к ней, любви простой и естественной, любви, которой не свойственны ритуальность и святость, любые условности и декларации.

Привлекательность поэзии Есенина для славян можно объяснить еще и языковым фактором, родством славянских языков. Не случайно во многих славянских странах поначалу с ней знакомились в оригинале. Общность языковой базы значительно облегчила задачу переводчиков, позволив им глубже почувствовать и передать мелодику, образность есенинской поэзии. При чтении славянских переводов Есенина мы находим подтверждение тому, что мы не только говорим и чувствуем на понятном нам всем языке, но и что нас сближает нечто гораздо большее – генетическое, духовное родство. Неудивительно поэтому, что огнеметная душа поэта, буквально выплеснувшаяся на страницы его произведений, поистине всколыхнула весь славянский мир. Постепенно его поэзия становилась все более притягательной не только для читателей, но и для поэтов. Росло число его почитателей и последователей, которых она покорила своей естественностью, человечностью и какой-то неземной одухотворенностью.

Обратимся к фактической стороне вопроса.

Первые упоминания имени Есенина и попытки переводов его произведений на славянские языки относятся к началу 1920-х годов. К есенинским текстам обычно обращались как профессиональные переводчики, талантливые поэты, которые старались найти полноценные эквиваленты оригиналам, донести до читателей лиризм, красоту и напевность есенинского стиха, так и начинающие литераторы. Практически одновременно с появлением первых переводов поэзии Есенина в Германии, Англии, Италии и во Франции (1921–1922 гг.) его переводят во многих славянских странах. Так, чешский журнал «Мост» за 1921/1922 гг. опубликовал перевод стихотворения «Песнь о хлебе». В 1926 г. орган Коммунистической партии Чехословакии газета «Руде право» напечатала «Песнь о великом походе», «Русь советскую», «Балладу о двадцати шести». Большая заслуга в популяризации есенинской поэзии в Чехии принадлежит талантливому поэту Й. Горе и переводчику Б. Матезиусу, благодаря которым увидели свет два сборника произведений Есенина – «О России и революции» (1926) и «Другая земля – Инония. Песнь о великом походе. Анна Снегина» (1927). Всего

в 1920-е годы в чешских периодических изданиях было напечатано 69 произведений Есенина в переводах Й. Горы, Б. Матезиуса, Ф. Кубки, М. Марчановой, Я. Выплеты, Ф. Коварну и др. – в общей сложности 15 переводчиков. В следующее десятилетие после публикации сборника «Стихи» (1931) произведения русского поэта отдельными книгами в Чехии не издавались вплоть до 1940 г. (сб. «Голубая Русь», 1940). Вышедший в свет в условиях Протектората сборник был подготовлен Б. Матезиусом и включал в себя переводы самого Б. Матезиуса, а также Й. Горы и М. Марчановой. Книга была тепло встречена не только чешскими, но и словацкими читателями и критиками.

В Польше первые упоминания имени Есенина, отзывы о нем, переводы его произведений появляются в 1922 г. Одним из первых, кто тогда оценил его творчество, был известный писатель Ст. Жеромский. Весьма значительный вклад в популяризацию есенинской поэзии внес писатель и переводчик Б. Ясенский, который не только перевел «Исповедь хулигана», «Преображение» (1923), «Сорокоуст» (1924), «Пугачев» (1926), но и испытал воздействие Есенина на собственное творчество. Во второй половине 1920-х годов, на фоне общего спада интереса в Польше к советской поэзии «парадоксально выделяется фигура Есенина, популярность которого достигает своего расцвета»⁴. В это время к есенинским текстам обращаются такие известные переводчики, как К. Я. Яворский, Вл. Слободник. В следующее десятилетие выходят в свет два сборника: «Избранная поэзия» (1931, переводчик К. Я. Яворский) и «Исповедь хулигана и другая поэзия» (1935, также в переводах К. Я. Яворского). Как отмечает польский исследователь З. Збыровский, в межвоенное двадцатилетие «никому другому не посвящено столько исполненных любви стихов, ни один зарубежный поэт не переводился и не печатался так охотно, ни о ком критика не отзывалась с таким сочувствием»⁵, как о Есенине.

Большое влияние в межвоенное двадцатилетие оказала есенинская поэзия на творчество многих славянских поэтов, особенно в периоды их собственного творческого становления. Поэтов привлекали характерные для его произведений лиризм, предельная искренность, повышенный эмоциональный накал, метафоричность, обращение к деревенской

⁴ Збыровский З. «Русская советская поэзия в Польше (1918–1930)» // Русская литература. 1978. №3. С. 195.

⁵ Збыровский З. *Op. cit.* С. 197.

тематике, истокам человеческих характеров. Некоторые из них пытались даже подражать Есенину. Так, одну из групп польских поэтов критики даже называли «есенинцами», упрекая их в плагиате (Т. Новак, В. Скуза, Ю. А. Фрасик и др.). У некоторых начинающих поэтов есенинское творчество рождало новаторство, уходящее своими корнями в национальные традиции.

Начиная с 1923 г. получил возможность читать Есенина в оригинале украинский читатель: именно тогда львовский «Литературно-научный вестник» опубликовал на украинском языке «Волчью гибель» (перевод Ол. Бабия), а затем увидела свет и подборка есенинских стихотворений в «Антологии русской поэзии в украинских переводах» (Харьков, 1925 г., переводчик М. Щербак, составитель Б. Якубский). С болью была воспринята украинскими собратьями по перу трагическая гибель Есенина: М. Рыльский откликнулся на это событие стихотворением «Колокол дремавший...» (первоначальное название «Пасхальный благовест», журнал «Жизнь и революция», 1926). Поэтическим венком на могилу русского поэта можно назвать поэму «Черемуха» Л. Коржа (Харьков, 1926, журнал «Червони шлях»). Своеобразным признанием в любви Есенину стали стихотворения Ю. Зори «Рабкор поэту» (журнал «Червони шлях», 1927) и Ю. Яновского «С. Есенину» (Харьков, 1926, журнал «Червони шлях»), в котором он писал: *«Знаю, что непрерывно, / “тихо льется с клена листьев медь...”»*. В Государственно архиве литературы и искусства сохранились «горькие» строчки одного из самых горячих поклонников таланта русского поэта, «украинского Есенина», как называла его украинская критика, – В. Сосюры – «На смерть Есенина»:

Так будьте прокляты вы все!
На смерть поэта вы загнали...
Зачем ему теперь хвалы,
Рыданья, песни и цветы... (пер. Г. Ивановой)⁶.

Довольно широкую огласку получил случай, произошедший в те годы с одним украинским студентом, который в знак солидарности с Есениным, имея в Петербурге квартиру, остановился на ночлег в «Европейской гостинице», где и покончил с собой, написав углем на печке по-украински: «Не ново: ни жить, ни умирать... / Я ухожу вслед за тобой,

⁶ Иванова Г. Украинский Есенин. <http://www.esenin.ryazan.ru/105.html>

мой рязанский брат!»⁷ Уже в 1927 г. в журнале «Жизнь и революция» украинской критикой было отмечено многообразное влияние Есенина на украинскую поэзию, в частности на творчество Б. Тонеты, Гр. Косяченко, Д. Фальковского, О. Влтзько, В. Сосюры, П. Тычины и др.

В Словакии⁸ первое знакомство с есенинским текстом на словацком языке состоялось в 1926 г., когда орган коммунистической партии Словакии газета «Правда» напечатала стихотворение «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» из цикла «Москва кабацкая» (переводчик неизвестен). Как и в других славянских странах, интерес к Есенину значительно возрастает после его смерти, которую многие славянские поэты восприняли как личную трагедию. Некоторые из них пытались написать об этой трагедии в духе есенинских стихов, включить в тексты строчки из произведений русского поэта. Примером тому может служить стихотворение «Духу Есенина» словацкого поэта А. Плавки (1928), в котором он попытался выразить свои чувства, связанные с гибелью поэта.

Практически одновременно с поэтическими откликами на смерть Есенина в Словакии в большом количестве появляются переводы его произведений. Причем его переводят как неизвестные переводчики и поэты, так и популярные литераторы. В частности, в 1928 г. писатель П. Илемницкий публикует «Письмо от матери» и «Ответ». Почти одновременно к Есенину обращаются начинающие поэты: Ш. Крчмеры, Я. Поничан, Д. Окали, позже – П. Горов, Ш. Жары и др. Пик популярности Есенина в Словакии приходится на 1930-е годы, когда есенинская поэзия с характерным для нее выражением чувств и настроений человека переломной эпохи стала очень близка словацкому читателю. Именно тогда словацкая критика заговорила о «культе Есенина» в Словакии. О возросшем интересе к нему свидетельствует, например, то, что если в 1920-е гг. там было опубликовано всего 6 стихотворений русского поэта, то в 1930-е их количество увеличивается до 78. Тогда же впервые выходят в свет два книжных издания: «Сборник поэзии Сергея Есенина» (1936) в переводе видного словацкого поэта, прозаика и переводчика Я. Есенского и поэма «Анна Снегина» (1938), которую перевел пролетарский поэт Я. Поничан. Есенина печатают многие периодические издания, такие, как «Словенске погляды», «Словенске смеры», «Озвена»,

⁷ Киселева Л. А., Пашко О. В. Восприятие и осмысление творчества Есенина в Украине: начальные этапы рецепции. http://kluev.org.ua/kiseljova_pashko.php

⁸ Подробно о творчестве С. Есенина в Словакии см. в кн.: Машкова А. Г. Словацко-русские межлитературные связи: страницы истории. М., 2013.

«Словенски вечерник», «Словенска политика», «Словенске звести» и др. Есенинские мотивы, интонации прослеживаются в произведениях Л. Новомеского, Я. Есенского, Л. Ондрейова, Я. Поничана. А. Плавки.

Отсутствие дипломатических отношений с Болгарией затрудняло установление контактов в области культуры между нашими странами. Поэтому основным источником информации о русской литературе там служила русская эмигрантская печать, публиковавшая, в частности, дискуссии вокруг имени Есенина. Результат этих дискуссий парадоксален: поэт оказался одним из самых известных русских поэтов в этой стране. Еще в 1922 году там была напечатана есенинская поэма «Товарищ» в переводе Н. Хрелкова (журнал «Везни»). Постепенно популярность Есенина росла, все заметнее становилось его влияние на молодых болгарских поэтов, в частности, Н. Хрелкова, К. Ясенова, Г. Милева, Ламара, которые, как утверждает болгарский критик Л. Стоянов, был «постоянно у них на устах», ибо есенинская поэзия «как весеннее солнце в морозную зиму согревало души и вдохновляло наше (болгарское. – А. М.) молодое поэтическое поколение». Поэт М. Исаев вспоминал, что еще в 1930-е гг. он «учился у Есенина поэтическому мастерству, простоте выражения, непосредственности чувства, предельной искренности»⁹. Своим «духовным учителем» называл Есенина А. Стоев.

Весьма значительным было влияние Есенина на поэтов Югославии: Р. Драинца, Г. Крклеца, Д. Тадияновича, Д. Цесарича и др. Стихотворения многих из них представляют собой вариации на темы есенинских стихов, в них присутствуют реминисценции из Есенина. Так, под сильным эмоциональным воздействием есенинской поэзии написано стихотворение Драинца «Ответ на письмо матери», в котором слышатся не только многие мысли, чувства Есенина, но и использованы строчки из его стихотворения. Влияние Есенина можно проследить и в стихотворении Цесарича «Утешение» (1931), в котором он вспоминает трагическую гибель русского поэта, говорит о судьбе поэтов вообще. Творчество Цесарича близко есенинскому своей интонацией, структурой стиха – особенно в пейзажной лирике, в стихах с деревенской тематикой. Хорватская критика много писала о есенинском воздействии на Крклеца, особенно в сборниках «Полет на небо» (1928) и «Сон под березой» (1940). Это касается и его послевоенных стихов, в которых можно наблюдать есенинское отношение к природе, славянским ис-

⁹ Прокушев С. Сергей Есенин. esenin.ouc.ru/uri-prokushev-sergey-esenin.htm

токам. Метафоричность текста, антропоморфизация изображаемых явлений, народная философия сближает с Есениным хорватского поэта Тадияновича. В этой связи югославская критика писала: «В общем развитии хорватской поэзии 30-х годов лирика Есенина способствовала углублению крестьянской тематики и стимулировала мотивы возвращения к родным места... В многогранной югославской поэзии XX в. есенинская струна звучит в гармонии с высшими достижениями национальной лирики, словно эта струна родилась на исконной почве бурных Балканов»¹⁰. Однако при всей близости творчества югославских поэтов есенинской поэзии они всегда сохраняли свою оригинальность, самобытность, национальную специфику.

В послевоенное время, по мере активизации культурных и литературных связей между славянскими странами, популярность творчества Есенина возрастает. В частности, большой интерес проявляют к есенинскому творчеству чешские издатели. В общей сложности в Чехии выходят в свет около двух десятков книг русского поэта. Это «Персидские мотивы» (1971), «Анна Снегина» (1972), «Янтарная луна» (1973), «Ленин» (1974), «Колокола в траве» (1975), «Костер рябины» (1975), «Соломенный месяц» (1981), «Рыжая осень» (1984), новые переводы «Анны Снегиной» (1986 и 1995, переводчики Л. Кубишта и М. Станек), «Черный враг» (1989), «Я не буду себе лгать» (1995), «Плач гармонии» (2002), «Разбитое зеркало» (2007) и др. В эти книги были включены как ранее известные переводы и произведения, так и новые. В качестве переводчиков выступили Й. Гора, И. Тауфер, В. Данек, Я. Забрана, Е. Фрынта, Л. Фикар, З. Бергова, Л. Кубишта, К. Милота, М. Станек и др. Заметным событием в культурной жизни Чехии 1970-х годов стал показ телевизионного сериала о Есенине и издание романа И. Навратила «Синий вечер» (2000), повествующего о последнем годе жизни поэта.

В Словакии перечень книжных изданий не столь велик: «Беласа Русь» (1957), «Анна Снегина» (1970), «Песнь любви: Из русской любовной лирики XIX–XX веков» (1976), «Песнь над полями» (1979), «Анна Снегина». Персидские мотивы» (1996), «Не отданная лира» (2005), «Хулиган» (2005). Существенно обновился круг переводчиков, в основном это известные современные поэты: Я. Шимонович, М. Руфус, Л. Фелдек, Я. Замбор, М. Худа, М. Жиак, Ш. Бачик, Д. Гевьер и др.

¹⁰ *Станнишич* Й. Югославская литературная критика о русской поэзии (1900–1930 годы) // Восприятие русской литературы за рубежом: XX век. Л., 1999. С. 85, 88.

На творчество многих из них (М. Руфус, Я. Замбор, М. Худа и др.) Есенин оказал большое влияние. В частности, известный поэт и переводчик, номинант на Нобелевскую премию М. Руфус, который, по его словам, долго «созревал» до Есенина, став поэтом, обнаружил удивительные вещи: «Временами я даже не мог распознать, где заканчивается он (Есенин. – А. М.), а где начинаюсь я. Я вынужден был буквально изгонять из себя Есенина; он захлестывал меня, словно огромный поток. Ни с одним автором я так не сражался за собственное “Я”, как с ним... Моя приверженность Есенину носила почти романтический характер»¹¹. А популярного поэта и одного из самых активных переводчиков русской литературы Яна Замбора, представившего словацкому читателю объемную «Антологию русской поэзии» (2011), притягивала не только поэзия, но и судьба Есенина. «В есенинской поэзии мне было близко его отношение к родному краю, к его людям, к природе, ко всему живому», – вспоминает он¹².

В Югославии впервые после окончания войны были опубликованы революционные стихи Есенина, а также его проза и публицистика. В целом в течение второй половины XX столетия там увидели свет более 20 отдельных изданий Есенина и два собрания сочинений: пятитомное (1966–1967), в основу которого было положено собрание его сочинений, вышедшее в Москве в 1962 г., и шеститомное (1973), в которое была включена объемная библиография всех изданий Есенина на русском и сербохорватском языках. Об огромной популярности творчества русского поэта свидетельствует и третье шеститомное издание, повторенное в 1975 г. Тогда же произошло и новое прочтение есенинского творчества¹³. Среди наиболее известных исследователей-есениноведов и переводчиков – С. Маркович и М. Сибинович, продолжившие доверенные традиции М. Пешича и Г. Крклеца.

Еще до распада страны многократно издавалась поэзия Есенина в Македонии. Так, произведения, включенные в сборник «Песни» (перевод С. Ивановски), выходили в свет соответственно в 1957, 1966, 1988 и 1990 гг. В 1970 г. есенинская поэзия была опубликована в книге

¹¹ *Rufús M. Básnikom byť –taká je to sláva (stretnutie s Jeseninom)* // Literárny týždeň (Bratislava). 26.12.1985 .

¹² Из письма Я. Замбора к А. Г. Машковой

¹³ См. подробно: Юнак В. В. Сербская и хорватская литературная критика о Сергее Есенине (1920-е–1980-е годы). М., 1996 (электронная версия: [cheloveknauka.com / serbskaya+horvatskaya-literaturnaya-kritika-o-s-a-esenine-1920-e-1980-e-gody](http://cheloveknauka.com/serbskaya+horvatskaya-literaturnaya-kritika-o-s-a-esenine-1920-e-1980-e-gody)).

«Плачут белые березы» (переводчик и составитель Д. Яневски). На сегодняшний день последним, наиболее полным изданием переводов произведений русского поэта на македонский язык, напечатанным к 100-летию со дня его рождения, стало «Русийо раскрыли се» (перевод и предисловие известного поэта Г. Тодоровского). В македонском городе Струге на берегу Охридского озера на набережной, которая носит имя Сергея Есенина, в 1995 г. был установлен бюст поэта работы русского скульптора А. Бичукова. Рядом с ним находятся памятники польскому поэту А. Мицкевичу и македонским просветителям Димитру и Константину Миладовичам. Возле них обычно проходит фестиваль-конкурс поэзии под названием «Поэтические вечера», лауреатами которого в разные годы становились русские поэты А. Вознесенский, Б. Окуджава, Р. Рождественский.

В послевоенное время еще больше возросла популярность Есенина в Польше, где его переводили Б. Броневский, С. Поллак, К. А. Яворский, Т. Новак. Первое наиболее значительное издание было осуществлено в 1960 г.; оно включало в себя 84 произведения и выдержало три переиздания (1967, 1971, 1973). Новак составил и перевел стихотворения с религиозными и деревенскими мотивами для сборника «Поэзия» (1975). В том же году увидело свет объемное двуязычное издание (95 текстов) Ж. Федецкого, а в 1979 г. есенинские тексты (всего 12) были включены в хрестоматию советской поэзии.

Есенин волнует и вдохновляет не только польских читателей, литераторов, но и актеров, музыкантов. Так, в одном из театров Кракова был поставлен спектакль под названием «Есенин» и, как говорилось в интернет-анонсе, для многих деятелей искусства Польши Есенин стал источником вдохновения. Именно об этом говорит режиссер Г. Круликевич, которого есенинская поэзия подтолкнула к созданию фильма «Деревья». Известный дирижер и музыкант К. Пендерецкий в 2004 г. объявил, что он пишет музыку к стихам Есенина. Заметным событием в культурной жизни Польши стало эстрадное исполнение песен на стихи Есенина бывшим лидером группы «Трубадуры» К. Кравчиком, поэтом-бардом Я. Качмарским. В 2001 г. на сцене Большого театра оперы и балета в Варшаве был поставлен балет Э. Пиорун и К. Урбанского на музыку Д. Шостаковича «Единожды в жизни» («За всю жизнь»), в котором воссоздана история любви Есенина и Дункан. В 2009 г. в польском театре «Афины» состоялась премьера спектакля «Есенин» (сценарист Януш Гловацкий, режиссер Йозеф Опальский). В основу сюжета пьесы

были положены произведения «Москва кабацкая», «Черный человек» и «Письмо матери».

Не ослабевает интерес к творчеству Есенина и со стороны исследователей. Так, в 1995 г. Е. Шокальский опубликовал монографию «Время в поэзии Есенина», а в 2002 г. в издательстве ПАН вышел в свет сборник «В кругу Есенина». Нередко можно встретить и курьезы, связанные с именем Есенина. Предметом исследования польского полицейского журнала стала трагическая кончина Есенина (статья Г. Ойцевича и Р. Влодарчик «Самоубийство или коварное убийство? Смерть Сергея Есенина в свете современных криминалистических и историко-литературных знаний», 2008). По данным Е. Шокальского¹⁴, в Интернете имеется более 200 польскоязычных сайтов, в которых значится имя Есенина (для сравнения: количество сайтов с упоминанием Блока – 100, Пастернака – 150, Высоцкого – 150 и т. п.). Самый большой сайт содержит переводы 17 есенинских стихотворений. В своей статье Шокальский приводит суждения, встречающиеся на польских есенинских сайтах (где речь идет, например, о ссылке русского поэта за отказ написать гимн во славу царя или о том, что он был воинствующим нацистом и юдофобом). Весьма значительно воздействие есенинской поэзии на творчество современных польских поэтов (Б. Завадска, М. Вечорек, М. Умер и др.).

На протяжении длительного времени белорусский читательзнакомился с Есениным в оригинале, хотя несколько его стихотворений в переводах В. Дубовки и А. Дударь были опубликованы в периодических изданиях еще в середине 1920-х гг. Впоследствии к есенинскому творчеству обращались такие переводчики, как Ю. Гаврук, А. Бачило, М. Аврамчик, А. Андрейко и др. Большой интерес к русскому поэту проявили известные белорусские поэты и переводчики А. Кулешов и Р. Бородулин. В частности, в их переводах в 1976 г. увидело свет первое книжное издание Есенина под названием «Избранное. Стихи и поэмы». В него вошла лирика разных лет и поэмы. А. Кулешов, испытывавший в раннем творчестве сильное влияние есенинской поэзии, перевел на белорусский язык две поэмы, в том числе «Анну Снегину», и восемь стихотворений; Р. Бородулин – четыре поэмы, одну балладу и 37 стихотворений. Кроме того, поэзия Есенина печаталась в поэтических сборниках, а также в периодических изданиях в переводах В. Жуковича, Ю. Гайдуча и др.

¹⁴ Шокальски Е. Сергей Есенин – поэт, в Польше не забытый.
<http://protestirui.ru/2013-03-18-18-10-20/140-2013-03-14-20-03-50>

Вот уже почти столетие мир читает и – с уверенностью можно сказать – еще долго будет читать Есенина. Секрет жизнеспособности есенинской поэзии еще в 1922 г. пытался разгадать известный польский писатель Я. Ивашкевич: «И как будто не было всех этих бурных и тяжелых десятилетий XIX века – над морем крови и морем поэзии он протягивал руки гениальному предшественнику – Пушкину. Вот какова эта “связь всех поколений, народ создающих”»¹⁵. Об интересе к его творчеству – не только в России, но и за ее пределами, в первую очередь в славянских странах, – можно судить по количеству изданных переводов, написанных о нем статей и книг. Каждое поколение читателей, переводчиков, исследователей находит в его поэзии что-то новое, близкое для себя. Поэтому, несмотря на дистанцию времени, Есенин остается поэтом современным. Не случайно так современно звучат строки стихотворения «Памяти Сергея Есенина», написанного в 1926 г. Мариной Цветаевой, которая хорошо знала его и считала одним из самых талантливых русских поэтов:

И не жалость – мало жил,
И не горечь – мало дал, –
Много жил – кто в наши жил
Дни, все дал – кто песню дал¹⁶.

Парфразируя самого Есенина, можно утверждать, что миру нужно есенинское слово. Данью признательности славян русскому поэту стал сборник «Миру нужно песенное слово...», изданный в России и включающий в себя пятнадцать есенинских стихотворений, каждое в переводах на все одиннадцать славянских языков, существующих ныне¹⁷. Вошедшие в книгу переводы выполнены как известными славянскими поэтами и переводчиками (Р. Бородулин, В. Жукович, А. Милев, Т. Харманджиев, Г. Тодоровский, Т. Новак, Н. Бертолино, Я. Есенский, М. Руфус, Л. Фелдек, Я. Шимонович, Я. Замбор, Г. Крклец, Д. Цесарич, Я. Забрана, В. Данек и др.), так и молодыми или начинающими (Б. Будар,

¹⁵ Шубникова-Гусева Н. И. Драматическая поэма С. А. Есенина «Пугачев»: проблемы раннего этапа рецепции в Польше. http://kluev.org.ua/collegium/sbornik/shubnikov_guseva.pdf

¹⁶ Цит. по: http://cvetaeva.chitalya.ru/Pamyati_Serheya_esenina.php

¹⁷ Сергей Есенин: «Миру нужно песенное слово...» / Сост. А. Г. Машкова, Г. Кубишова. М., 2013.

Э. Ниами, М. Шмегижевска, А. Зебра, Д. Доротиц Сесар, Н. Киселева и др.); часть переводов сделана специально для данной книги.

Список литературы

Збыровский З. «Русская советская поэзия в Польше (1918–1930)» // Русская литература. 1978. №3. С. 195.

Иванова Г. Украинский Есенин. <http://www.esenin.ryazan.ru/105.html>

Киселева Л. А., *Пашко* О. В. Восприятие и осмысление творчества Есенина в Украине: начальные этапы рецепции. http://kluev.org.ua/kiseljova_pashko.php

Машкова А. Г. Словацко-русские межлитературные связи: страницы истории. М., 2013.

Прокушев С. Сергей Есенин. esenin.ouc.ru/uri-prokushev-sergey-esenin.htm

Сергей Есенин: «Миру нужно песенное слово...» / Сост. А. Г. Машкова, Г. Кубишова. М., 2013.

Стапнишич Й. Югославская литературная критика о русской поэзии (1900–1930 годы) // Восприятие русской литературы за рубежом: XX век. Л., 1999. С. 85, 88.

Стоев А. parkani.at.ua//news/atanas_stoev/2011-06-04-350

Шокальски Е. Сергей Есенин – поэт, в Польше не забытый. <http://protestirui.ru/2013-03-18-18-10-20/140-2013-03-14-20-03-50>

Шубникова-Гусева Н. И. Драматическая поэма С. А. Есенина «Пугачев»: проблемы раннего этапа рецепции в Польше. http://kluev.org.ua/collegium/sbornik/shubnikov_guseva.pdf

Юнак В. В. Сербская и хорватская литературная критика о Сергее Есенине (1920-е–1980-е годы). М., 1996 (электронная версия: [cheloveknauka.com / serbskaya+horvatskaya-literaturnaya-kritika-o-s-a-esenine-1920-e-1980-e-gody](http://cheloveknauka.com/serbskaya+horvatskaya-literaturnaya-kritika-o-s-a-esenine-1920-e-1980-e-gody)).

Rufius M. Básnikom byť –taká je to sláva (stretnutie s Jeseninom) // Literárny týždeník (Bratislava). 26.12.1985.

Сведения об авторе: Машкова Алла Германовна, доктор филол. наук, профессор, зав. секцией славянских литератур кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: slavlang.msu@gmail.com

СТАТЬИ

Е.Н.Ковтун

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА И ФЭНТЕЗИ – КОНКУРЕНЦИЯ И ДИАЛОГ В НОВОЙ РОССИИ

В статье предпринята попытка анализа и систематизации факторов, приведших в середине 1990-х годов к изменению на пространстве российской художественной словесности доминирующего типа фантастического повествования. Обозначены основные вехи исторического развития фантастики рациональной посылки и фантастики сверхъестественного. Охарактеризована роль научной фантастики в литературе СССР. Выявлены основные закономерности трансформации авторской интенции и читательского сознания в сфере фантастики в 1990–2000-е годы; приведены данные о читательских предпочтениях студентов МГУ – слушателей межфакультетских курсов фантастovedческой проблематики. Показаны проблемное поле волшебной фантастики (фэнтези), предпосылки ее главенства и функции в новейшем отечественном литературном пространстве.

Ключевые слова: научная фантастика, фэнтези, новейшая российская фантастическая литература, смена доминирующего типа фантастики.

An attempt is made in the article to analyze and systematize those factors which had led by the mid-1990s to changes in the type of fantastic narrative dominating in the whole area of the Russian belles-lettres as a sphere of art. The main landmarks in the historical development of the fantastic of the rational premise and the fantastic of the supernatural are specified. The role of science fiction in the USSR literature is identified. The main regularities of the transformation of the author's purport and the readers' perception in the sphere of the fantastic in the 1990s – 2000 are determined; data are supplied about readers' preferences among Moscow State University students who attended lectures (for all faculties) on the subject of the fantastic as a field of study. The issues of the magical fantastic (fantasy as a genre), prerequisites for its domination and its functions in the new Russian literary domain are demonstrated.

Key words: science fiction, fantasy, the new Russian fiction of the fantastic, the change in the dominating type of the fantastic.

В данной публикации мы попытаемся ответить на вопрос, волнующий любителей фантастической литературы на протяжении по крайней мере двух десятилетий. Как могло случиться, что в течение этого, столь короткого по историческим меркам, времени в российском культурном пространстве¹ произошла кардинальная смена доминирующих типов фантастического повествования? Там, где еще тридцать лет назад, казалось бы, безраздельно властвовала так называемая «научная фантастика» (НФ), исходящая при конструировании вымышленных моделей реальности из современной научной картины мира, теперь столь же решительно утвердилась фантастическая литература иного типа – волшебная, для обозначения которой закрепился – по-видимому, окончательно – иноязычный термин «фэнтези»².

Сразу же оговоримся, впрочем, что этот вопрос волнует отнюдь не всех членов так называемого «фэндом» – сообщества поклонников фантастики. Чаще его задают читатели старшего поколения, еще помнящие, что некогда она считалась чтением серьезным, проблемным, поднимающим большие вопросы современности и прогнозирующим перспективы общественного развития. Не забыто ими и то, что основным потребителем фантастической (научно-фантастической) литературы числилась интеллигенция – и что фантастика в лучших своих образцах (И. Ефремов, братья Стругацкие, фантасты-«шестидесятники») нередко вступала в полемику с властями, фиксируя искажение социалистических принципов или выступая с позиций общечеловеческой морали. Памятны им и дефицит книг хороших отечественных и зарубежных фантастов, и поиск этих книг в иностранных магазинах во время зарубежных командировок, и вынужденное чтение любимых русских авторов в иноязычных переводах. И обсуждение фантастических новинок в семьях,

¹ Аналогичные процессы шли также в постсоциалистических странах Восточной Европы.

² Правда, до сих пор нет единства ни в его транслитерации (автору статьи встречались варианты «фэнтэзи», «фентази» и даже «фентози»), ни в определении грамматического рода (термин употребляется и в мужском, и в женском, и в среднем роде). Наиболее частотен, по нашим наблюдениям, средний род – ср. использование термина модераторами наиболее авторитетного отечественного информационно-аналитического портала «Лаборатория Фантастики» (<http://fantlab.ru>). Однако мы сохраним традицию употребления женского рода (по аналогии с термином «фантастика»), как это делали во всех наших работах, начиная с 1990-х годов, когда вынуждены были использовать данное обозначение, в силу его новизны, еще без транслитерации (fantasy).

в терминологии нынешней эпохи относимых к «среднему классу». И встречи и споры на заседаниях Клубов любителей фантастики (КЛФ), еще не имеющих коммерческой «изнанки» нынешних конвентов³, на семинарах писателей-фантастов в Малеевке, на только начинающейся «Аэлите»⁴. И многое другое, неотделимое в сознании советских людей от привычного понятия НФ.

Молодое же поколение, выросшее в совсем иных условиях – рыночной литературы, отчаянно борющейся за выживание в конкуренции с иными средствами проведения досуга, – изменений в формах, функциях, самой природе новейшей фантастики обычно попросту не замечает. Для него естественно существование «фантастической субкультуры», обособленной и многоаспектной, охватывающей специализированные журналы и книжные серии, интернет-порталы и сайты, собственную систему общения и выстраивания ценностных иерархий, свою критику и даже науку – фантастоведение⁵. Привычна им и синкретическая природа современной фантастики, нерасчленимое литературно-кинематографически-игровое, материально-виртуальное бытование фантастических образов и сюжетов. И само собой – их типичная репрезентация: вымышленное путешествие-квест, оправленное в условное европейское средневековье и щедро одобренное магией. Драконов, впрочем, можно заменить на вампиров, вымышленное королевство – на узнаваемо изображенную Москву, ведунов – на сотрудников Дозоров. Суть не изменится, и дело совсем не в этом.

Проблема заключается в другом, и нам видится два основных ее аспекта. Первый – выяснение причин столь резкой смены парадигм. Легко свернуть – и списать – ее на изменение политической ситуации или, более тонко, на специфику социальных и нравственных установок эпохи. Дескать, строителям светлого будущего необходима была НФ, общество потребления довольствуется сказками. Зависимость фантастики, как и литературы вообще, от идеологии действительно трудно отрицать. Но вдумаясь: речь идет не о тематике и проблематике фантастических книг, всегда в той или иной степени определяемых эпохой. И даже не о сюжетах и образах, в которых писатель реализует

³ Фестивали издателей, авторов, критиков и читателей фантастики, например Роскон, Еврокон.

⁴ Первый отечественный фестиваль фантастики, проводящийся с 1981 г.

⁵ Бытует также обозначение «фантастиковедение».

собственные фантазии, – здесь также порой действует литературная «мода», выдвигающая на первый план то рассказ об открытии и изобретении, то роман-катастрофу, то магический квест. Но в данном случае мы имеем дело с основополагающими законами *архитектоники фантастического текста*.

Различия между НФ и фэнтези отнюдь не сводятся к проблематике. Не исчерпываются они и декорациями: космос, роботы, грядущее – в научной; колдуны, заклинания, инферналы – в волшебной фантастике. Каждый из двух типов фантастического повествования подчиняется своим закономерностям выстраивания вымышленной модели реальности⁶. И если в НФ⁷ фантастическая посылка, лежащая в основе сюжета, обязана получить *рациональное обоснование в тексте*, то фэнтези столь же последовательно такое обоснование выносит за пределы текста, апеллируя к достаточно размытым *представлениям о сверхъестественном*, бытующим в пределах культурного пространства, где создано и прочитывается соответствующее художественное произведение. Это, а также ряд других особенностей, приводит к определенной заданности авторской установки, а с ней и читательского восприятия – даже в случае использования обеими разновидностями фантастики одной и той же образности. Так, в фэнтези вампир предстает живым мертвецом («Дракула» Б. Стокера), в НФ же – хищной разновидностью ископаемых приматов («Ложная слепота» П. Уоттса). Всемогущие боги или маги будут интерпретированы научной фантастикой как пришельцы из космоса или путешествующие во времени наши собственные потомки. И так далее.

Словом, речь идет не только о зависимом от господствующей идеологии *содержании* фантастических произведений, но и о *способах художественного воплощения авторского замысла*, буквально о *при-*

⁶ Следует учесть: ради четкости постановки проблемы мы вынуждены несколько упростить внутреннее разграничение фантастики. В действительности литература в широком смысле «фантастическая» – повествование о необычайном – отнюдь не сводится только к НФ и фэнтези. Немало и текстов, в которых одновременно представлены несколько типов вымысла. Подробнее об этом рассказано в нашей монографии [4].

⁷ По крайней мере, в «классическом» научно-фантастическом произведении конца XIX – первой половины XX в. Далее «научность» (достоверность и подробность обоснования) посылки постепенно размываются. Мы многократно писали об этом, см., например, [Ковтун, 2012].

*сущей писателю форме художественного мышления*⁸. В последнем случае идеология – все же вопрос вторичный. До такой степени свободу вымысла не стеснишь, иначе литература перестанет быть литературой. Как случилось, что большинство писателей-фантастов практически в одночасье ощутило потребность содержательно и формально мыслить иначе? Не в рамках научной картины мира, как было привычно еще совсем недавно, но в моделях мифологических и сказочных? На наш взгляд, сугубо идеологических объяснений здесь мало. Необходимо, по крайней мере, признание вмешательства в ситуацию внутренних литературных процессов и внутренних законов развития самой фантастики. Их мы попытаемся выявить далее.

Второй аспект поставленной проблемы – выяснение, привела ли смена доминирующего типа фантастического повествования к изменению *задач и функций фантастического текста*, а с ними и способа бытования фантастики в культурном поле постперестроенной России. Автор этих строк не раз слышал подобный вопрос от читателей. Например, на виртуальной встрече с членами Клуба любителей книг «BookMix.ru». Вот что написал ее участник, пользующийся никнеймом *Scipion*: «В моем представлении советская фантастика соответствовала пророческому дискурсу классической русской литературы, что можно назвать морализаторством, прогнозированием, воспитанием. Как вы думаете, почему сейчас эта функция отсутствует? Я понимаю, что нет социального заказа, но почему? Нет ли в этом какого-то общего разочарования в возможности иного будущего? И не является ли сейчас фэнтези, в этом смысле, бегством? Или это признак чего-то другого?»⁹

Понятно, что подробное исследование проблемы во всей ее полноте далеко выходит за рамки единственной научной публикации. Мы не

⁸ Это не значит, конечно, что у писателя она всегда одна и та же. У М. Булгакова есть сюжеты, основанные на рационально-фантастической гипотезе («Собачье сердце»), и на посылке, интерпретированной в духе фэнтези (визит дьявола в советскую столицу в романе «Мастер и Маргарита»). Возможны случаи авторской игры с посылкой, когда она получает двойственное обоснование – научное и сверхъестественное. Так, рецепт продления жизни в пьесе К. Чапека «Средства Макропулоса» может быть понят как научное открытие врача XVI столетия – или как результат алхимических (магических) действий. Наконец, для новейшей фэнтези характерно сближение магии с наукой – об этом мы скажем ниже.

⁹ <http://bookmix.ru/groups/viewtopic.phtml?id=3281>

имеем возможности привести здесь даже сколько-нибудь подробного обзора развития российской НФ и фэнтези 1990–2010-х гг. Тем не менее кое-что все-таки сделать можно. В частности, обозначить вехи «истории вопроса» и провести своего рода экспресс-анализ современных читательских предпочтений. И далее суммировать факторы, вызвавшие относительно недавний кардинальный сдвиг во вкусах и пристрастиях отечественных любителей фантастики.

Повествование о необычайном имеет древние литературные корни. В определенном смысле оно стало едва ли не родоначальником всей художественной словесности – если принять в расчет, что первые «сказки», устные развлекающие и поучающие истории, были осколками десакрализованного мифа. История фантастики насчитывает множество периодов, на протяжении которых в нее вовлекались различные жанры: предания, былички, средневековые легенды, готические романы... Магистраль развития литературы «явного» вымысла проходила скорее по линии предков нынешней фэнтези: на протяжении многих веков доминировали рассказы о сверхъестественном – контуры которого, впрочем, ощутимо изменялись со временем. Однако были свои праруины и у НФ: известные еще с античности вымышленные путешествия, а также утопии – беллетристические воплощения социального идеала или прогнозов развития натурфилософских воззрений.

Две традиции успешно сосуществовали, время от времени перекрывая друг у друга инициативу. Расцветом утопии стал период Возрождения – эпоха географических открытий и гуманистических учений («Золотая книга...» Т. Мора, 1516; «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, 1532–1564; «Город Солнца» Т. Кампанеллы, 1602; «Лабиринт мира и Рай сердца» Я. А. Коменского, 1623; «Новая Атлантида» Ф. Бэкона, 1627; «Государства и Империи Луны» С. де Бержерака, 1657), затем аналогичный тип художественного мышления обрел популярность в просветительском романе («Хромой бес» А.-Р. Лесажа, 1707; «Путешествия Гулливера» Дж. Свифта, 1727). Но далее «готика» и эпоха романтизма надолго вывели на передний план традицию фантастики волшебной. Великие мастера – от Байрона и Пушкина до Гофмана и Гоголя, – казалось бы, навечно определили облик фантастического повествования с его внемирскими устремлениями, поэтичными декорациями, пришельцами из иных пластов бытия и вечной проблематикой мечты и жертвы, греха и искупления, духовного прорыва в божественную «истинную реальность».

Однако ничего неизменного в фантастической литературе нет. И уже у самих романтиков – «Франкенштейн» М. Шелли (1818), «Необычайное приключение некоего Ганса Пфааля» Э. По (1835) – заметен интерес к другим темам и иному образу мыслей. К середине XIX в. авторской фантазией овладела наука. Успехи астрономии, химии, физики, головокружительное ощущение раздвинувшихся границ познания вдохновляли более, нежели общение с «маленьким народцем» или продажа бессмертной души. Возник и новый заказ на образовательное чтение для подрастающего поколения. Не случайно каноны рождающейся НФ Ж. Верн вырабатывал, сотрудничая с «Журналом воспитания и развлечения» П.-Ж. Этцеля.

Впрочем, французский мэтр именовал свои романы всего лишь «научными», а «фантастическими» – точнее, «фантазиями» – собственные книги называл (в полемике с Ж. Верном) Г. Уэллс. Полемика, однако, завершилась объединением художественных открытий. Именно снабженные научным комментарием приключенческие сюжеты французского писателя, будучи соединены с традициями английской сатиры и, шире, арсеналом художественных средств «большой» литературы, создали к концу XIX в. новый тип фантастического повествования с его непременной триадой: рациональное обоснование фантастической гипотезы – иллюзия достоверности (реалистичный фон действия) – единство посыла (лишь одно фантастическое допущение, ибо неинтересно читать, если «возможно все»).

Сам термин, правда, возник чуть позже – зато почти одновременно у нас и за океаном. «Scientifiction» («Scientific fiction») – так обозначил новую форму фантастики в 1915 г. в своем научно-популярном журнале для радиолюбителей американец (ранее эмигрант из Европы) Х. Гернсбек. Затем это словосочетание преобразовалось в привычное *science fiction*. В России же «калибровка» термина происходила в журнале «Мир приключений». Впервые жанровое определение «научно-фантастический роман» появилось в нем в 1910 г. [Зубов]

Однако параллельно с ростом научных симпатий дал знать о себе рубеж веков – эпоха, традиционно активизировавшая мистические, эзотерические, эсхатологические учения. В Европе блистали О. Уайльд, Б. Стокер, Г. Майринк, Х. Эверс, Д. Папини; в Америке знаменитые «Мифы Ктулху» создавал Г. Лавкрафт. Возрождая находки романтиков, фантастика обретала и новые символистские, импрессионистические, экспрессионистические смыслы.

Российская фантастическая литература вошла в XX столетие в блеске обеих своих версий. Мастера Серебряного века нередко одинаково свободно ощущали себя в каждой из них: «Республика Южного Креста» и «Огненный ангел» (обе – 1907) В. Брюсова, «Жидкое солнце» (1913) и «Звезда Соломона» (1917) А. Куприна. А еще – «Навыи чары» (1914) Ф. Сологуба, «Дневник Сатаны» (1921) Л. Андреева, «Крысолов» (1924) А. Грина. И здесь же – «Красная звезда» (1908) А. Богданова, «Месс-Менд» (1924) М. Шагинян, «Аэлита» (1923) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1926) А. Н. Толстого. Все это обещало в наступившем веке плодотворное и взаимно обогащающее развитие как фэнтези, так и НФ. Однако затем в фантастический локус вторгся глобальный исторический процесс.

После 1917 г. в СССР фантастика, подобно словесности в целом, была поставлена на службу социализму. Начиная с текстов В. Обручева и А. Беляева, она постепенно обретает облик и функции поощряемой властями «литературы крылатой мечты». И если исключить из рассмотрения 1930–1940-е гг., когда формировалась и доминировала так называемая «фантастика ближнего прицела»¹⁰, необходимо признать, что эта роль удавалась ей вполне. На протяжении второй половины XX в. советским (и солидаризирующимся с ними восточноевропейским, от раннего С. Лема до П. Вежинова) фантастам удалось создать мощную традицию социально-философского повествования, успешно полемизирующую с западной *science fiction* по проблемам эволюции социума и духовного мира личности, космических перспектив земной цивилизации, способа сосуществования с «братьями по разуму» и т. п. Читателей, особенно молодых, безусловно, привлекал созданный фантастикой образ положительного героя – ученого, звездоплывателя, человека (заимствуя выражение Стругацких) с высоким индексом социальной ответственности.

При этом положение фантастики при социализме все же осталось двойственным. И речь не только о замалчивании неугодных режиму текстов («Мы» Е. Замятина, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова). Фантастика была и действенным средством воспитания масс, и инстру-

¹⁰ Фантастическая литература, задачей которой считалась популяризация достижений советской науки и техники (как правило, ее сюжеты разворачивались в недалеком будущем и строились вокруг изобретений, полезных для народного хозяйства, а также разоблачения «врагов» и шпионов в научно-технической сфере).

ментом объединения несогласных. «Час быка» И. Ефремова, «Улитка на склоне» и «Гадкие лебеди» А. и Б. Стругацких будили критическое мышление. Допущенные, пусть и после строгой цензуры¹¹, к нашему читателю зарубежные авторы раздвигали представления о границах жанра. В целом можно констатировать: выгодно отличаясь от «типовых» соцреалистических произведений, научная фантастика советской поры оказала заметное влияние на жизнь, профессию, мировоззрение нескольких поколений читателей.

Фэнтези же была практически исключена из литературного поля, став едва ли не синонимом загнивающей культуры Запада. Апеллирующее к сверхъестественному фантастическое повествование допускалось лишь в прошлом, особенно в народном прошлом (сказочный фольклор), а также в русской классике XIX в. В современной же литературе ему оставляли лишь маргинальные сферы: детское чтение (цикл об Изумрудном Городе, «Золотой ключик», «Старик Хоттабыч»), воспитательная продукция для подростков (Е. Шварц, В. Крапивин, Ю. Томин) и их мировые аналоги от Л. Кэрролла до Дж. Родари. Кое-что, впрочем, изменилось на излете социалистической эры: вслед за концепцией «реализма без берегов», с интересом интеллектуалов к европейской и латиноамериканской мифологической прозе появились тексты с достаточно сложной философско-фантастической символикой, подобные «Плахе» Ч. Айтматова, «Пирамиде» Л. Леонова, «Белке» А. Кима. И все же это не стало открытым признанием права на существование «литературы о сверхъестественном»: последнее оттеснялось в национально-патриархальные модели мира (Айтматов, Ким) или связывалось с христианской мифологией (Леонов).

Нет явления – не нужен и термин. Фантастика сверхъестественного не имела узаконенного обозначения и места в проблемном поле советского литературоведения. В «Краткой литературной энциклопедии» о ней лаконично упоминается как о переходной форме между НФ и волшебной сказкой: «Промежуточное положение в современной фантастике занимает т. н. фэнтэзи (fantasy). На одном

¹¹ Ее польза неожиданно обнаружилась в начале 1990-х гг., когда на читателя обрушились не цензурируемые – и чаще всего некорректно переведенные – тексты западных фантастов, не проходящие в том числе и элементарного художественного отбора. Разочарование в «полной версии» творчества даже любимых мэтров американской science fiction было действительно большим.

ее полюсе находятся произведения, в которых важнейшие мотивы научной фантастики (возможности науки, ее влияние на судьбы людей и общества) разрабатываются в сказочно-утопическом плане, нередко очень близком к собственно научной фантастике (Р. Брэдли, Р. Шекли, в СССР – В. Шефнер); на другом полюсе, смыкаясь с современной религиозной фантастикой (К. Льюис), располагается мистическая фэнтези – современный вариант фантастики сверхъестественного и ужасного, продолжающий иррационалистические мотивы романтизма. Основная же масса фэнтези – особый вид литературной сказки, использующей мотивы волшебства, магии, рыцарского эпоса в сочетании с приемами реалистического рассказа (А. Блэквуд, М. Пик, Д. Лавкрафт, Д. Толкайен)» [Нудельман, 1972: 894].

Сделаем из сказанного предварительный вывод. Конкуренция «рациональной» и «магической» фантастических традиций, как и смена лидирующего типа повествования, для фантастики вещи вполне привычные. Однако ранее в истории фантастической литературы эти перемены происходили относительно плавно – и никогда не подразумевали однозначного вытеснения одного типа фантастики другим.

Категорическое же пресечение в СССР традиций фантастики волшебной вызвало своеобразный «эффект бумеранга», совпавший с эпохой радикальных политических и культурных перемен. В начале 1990-х гг. в фантастике России и Восточной Европы наблюдается короткий период растерянности и утраты ориентиров – на фоне лавины переводов западной *science fiction* и *fantasy*. А затем – почти мгновенное появление собственной (с разной степенью оригинальности и качества) фэнтези: «Эльфийский клинок» (1993) Н. Перумова, «Меч и радуга» М. Симонс¹² (1993), «Трое из Леса» Ю. Никитина (1993), «Кровь эльфов» А. Сапковского (1994), «Волкодав» (1995) М. Семеновой, «Живущий в последний раз» Г.Л. Олди¹³ (публ. 1995), «Многорукий бог далайна» С. Логинова (1995), «Рыцарь из ниоткуда» (1996) А. Бушкова, «Посмотри в глаза чудовищ» А. Лазарчука и М. Успенского (1997), «Катали мы ваше солнце» Е. Лукина (1998) и др. Начавшись с подражаний Д.Р. Толкиену

¹² Псевдоним Е. Хаецкой.

¹³ Псевдоним Д. Громова и О. Ладыженского.

и У. Ле Гуин¹⁴, новорожденная фэнтези формировалась преимущественно как «фантастика меча и магии» – и таковой во многом осталась в дальнейшем. Несмотря на отдельные удачные исключения, авторы XXI в. пока не сумели масштабно возродить отечественные и мировые традиции фантастики мистической, метафорической, ужасной. Пожалуй, помимо эпической и героической (тот самый псевдосредневековый квест), ярко проявила себя лишь юмористическая и ироническая фэнтези (Е. Лукин, М. Успенский, О. Громыко)¹⁵.

Тем не менее новой традиции удалось не просто закрепиться в литературе, но очень быстро выдвинуться на передний план¹⁶. Спустя десять лет понятие «фантастика», ранее автоматически означавшее «НФ», столь же последовательно начинает интерпретироваться как «фэнтези». Чтобы проверить это, достаточно зайти в ближайший книжный магазин, открыть какой угодно специальный журнал, принять участие в любой тематической рекламной кампании. Конечно, на практике в новейшей фантастике обнаруживается множество поджанров и их гибридов.

¹⁴ Вот как вспоминает об этом в автобиографии М. Семенова: «Что ж, деньги зарабатывать надо – и я опять же килограммами переводила импортное фэнтези. Литературные достоинства большинства этих книг можно описать словом “макулатура”, но бум есть бум – как их раскупали! Дошло до того, что отечественные авторы, начавшие тогда выступать в жанре фэнтези, брали себе “зарубежные” псевдонимы, да и писали всё на тот же западный лад – о драконах, эльфах и гоблинах. Тут уже во мне возмутился этнограф: хотите фэнтези — будет вам фэнтези, но почему предпочтение отдается уже десять раз съеденному “толкиновскому” бутерброду, а наш богатейший родной материал должен оставаться в загоне?! Результатом этого возмущения явился “Волкодав”, выпущенный в 1995 г. издательством “Азбука”. Книга, как выяснилось, заполнила определенную нишу читательского интереса» (<http://fantlab.ru/autor103>).

¹⁵ Новая «аутентичная» фэнтези затмила робкие попытки советских фантастов «восьмидесятников» создать «полунаучную» фантастику – предельно «мягкий», гуманитарный вариант НФ. Об этих попытках мы рассказали в отдельной работе [Ковтун, 2007].

¹⁶ Ср. одно из многих аналогичных высказываний на этот счет: «Российская фантастическая литература имеет богатые традиции, однако ее основные успехи связаны с научной фантастикой. Что же касается “русского фэнтези”, то еще чуть более 10 лет назад это словосочетание не имело никакого смысла: такого направления просто не существовало. Жанр фэнтези в массовом сознании ассоциировался, прежде всего, с именами Толкина и Говарда. Однако сейчас – дело другое. Русские авторы подмяли под себя рынок, “в одну калитку” переигрывая практически всех маститых иноземцев» [Невский, 2004: 28].

«Давно минули благие времена, когда жанр можно было четко разложить по полочкам: это, дескать, героика, а вон то – технофэнтези. Сейчас большинство авторов пишут по мультисистемному принципу, когда в одной книге смешиваются разные направления, и на выходе получается весьма причудливый коктейль» [Невский, 2004: 28]. Но сути это не меняет.

Однако вполне ли соответствует ныне, а не в «лихие девяностые», приоритетное «фэнтезийное» предложение реальному читательскому спросу? Мы не имеем в виду людей старшего поколения, многие из которых и в наши времена продолжают хранить верность НФ. В течение ряда лет автор этих строк пытается проверить, действительно ли фэнтези преобладает в круге чтения молодежи – а если и так, то не наметилось ли в этом круге перемен?

В силу рода занятий автора наблюдения ведутся им в студенческой среде, преимущественно в МГУ имени М. В. Ломоносова. Есть, например, подтверждающий приоритет фэнтези опыт проведения на филологическом факультете посвященных фантастике секций в рамках ежегодной Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Так, в 2012 г. круглый стол «К 120-летию Д. Толкиена» привлек более сотни заинтересованных слушателей. На аналогичных же мероприятиях 2013 г. («Памяти Б. Н. Стругацкого: Социальная фантастика: вчера, сегодня, завтра») и 2014 г. («К 130-летию со дня рождения А. Беляева: Наука и общество будущего в современной фантастике») присутствовали фактически только сами докладчики.

Несколько иную картину, однако, рисуют межфакультетские курсы (МФК), которые посещают студенты разных структурных подразделений МГУ. В 2013 г. слушателям курса «Кросс-культурные коды фантастики» было предложено дать письменный ответ на вопрос: «Какой из типов фантастической литературы – научная фантастика или фэнтези – вам более интересен (близок, приятен) и почему?». Победу одержала фэнтези, но разброс голосов оказался не так велик. Из 128 авторов представленных работ предпочтение фэнтези отдали 55 (43%); 44 (34%) высказались в пользу НФ; 29 (23%) заявили, что с одинаковым интересом читают фантастику обоих типов¹⁷.

¹⁷ Подробно результаты этого и других письменных заданий проанализированы нами в статье [Ковтун, 2014].

В 2014 г. в рамках продолжения курса («Кросс-культурные коды фантастики: проблемное поле XX–XXI вв.») был отмечен большой интерес слушателей к лекциям по проблематике НФ. А вот как выглядит «топ 10» имен, названных студентами в письменном ответе на вопрос: «Кто мой любимый писатель-фантаст?»¹⁸: А. и Б. Стругацкие (87), Д. Толкиен (81), Р. Бредбери (68), Д. Роулинг (56), С. Лукьяненко (41), А. Азимов (36), Т. Пратчетт (35), С. Лем (32), Д. Мартин (29), С. Кинг (22).

Чем интересна данная десятка? Во-первых, конечно, тем, что приз читательских симпатий все же выиграли отечественные авторы – хотя отрыв мастеров социально-философской фантастики братьев Стругацких от основоположника (в массовом понимании) эпической фэнтези Д. Толкиена на протяжении всего процесса подсчета голосов был минимален. Во-вторых, хронологическими и географическими рамками: лидерами оказались фантасты второй половины XX–XXI вв., в основном ныне живущие или не так давно ушедшие из жизни, принадлежащие как к восточноевропейской, так и к западной традиции. Но главное, в перечне оказалось одинаковое количество (по пять) представителей как фэнтези, так и НФ (ряд авторов – Р. Бредбери, С. Лукьяненко, Л. Мартин, С. Кинг – имеют опыт создания обеих).

Такое же, в целом, соотношение представителей двух типов фантастики демонстрируют и другие названные имена (мы сгруппировали их по временам и регионам, начав с отечественных авторов, выделив зарубежный «мейнстрим» и исключив откровенный «трэш»): Н. В. Гоголь, А. К. Толстой, Е. Замятин (12), А. Беляев (8), А. Н. Толстой (2), В. Обручев, М. Булгаков (8), А. Грин (2), Г. Адамов, Ч. Айтматов, И. Ефремов (4), К. Булычев (8), В. Крапивин (2), Н. Носов, А. Казанцев, С. Снегов (3), Е. Гуляковский, О. Ларионова, С. Лукьяненко (41), О. Громыко (19), Д. Глуховский (12), М. Фрай (12), А. Пехов (12), М. и С. Дяченко (8), В. Панов (8), Н. Перумов (7), Г. Л. Олди (3), Е. Лукин (2), А. Белянин (6), Д. Емец (6), М. Петросян (6), В. Пелевин (4), М. Семенова (3), Т. Толстая (2), М. Успенский (2), Н. Горькавый (2), А. Валентинов (2), О. Дивов (2), В. Головачев, С. Логинов, Л. Каганов; Данте Алигьери, Д. Свифт, И. В. Гете, Я. Потоцкий, Л. Кэрролл (4), Э. А. По (3), А. де Сент-Экзюпери (4), О. Хаксли (16), Д. Оруэлл (16), К. Кастанеда, К. Чапек (4), Я. Вайсс, М. Павич,

¹⁸ Всего ответивших 255; разрешалось указывать несколько имен. В скобках приведено количество голосов, отданных за каждого автора. Отсутствие скобок (в списке, приведенном далее) означает, что фамилия писателя встретилась однократно.

Г. Маркес, Х. Мураками, П. Коэльо, А. Касарес, Д. Митчел, А. Сапковский (15), Ж. Верн (11), Г. Уэллс (13), Г. Лавкрафт (9), Х. Гернсбек, Б. Стокер (3), А. Конан Дойл (5), Г. Р. Хаггард, Э. Берроуз (4), Р. Говард, А. Меррит, Р. Матесон, К. С. Льюис (12), Р. Желязны (19), Р. Хайнлайн (6), У. Ле Гуин (5), Ф. Герберт (4), А. Кларк (3), О. Скотт Кард (6), У. Гибсон (2), Р. Асприн (6), Д. Адамс (5), Р. Хобб (2), Д. Уиндем, Р. Сальваторе (4), Б. Вербер (4), Ф. Пулман (4), Д. Симмонс (3), Д. Страуд (2), Н. Гейман (5), Ч. Мьевиль, К. Паолини (6), Т. Гудкайнд, Г. Каттнер, А. Нортон, А. Фостер, Д. Аберкромби, Лао Шэ, П. Буль, К. Прист, Ф. Дик (8), Д. Киз (7), К. Воннегут (3), Ч. Паланик, П. Уоттс, Г. Кук (2), Т. Уайт, Р. Кавахара, К. Фишер, Р. Джордан, М. Уэйс, Д. У. Джонс, С. Майер (7), С. Коллинз (8). Как видим, приоритет фэнтези здесь вовсе не так очевиден¹⁹.

К мнению студентов мы еще вернемся. А сейчас настало время суммировать факторы, приведшие на склоне XX в. к смене фантастических парадигм. Разобьем их на три группы: причины расцвета советской НФ, падения ее престижа в 1990–2000-е гг., причины доминирования и функции возродившейся фэнтези.

Итак, по верному замечанию члена Клуба BookMix, во времена СССР существовал серьезный социально-политический заказ на фантастическую литературу «научного» типа, которой доверялось воспитание молодежи и вообще широкого читателя в духе считающегося методологически верным марксистского материалистического мировоззрения. Для поддержки НФ руководство страны прилагало заметные усилия, не только финансируя большие тиражи верных режиму фантастов вроде А. Казанцева, но и контролируя развитие фантастики нужного типа через систему специальных мероприятий (Всероссийское совещание по приключенческой и научно-фантастической литературе 1958 г., Совещание по проблемам научно-фантастической литературы 1975 г.) и структур (Совет по приключенческой и научно-фантастической литературе в рамках Союза писателей; КЛФ). Косвенное признание этих усилий выражено в Послании Президента Российской Федерации

¹⁹ Можно возразить, что студенты МГУ едва ли представляют наиболее распространенный тип современного молодого читателя. Верно. Но согласимся и с тем, что если «рядовой» читатель не столь интеллектуально развит, то в большинстве случаев требует от фантастической литературы не убедительности обоснования «потенциально возможного» или сверхъестественного вымышленного мира, но приключенческого сюжета с максимальной порцией «экшена». А потому вопрос о приоритете фэнтези или НФ для него не имеет смысла.

Федеральному Собранию 30 ноября 2010 г.: «Давайте вспомним, какое влияние на развитие целых поколений оказывала, к примеру, захватывающая научная фантастика (мы все читали ее), которая увлекала ребят и звала совершать собственные открытия»²⁰.

Вместе с тем авторов и читателей НФ привлекала и возможность под маской научного прогноза, конструирования вымышленной модели социума частичного преодоления цензурных запретов, как тематических, так и проблемных. Например, в романе И. А. Ефремова «Час быка» (1969) мир планеты Торманс прочитывался как иносказательное воплощение земного настоящего, а коммунистическое будущее Земли – как возвращение к идеалу от искажающей его современности. Поиск же идеала воспринимался отнюдь не только в рамках марксистского учения, но шире – в русле отечественной утопической (в том числе фольклорной) традиции «справедливости и счастья для всех». Можно сказать, что научная фантастика в СССР частично подменяла собой философию и футурологию, становясь площадкой для полемики об облике коммунистического социума, новом человеке, воспитании грядущих поколений. В этом плане советская фантастика действительно соответствовала духу классической русской литературы с ее морализаторством, установкой на воспитание и обучение.

В постперестроечную эпоху отнюдь не только фантастика редуцирует познавательность и утрирует развлекательную функцию. Это присуще всей художественной словесности и связано со многими факторами: изменением системы ценностей, превращением литературы в часть рыночной издательской индустрии и т. п. Однако имеются и «внутрижанровые» причины утраты научной фантастикой своего лидирующего положения в 1990-е гг. В их числе – усталость читателя от многолетнего доминирования НФ с однотипными сюжетами и смысловыми клише, а также падение престижа научного знания и труда ученого, который в эпоху «дикого капитализма» начинает восприниматься едва ли не как неудачник, не способный выстроить собственный бизнес. Негативную роль сыграло и снятие социального заказа: государство и общество на достаточно продолжительное время отстранились от воспитания своих граждан, предоставив подрастающее поколение воздействию рекламных слоганов глобализирующегося мира потребления. Сказалось и отсутствие основного потребителя серьезной

²⁰ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/9637>

фантастической продукции – интеллигенции, то ли исчезнувшей, то ли растворившейся в «среднем классе», фантастики не читающем по причине сугубого прагматизма собственного мышления.

Наряду с этими действовали и факторы, играющие на руку альтернативному типу фантастического повествования. На смену официальному атеизму и научному мировоззрению строителей коммунизма пришло массовое сознание магического типа, склонное не столько к усвоению этики мировых религий, сколько к возрождению суеверий и мифологем языческого толка. Формирующие общественное мнение эры материального достатка состоятельные обыватели желали видеть в книгах то, что соответствовало их представлениям о реальности: знахарей и экстрасенсов, чудеса и достижения эзотерики. Все это притягивало в том числе и ореолом тайного, ранее запретного знания.

Нельзя недооценивать и влияния на смену фантастических парадигм текстов вдруг ставшей доступной массовому читателю на рубеже 1980–1990-х гг. западной фэнтези. Искусственное ограничение в предшествующую эпоху количества переводов даже ее классических текстов XX столетия привело к тому, что к населению нашей страны они пришли более или менее одновременно, что породило кумулятивный эффект. И странно ли, что очарованный заокеанской магией читатель возжаждал «собственных Толкиенов и Ле Гуин»?

Наконец, нельзя отказать в притягательности и вновь появившейся фэнтези «аутентичной». Пусть и находясь под сильным западным влиянием, она делала решительные попытки обрести собственное лицо. Не все они удались – в частности, специалистами неоднозначно оценивается опыт так называемой «славянской фэнтези». Однако в творчестве М. и С. Дяченко, Г. Л. Олди, С. Логинова, Е. Лукина и других хороших современных фантастов она действительно открыла нашим читателям новые миры и в некоторой степени смягчила шок от перехода из советской эпохи в либерально-рыночные времена.

Последнее стоит отметить особо. Фэнтези в «криминальные девяностые» приняла эстафету своей предшественницы НФ в выполнении эскапистской функции и функции компенсаторной. Если ранее массового читателя примиряли с настоящим – или позволяли на некоторое время забыть о нем – космические дали и светлое будущее научной фантастики, то в постперестроечные времена понадобилась именно фэнтези, чтобы утолить «жажду порядка и победы добра» выбитых из привычного психологического окружения, обескураженных

шоковой терапией экономики и разгулом криминала людей. На фоне разочарования в социалистическом строе возникла потребность именно в «вечных», не связанных с определенной идеологией и социальной системой, этических ценностях. И воины Света, изгоняя из ойкумены силы Мрака на страницах эпической фэнтези, помогли сохранить веру на возвращение законности, справедливости и порядка – если не подогрели стремление приблизить его хотя бы в ролевых играх на сюжеты любимых книг. Тем самым и фэнтези оказалось отнюдь не чуждо морализаторство и воспитательное воздействие. Отсюда же, кстати, и яркая «вторая жизнь» (продолжения и пародии), которую обрели в России книги Д. Толкиена [Ковтун, 2010].

А что же НФ? Уцелела ли она в конкурентной борьбе? Извлекла ли из собственного поражения уроки? Изменилась ли, пришла ли в соответствие с эпохой? Спешим успокоить заинтересованного читателя: научная фантастика жива и продолжает эволюционировать, в том числе в рамках лучшей отечественной социально-философской традиции. Об этом говорят «Пещера» (1998), «Долина совести» (2001), «Пандем» (2003) М. и С. Дяченко, «Живущий» (2011) А. Старобинец и ряд иных текстов. Об успешности новейшей фантастики рациональной посылки свидетельствует и интерес наших читателей к мастерам зарубежной science fiction (Д. Симмонс, Н. Стивенсон, В. Виндж, П. Уоттс и др.). В конкуренции с волшебной соседкой научная фантастика стала жестче, частично вернулась к подробной мотивации посылки и специальной терминологии (П. Уоттс, С. Жарковский). Более сложными стали ее представления о будущем, по сравнению с НФ XX столетия во многом скорректированы прогнозы развития технологий.

Однако подробная характеристика сегодняшней научно-фантастической литературы заслуживает отдельных публикаций. Упомянем здесь лишь один интересный процесс, который может быть (не вполне серьезно) интерпретирован как своеобразная «мсть НФ» своей более успешной конкурентке. В ряде популярных произведений последних лет (и, на наш взгляд, отнюдь не только в силу их приключенческого характера) прослеживается тенденция подведения научной – или, по крайней мере, рациональной – основы под святая святых эпической фэнтези, магию. Последняя все больше начинает восприниматься как еще не описанная наукой энергия – или природная стихия (циклы С. Лукьяненко о Дозорах, В. Панова о Тайном городе), овладение которой требует интеллектуальных усилий и... специальных образовательных

программ. Вот почему герои нынешней фэнтези – от Гарри Поттера и ведьмака Геральта до Волкодава и ведьмы Вольхи столько времени проводят в магических школах и вузах²¹. Читатели данный прием оценивают благосклонно. Как написал один из слушателей МФК, «наибольший интерес для меня представляют произведения, которые нельзя однозначно отнести к фэнтези или НФ, где технологии либо тесно переплетены с магией, либо противопоставляются ей (т. е. в вымышленном мире присутствует и то и другое. – Е. К.)».

Подведем наконец итоги. Процесс «смены веков» отечественной фантастикой 1990–2000-х гг. в исторической перспективе эволюции повествования о необычайном оказывается вовсе не беспрецедентным – и, конечно, не окончательным. Преувеличена и его тотальность. На наш взгляд, однозначное доминирование эпической фэнтези в современной отечественной фантастике является скорее стереотипом массового сознания, во многом сформированным маркетинговыми стратегиями и рекламной политикой крупных издательств. На практике ситуация выглядит не столь однозначно – хотя, безусловно, фэнтези в восприятии рядового читателя продолжает сохранять имидж более новой, современной, если угодно, «либеральной» формы фантастического повествования²². Однако наряду с этим ширится и представление о ее смысловой ущербности по сравнению с «серьезной» НФ, которая задним числом воспринимается несколько не критично в рамках ностальгии по советскому прошлому. Что, разумеется, также является преувеличением.

Нет смысла противопоставлять друг другу научную фантастику и фэнтези с точки зрения глубины проблематики или выразительности художественных средств. Оба типа имеют свои достоинства и недостатки (точнее, жанровые ограничения), в каждом практически все решает талант писателя, сложность авторского замысла и мастерство его ис-

²¹ Подробнее об этом см. [Ковтун, 2012].

²² На Западе в XX в. фэнтези не попадала под запрет, а потому ее эволюция, как и взаимоотношения с «научной» соседкой, более гармоничны. Тем не менее в последние десятилетия и там она, похоже, одерживает верх. Вспомним нашумевшие фантастические новинки: экранизации эпопеи Д. Толкиена, цикла о Гарри Поттере, «Хроник Нарнии», Сумеречной «саги» С. Майер – не считая новых версий «Алисы», «Вия» и «Страны Оз»; «Пиратов Карибского моря», «Ван Хельсинга», «Мумии», «Звонка», «От заката до рассвета», «Сонной лощины», «Звездной пыли» и т. д. Что равное по зрелищности и масштабу этому противопоставила НФ? «Аватара», «Терминатора», «Матрицу», «Людей Х», – исключая кинокомиксы, это, пожалуй, все.

полнения. Вдумчивому читателю ясна общая природа обеих традиций, позволяющая им не только спорить, но и сотрудничать, объединяя модели реальности и образуя переходные формы.

По справедливому замечанию одного из студентов МГУ, «НФ и фэнтези – просто два способа передачи идеи в художественном тексте, и каждый автор выбирает тот способ, который больше соответствует его вкусам. Аналогично поступает и читатель: выбирает ту обертку, в которой ему приятнее воспринимать идеи автора». Стоит прислушаться и к закономерному выводу другого слушателя фантастоведческого МФК: «Зачем выбирать один из них (типов фантастики. – Е. К.), если можно насладиться обоими?».

Список литературы

- Зубов А. А. Научная фантастика на страницах популярных журналов начала XX века // Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения: Доклады участников XX–XXI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Серия «Филология». Вып. 6. С. 450–454.
- Ковтун Е. Н. Рациональность магического: фантастическая посылка на рубеже тысячелетий // Слов'янська фантастика: Збірник наукових праць. Київ, 2012. С. 15–38.
- Ковтун Е. Н. Рождение фэнтези: трансформация посылки в российской фантастике конца XX столетия // Словенска научна фантастика. Београд, 2007. С. 305–327.
- Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX в. М., 2008. 406 с.
- Ковтун Е. Н. Фантастика в зеркале читательских ожиданий (из опыта чтения межфакультетского курса «Кросс-культурные коды фантастики» в МГУ имени М. В. Ломоносова) // Studia polonoslavica: К 90-летию со дня рождения Е. З. Цыбенко. М., 2014. С. 379–403.
- Ковтун Е. Н. «Продолжая Толкиена...»: традиция повествований о Средиземье в новейшей отечественной фантастике // Иные времена: эволюция русской фантастики на рубеже тысячелетий. Челябинск, 2010. С. 69–85.
- Невский Б. Русское фэнтези // Мир фантастики. 2004. №7. С. 28–31.
- Нудельман Р. И. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972. С. 887–895.

Сведения об авторе: Ковтун Елена Николаевна, доктор филол. наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: kovelen@mail.ru

Е.В.Петрухина, Ли Чжухонг

МОДАЛЬНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье на корпусном материале анализируются разные типы модальных значений глагольных форм будущего времени в русском языке, зависимость их выражения от межкатегориальных связей изучаемых форм, условия ослабления модальности. Рассматривается дискуссионный вопрос о статусе будущего времени.

Ключевые слова: русский язык, будущее время, модальность, межкатегориальные связи

In this article, various types of modal meanings of the Russian future tense form, their dependency on inter-categorical connections of the tense forms in question and conditions for the weakening of modality are analyzed. This article takes up the debatable issue about the status of the future tense.

Key words: Russian language, future tense, modality, inter-categorical connections

1. Статус будущего времени

Будущее время с точки зрения соотношения темпоральных и модальных значений включает в себе парадокс: будущее соприкасается с моментом речи и настоящим временем, но не является полностью принадлежащим реальности. «Думая о будущем, человек гадает о грядущих событиях, но не всегда угадывает. Поэтому будущее постоянно взаимодействует с модальными категориями» [Арутюнова, 2011: 10]. Двойственная темпорально-модальная природа будущего, имеющая разнообразные проявления, отмечается многими исследователями [Lyons, 1977: 677–678; Арутюнова, 2011: 6–11]. В. А. Плунгян считает, что будущее выходит за рамки категории времени, так как во многих языках показатели будущего могут сочетаться с показателями прошедшего времени в одной форме (как в английской форме «будущего в прошедшем» *would come*), нарушая тем самым признак взаимоисключения граммем одной категории [Плунгян, 2000: 107, 115, 269]. Кроме того, среди современных языков есть целый ряд таких, в которых будущее время вообще не имеет грамматического выражения, а категория вре-

мени состоит из двух граммем — прошедшего и непрошедшего (граммемы непрошедшего времени могут описывать и ситуации будущего). К таким языкам относятся, в частности, японский и корейский языки, в которых для выражения будущих действий могут использоваться формы наклонений [Трофименко, 2006: 72]. Поэтому В. А. Плунгян допускает описание будущего времени «как элемента самостоятельной грамматической категории (модальной или таксисной)» [Плунгян, 2000: 273]. Однако, по нашему мнению, такая трактовка будущего времени для русского языка неприемлема.

Формы будущего времени в русском языке не имеют в своем составе формальных показателей, восходящих к модальным глаголам, в отличие, например, от английского языка, где формы будущего времени развились на основе свободных сочетаний модальных глаголов (*shall, will*) с инфинитивами [Логунов, 2007: 14]. В истории русского языка становление аналитической формы сложного будущего времени было связано с вытеснением вспомогательных глаголов *имамь, начну, хочу, стану* модально нейтральной формой *буду* [Историческая грамматика, 1982: 110, 130]. Формы будущего времени в русском языке могут употребляться и без модальных значений (такие случаи анализируются в разделе 3.3 данной статьи).

Будущее время в грамматических описаниях русского глагола с точки зрения отношения обозначаемого действия к действительности не противопоставлено настоящему и прошедшему временам. Все три времени в рамках изъявительного наклонения интерпретируются как реальные. «Изъявительное наклонение указывает на реальность глагольного действия в настоящем, прошлом или будущем» [Клобуков, 2009: 528]. Тем не менее изъявительное наклонение, как отмечал В. В. Виноградов, богато модальными значениями, которые выражают модальные слова и частицы, сопутствующие формам изъявительного наклонения. «Модальные слова и частицы могут превратить значение прямого утверждения или отрицания факта, присущее изъявительному наклонению, в значение недостоверности, сомнительности, даже ирреальности действия» [Виноградов, 1972: 447–448].

Для определения статуса будущего времени в русском языке важно также учитывать, что форма простого будущего (типа *забудет, скажет*) может выражать в особых условиях контекста также значение обобщенного настоящего [Петрухина, 2009: 118]. Поэтому В. В. Виноградов называл ее формой «настоящего-будущего» [Виноградов, 1972: 451–456].

Ср.: *Он иногда забудет об обещании и проговорится*. Человек обычно радуется, когда увидит знакомые черты после долгого отсутствия. Связь между будущим и настоящим сохраняется и в основном значении формы будущего совершенного вида (СВ): обозначаемое будущее действие «как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате, между тем как начало действия может относиться и к настоящему времени» [Виноградов, 1972: 452]. Например: *Я напишу эту статью к понедельнику* (сама работа над статьей может быть начата и до момента речи, речь идет лишь о ее завершении). Взаимодействие времен реализуется в значении данной формы благодаря семантике совершенного вида предельных глаголов, а именно актуализации конечной временной границы действия, его предела, достижение которого возможно только после момента речи, но начато действие может быть и раньше [Петрухина, 2015: 66–67].

Специфика будущего времени, к которому относятся действия еще не осуществленные – предполагаемые, планируемые, желаемые и др., определяет связь соответствующих глагольных форм с модальностью, на которую указывают многие исследователи будущего времени [Бондарко, 1971: 103; РГ, 1980: 636; Виноградов, 1972: 440; Петрухина, 2009: 161–162]. Ясно, что «любое суждение о будущем в принципе имеет значение предположительности, что как раз и порождает соответствующую модальность» [Радбиль, 2011: 255]. Отметим также, что формы простого будущего и в значении обобщенного настоящего связаны с модальностью, что может порождать неоднозначность темпоральной семантики этих форм. Например: *Вам каждый объяснит, как туда проехать. У него абсолютный слух, и сложную мелодию подберет*. В приведенных предложениях действия, выраженные формами простого будущего, могут интерпретироваться и как конкретные действия, осуществление которых возможно в будущем, и как узуальные потенциальные действия в рамках обобщенного настоящего. Однако во внеязыковой действительности и в языке существуют определенные условия, в которых модальные значения могут усиливаться или ослабляться. В данной статье, рассматривая будущее время в русском языке в системе изъявительного наклонения и категории времени, основное внимание мы уделяем анализу условий, влияющих на связь форм будущего времени с модальностью. Этот вопрос мы считаем недостаточно изученным в русистике.

2. Типы модальных значений форм будущего времени

Проблема модальности до сих пор не получила общепризнанного решения в современной лингвистике (анализ разных точек зрения на данную проблему см. в [Краснова, 2002; Агеева, 2006]). Мы исходим из определения модальности как функционально-семантической категории, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого говорящим [ЛЭС, 1990: 304]. Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи, но эта точка зрения типизирована средствами данного языка [Степанов, 2004: 241-242]. Модальность связана с целым рядом модусов как субъективных переменных к объективной семантической константе предложения – диктуму, причем модусы выражаются не только эксплицитно, но и имплицитно (о диктуме и модусе см. [Балли, 2001: 69–82]). Модусы обычно представляют в модальной рамке предложения [Апресян, 1974; Вежбицкая, 1996: 68], которая может быть оформлена «в виде главного предложения в составе конструкции с диктумом в придаточном изъяснительном или в виде вводного предложения» [Краснова, 2002: 100], например: *Я уверен / Возможно / Надеюсь, что он вернется*. Модальная рамка может лишь подразумеваться и выступать как имплицитная оценка обозначаемого факта говорящим. Для ее восстановления обычно нужен более широкий контекст или знание ситуации.

В связи с анализом форм будущего времени особое значение приобретает имплицитное выражение модальных значений возможности, уверенности / неуверенности, желания, намерения, необходимости и др. С целью более конкретного определения субъективной модальности в плане будущего времени считаем целесообразным использовать семантическую классификацию модальных значений в работе Д. Ауверы и В. А. Плунгяна, в которой выделяется пять семантических областей [Auwera, Plungian, 1998], значимых и для плана будущего времени.

1) Внутренняя возможность (participant-internal possibility) или потребность, необходимость (participant-internal necessity) зависят от свойств участника события: *Boris can get by with sleeping five hours a night.* – Борис может обходиться пятью часами сна; *Boris needs to sleep ten hours every night for him to function properly.* – Борису надо спать десять часов каждую ночь, чтобы он мог нормально работать.

2) Внешняя возможность (participant-external possibility) или потребность (participant-external necessity) могут определяться внешними по отношению к участнику события обстоятельствами. Например: *To get to the Station, you can take bus 66.* – *Чтобы добраться до вокзала, вы можете сесть на 66-й автобус*; *To get to the Station, you have to take bus 66* – *Чтобы добраться до вокзала, вы должны сесть на 66-й автобус*. Внешняя возможность может быть связана с социальными или этическими нормами: *John may leave now.* – *Джон может сейчас уйти*. *John must leave now.* – *Джон должен сейчас уйти*¹. Оба типа возможности в логической традиции, а также в некоторых лингвистических работах определяются как алетическая модальность, связанная с потенциями реального мира [Булыгина, Шмелев, 1997: 216].

3) Как самостоятельная область и в логике, и в лингвистике рассматривается деонтическая модальность (deontic modality), т. е. нормативная модальность долженствования: *Now you must tell a story.* – *Сейчас ты должен рассказать историю*; *He may not stay home alone.* – *Он не должен оставаться дома один*. Деонтическая модальность связывается «с долгом, с требованиями к поведению участников ситуации, предъявляемыми соответствующей системой правил» [Булыгина, Шмелев, 1997: 216].

4) При эпистемической модальности (epistemic modality) оценивается вероятность ситуации: *John must have arrived.* – *Джон, должно быть, приехал*.

5) При волитивной модальности (volitive modality) выражается намерение или желание субъекта: *Fred wants to learn French.* – *Фред хочет учить французский язык* [Auwera, Plungian, 1998].

Экспликаторами модальных значений разных типов в русском языке выступают модальные предикаты и вводные слова, которые выражают «самые существенные для субъекта речи эмотивно-волитивные смыслы» [Краснова, 2002: 104]. К ним относятся следующие лексические единицы: *мочь, уметь, возможно, нельзя* (возможность / невозможность – алетическая модальность), *надо, нужно, необходимо, должен, обязан* (необходимость – деонтическая модальность); *вероятно, наверняка,*

¹ О противопоставлении интенциональной (т. е. связанной с передачей внутренних переживаний, а также качеств человека) и экстенциональной (определяемой внешними обстоятельствами) семантики модальности см. также [Краснова, 2002: 105].

обязательно, (не)уверен и др. (степень уверенности / неуверенности, вероятности – эпистемическая модальность); *собираться, хотеть, намереваться* (желание, намерение – волитивная модальность). В основной части статьи анализируется имплицитное (т. е. без поддержки лексических элементов) выражение данных значений формами будущего времени.

3. Анализ употребления форм будущего времени с точки зрения модальности

3.1. Эксплицитное / имплицитное выражение модальности

В силу специфики значения форм будущего времени, выражающих действия еще не реализованные, их употребление может сопровождаться исходящей из контекста добавочной модальной семантикой, которая во многих случаях выражается лексическими элементами контекста. Чаще всего при формах будущего лексически маркируется эпистемическая модальность: значения предположения, вероятности и уверенности / неуверенности выражают такие слова, как *наверное, пожалуй, наверняка, обязательно, вряд ли*, занимающие в высказывании позицию вводных слов или сирконстантов. Например: *Знаете ли что: мне кажется, генерал так влюбился, что, пожалуй, застрелится, если mademoiselle Blanche его бросит* (Ф. Достоевский). *Я, наверное, уеду скоро, в Рим поучиться* (П. Алешковский). *Письмо, наверняка, придет утром или вечером* (Ю. Даниэль). *Если кто-то может покупать не в том магазине, где все – обязательно будет там покупать. Если кто-то может лечиться в отдельной клинике, обязательно будет там лечиться* (А. Солженицын).

Волитивная и деонтическая модальность, а также все типы возможности или потребности при глагольных формах будущего времени, как правило, не выражаются специальными лексическими средствами, так их показатели, входя в предикатную группу, непосредственно сочетаются с инфинитивом (ср. *Я должен / обязан / хочу / собираюсь / могу вам помочь*). При формах будущего времени эти типы модальности могут быть выражены имплицитно, как результат взаимодействия значения формы и контекста. Чаще всего выражается намерение и возможность. В нашей произвольной выборке примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (100 экскерпций, содержащих около 137 форм будущего времени) не встретились случаи употребления форм будущего

времени, четко выражающих деонтическую модальность. Лишь в нескольких предложениях можно усмотреть выражение долженствования как закономерной зависимости между двумя ситуациями. Например: *Слог вашего описания **будет зависеть** от впечатления, которое произвело на вас это событие* (В. Г. Белинский). Десять информантов (о них см. ниже), опрошенных в связи с данным предложением, определили его модальную окраску по-разному: лишь двое – как долженствование, шесть человек – как неизбежность или уверенность (что также связано с закономерной связью между событиями), двое не увидели в нем модальной окраски. А в специальной выборке примеров из научных, официальных и профессиональных текстов (при помощи поисковой системы Google) такие употребления не редкость – формы будущего времени выражают долженствование как закономерную, нормативную связь между двумя явлениями: одно должно вызвать другое. Например: *Уменьшение критической массы **будет наблюдаться** при увеличении плотности вещества*. Наглядно синонимия форм будущего времени и конструкций с модальным словом *должен* демонстрируют утверждение новых стандартов и правил должностными лицами. Например, в следующем отрывке представлено синонимическое употребление конструкций *должны будут иметь / будут иметь*: *С 2015 года все школьные учебники **должны будут иметь** электронную версию с возможностью интерактивного использования информации. Об этом, со ссылкой на заявление министра образования и науки России Дмитрия Ливанова, сообщает Интерфакс: «С 2015 года все учебники **будут иметь** мультимедийную версию со всеми интерактивными сервисами, которые необходимы для учебных действий»*. Во второй части этого отрывка преобладают сложные формы будущего времени модальной конструкции с *должен*, которые без изменения смысла высказывания могут быть заменены на формы аналитического будущего. *Структура электронных учебников **должна будет соответствовать*** (ср. будет соответствовать) *их бумажному аналогу, в них **должно будет включаться*** (ср. будет включаться) *достаточное количество мультимедийных и интерактивных элементов* (<http://www.zelao24.ru/>).

В выборке из 100 эксцерпций встретилось всего одно предложение, в котором формы будущего времени выражают внутреннюю возможность как способность субъекта выполнить действие: *Кто не способен на этот подвиг, тот ничего **не сделает и ничего не скажет** человечеству* (В. С. Соловьев). Ср. также пример из другой подборки:

*Передал ему копию надписи на плите; в компании с китайцами он **справится** с нею и... отлично **переведет** на русский язык* (П. К. Козлов). В данных предложениях есть косвенные показатели, определяющие связь реализации действий в будущем со свойствами и способностями их производителей, – *способен, справится, отлично*. Примеров на выражение возможности, определяемой внешними факторами, в нашей подборке встретилось больше – шесть. Ср.: *Скажу наборщикам, и вы **не получите** оттиска* (К. Чуковский). *Полно, Зоя, перестань – ведь слезами ты **не поможешь*** (А. Н. Апухтин).

3.2. Соотношение типов модальности

По нашим наблюдениям, формы будущего времени чаще связаны с эпистемической модальностью, прежде всего с уверенностью в осуществлении действия. Из ста произвольно выбранных примеров употребления форм будущего времени из НКРЯ эпистемическая модальность выражалась в 45 случаях, возможность – в 7, волитивная модальность – в 34, 14 предложений мы определили как не имеющие модальной окраски. И хотя подсчеты эти приблизительные, так как границы между разными модальными типами нечеткие, все же они выявляют тенденции в распределении модальной окраски форм будущего времени.

Приведем несколько предложений, в которых выражается уверенность в осуществлении действий в будущем: *Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь – нет! **трудиться ты не будешь**, сдаться **не сумеешь*** (И. С. Тургенев). *Верю и всегда **буду верить**, что добродетель свойственна человеку и что он сотворен для добродетели* (Н. М. Карамзин). Преобладание уверенности при имплицитном выражении эпистемической модальности соответствует общей закономерности: когда говорящий высказывается о будущем (*Завтра я пойду в театр. Через неделю мы уедем*), он обычно выражает уверенность в том, что это действие совершится [Радбиль, 2011: 254]. А неуверенность, сомнение, как правило, требует лексической экспликации – вводных слов типа *наверное, возможно*.

Данные выводы о реализации модальных значений при формах будущего времени подтверждает и опрос информантов, в качестве которых выступили студенты 2-го курса филологического факультета МГУ, которым было предложено для интерпретации одиннадцать произвольно выбранных высказываний с формами будущего времени. В предложениях

(1), (2) и (3) из двенадцати информантов десять определили модальную окраску форм будущего времени как 'уверенность': (1) *Через неделю вернусь, не переживай, что со мной может случиться!* (Е. Гришковец); (2) *Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь – нет! трудиться ты не будешь, сдать ты не сумеешь* (И. С. Тургенев); (3) *Они найдут и разыщут вас всюду, прервут сон, оторвут ваше внимание от работы, от интересной книги...* (Н. А. Тэффи). Трое информантов из десяти восприняли третье предложение как угрозу или предупреждение в связи с неизбежным и, по всей видимости, нежелательным действием. Двое информантов усмотрели в первом предложении долженствование, вероятно потому, что с тем же значением возможно употребление конструкции с модальным словом *должен*, ср.: *Через неделю я должен вернуться*. Эта конструкция выражает меньшую степень уверенности говорящего в реализации действия в сравнении с исходным вариантом.

По отношению к примеру (4) мнения разделились, семь информантов увидели здесь уверенность, пятеро – предположение или вероятность, ср.: (4) *Сушину рубит и долго ещё провозится. Ведь надо её срубить, потом ветки обрубить, потом к избушке притащить* (Ю. Коваль). Сходная картина неопределенности модальной семантики уверенности / неуверенности или опасения возможного действия проявилась и при интерпретации предложения (5): *Какой противный этот крокодил! Я даже испугалась, ещё кокетливее пролепетала Елена Ивановна, – теперь он мне будет сниться во сне* (Ф. М. Достоевский). Подобные предложения показывают, что восприятие высказывания с точки зрения степени выраженной уверенности / неуверенности в осуществлении действия может варьироваться в зависимости от общего контекста (а в ситуации реального диалога – от интонации, которая в данной статье не может быть учтена).

В примере (6), состоящем из двух предложений, большинство опрошенных отметило усиление уверенности во вставных предложениях. В придаточном предложении с союзом *если* выражено потенциальное, возможное действие, а в остальных частях (в том числе и в придаточном времени) – потенциальные действия, в осуществлении которых говорящий уверен: (6) *Если Бонапарт будет идти так (а он будет идти так), то через три, от силы четыре недели достигнет порога моего*

дома. Когда он **явится** (а миновать Липеньки он не **сможет**), я **буду кормить** его обедом в большой зале (Б. Окуджава).

В предложении (7) все двенадцать информантов определили имплицитно выраженную невозможность совершить действие, обусловленную внешними обстоятельствами: (7) *Кроме немногих раков, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь*: изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой (И. С. Тургенев). Это такой тип употребления, при котором совмещаются значения будущего времени и настоящего обобщенного: на основе личного опыта говорящего делается вывод о невозможности осуществить действие вообще, а значит и в конкретный момент в будущем. Ср. также: *Прощаясь со мной после моего выступления в Ашкелоне, организаторы вечера вежливо посетовали, что в темноте не покажешь города* (Октябрь. 2001. № 8). В данном предложении выражено общее утверждение, что в темноте вообще нельзя показать город и соответственно его нельзя показать в конкретное ночное время в ближайшем будущем – при таком употреблении настоящее обобщенное смыкается с будущим.

В двух предложениях десять информантов определило волитивную модальность – намерение: (8) **Буду отвечать** вам по пунктам, как говорят подьячие (А. С. Пушкин); (9) Дмитрий Павлович внимательно прочел письмо и спросил: «**Напишешь** ему?» – «Нет, – ответила Софья Яковлевна, – терпеть не могу переписываться» (Б. М. Левин). Ср. также выражение намерения в следующих предложениях: *Я не буду с тобой спорить, потому что ты все равно не прав* (LiveJournal, запись 2004); *Скажите мне, что я должна читать? скажите, что я должна делать? Я все буду делать, что вы мне скажете, – прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне* (И. С. Тургенев).

В примере (10) большинство информантов отметило несколько взаимосвязанных модальных значений форм простого будущего: неуверенность в будущих действиях, желание их осуществить, надежду на это: (10) *Мы уедем? Ведь мы завтра уедем?* – приходило ей вдруг беспокойно в голову, – ну... (и она задумалась) – ну, а **догоним** мы бабушку, как ты думаешь? В Берлине, я думаю, **догоним** (Ф. М. Достоевский). Комплекс модальных значений выражается и в следующем примере (из нашей подборки) с формами простого и аналитического будущего: *Мы здесь **заживем** дружно, верно?.. Как в самом начале. По вечерам **будем читать, разговаривать**... Будем?* (А. В. Вампилов).

Думая о будущем, человек намеривается сделать что-то, даже обещает, но не всегда выполняет свои обещания, выражает уверенность в осуществлении действий, но часто ошибается. На противопоставлении высоких намерений-обещаний, в реализации которых покидающий Россию писатель не сомневался, и обыденной реальной жизни в эмиграции построен гротескный «рассказ в рассказе» «Трагедия русского писателя» А. Аверченко, тяжело переживавшего свою собственную эмиграцию в отрыве от русского языка и культуры. Приведем небольшой отрывок из рассказа, в котором употреблены формы будущего времени, выражающие обещание говорящего не забыть Родину и уверенность в осуществлении своих намерений (деонтическая модальность сочетается с эпистемической):

*Русский пароход покидал русские берега, отправляясь за границу. Опершись о борт, стоял русский писатель рядом со своей женой и тихо говорил: – Прощай, моя бедная, истерзанная родина... И на чужбине я буду помнить твои маленькие церковки и зеленые монастыри, буду помнить тебя, холодный красавец Петербург, твои улицы, дома, буду помнить «Медведя» на Конюшенной, где так хорошо было запить расстегай рюмкой рябиновой. На всю жизнь **врежешься** ты в мозг мой – моя смешная, нелепая, бесконечно любимая Россия!*

Как известно из продолжения рассказа, уже через несколько лет жизни в Париже этот писатель в эмиграции забыл о своих обещаниях, забыл «любимую Россию», утратив и способность писать на русском языке.

3.3. Ослабление модальности

В определенных условиях контекста модальность форм будущего времени в русском языке может ослабляться. Основным условием такого ослабления является ориентация действия не только или не столько на момент речи, сколько на какую-нибудь другую точку отсчета, функцию которой обычно выполняет другое действие. Так, в сложно-подчиненных предложениях с придаточным условия действие главного ориентировано на потенциальное действие придаточного, и в этой ориентации модальная окраска главного действия, как правило, ослабевает. Например: *Если он **будет** плыть со скоростью 36 километров в час, то каждые 5 минут температура тела **будет** повышаться на один градус* («Юный натуралист»). *Если он **придет**, ты **познакомишься***

с ним ближе (Ю. Трифонов). Если он **побежит** за мной в лес, я не **стану** **убегать** (В. Аксенов).

В сложных предложениях с придаточным времени союз *когда* указывает на интерпретацию действия говорящим как реального, что обуславливает отсутствие модальных смыслов и в восприятии действия в главной части. Например: *Когда апрель **настанет**, то **растают** почки в многочисленных садах вокруг Арбата, и зеленое благословение **выльется** – душистым, милым опереньем* (Б. К. Зайцев); *Когда вы **начнете** надуть шарик, нарисованные «галактики» **будут расходиться** все дальше и дальше одна от другой* (Наука и жизнь. 2008); *Отмеченный парадокс **станет** очевиднее, когда мы **сопоставим** результаты еще двух опросов* (Э. Щербенко).

Наш материал показал, что формы будущего времени чаще используются в сложных предложениях с придаточными условными, чем с придаточными времени. В НКРЯ соотношение употреблений форм будущего времени в предложениях с союзом *если* и *когда* составляет 76 956 к 48 973, что свидетельствует о преобладании восприятия будущих действий как потенциальных (с *если*). По всей видимости, предпочтение отдается обозначению будущих действий в речи в рамках импликатур 'если А, то Б' (здесь уместно вспомнить известную формулу Л. Н. Толстого «если буду жив», которую он вставлял в свои письма и дневники).

Если речь идет о нереперентном употреблении глагольных форм, то временные отношения между действиями в сложноподчиненном предложении устанавливаются в рамках соответствующего текста, что также способствует ослаблению модальности форм будущего времени. Такое употребление данных форм особенно характерно для научных и специально-профессиональных текстов. Например: *При организации коррекционной работы дефектолога **встает** вопрос о необходимости создания таких условий обучения детей, при которых **будут формироваться** произвольность и способность к волевому усилию* (Вопросы психологии. 2004). *Очевидно, если программные продукты для проектирования и исполнения бюджета **будут совместимы** между собой, это **стимулирует** продвижение каждого из них* (Computerworld. 2004).

Отсутствует модальность и при относительном употреблении форм будущего времени в контексте прошедшего времени, когда они, выражая следование по отношению к действию в прошлом, выражают «будущее в прошедшем». Например: ***Пройдет** почти 40 лет – и старик Тургенев, потерявший родину, молодость, почти всех близких, но сохранивший*

верность однажды избранному ориентиру, будет молча плакать в парижской церкви русского посольства – во время благодарственного молебна за Государя Александра Николаевича, объявившего февральский Манифест 1861 года (А. Архангельский).

3.4. Межкатегориальные связи

Приведенный языковой материал показывает, что модальные значения возможности, степени уверенности в совершении будущих действий (эпистемическая модальность), намерения и желания совершить действие (волитивная модальность), долженствования как закономерной связи двух ситуаций (деонтическая модальность) могут быть выражены глаголами обоих видов, различия в их соотношении незначительны. Без модального значения также могут быть употреблены как глаголы СВ, так и НСВ, но в нашей подборке больше примеров на формы простого будущего. Связь типов модальности с видом глаголов требует дополнительного изучения на более обширном материале. В целом же в НКРЯ значительно более частотны формы простого будущего (всего 2 596 093 употреблений), чем формы аналитического будущего (180 894), при этом надо учитывать, что часть форм простого будущего употреблена в значении обобщенного настоящего.

Более определенная зависимость выражения модальных значений при употреблении форм будущего времени выявляется от форм лица. Статистический анализ употребления форм будущего времени в НКРЯ в зависимости от формы лица показал, что наибольшей частотностью обладают формы 3-го лица. Приведем данные отдельно по формам простого и аналитического будущего. Соотношение употреблений форм аналитического будущего по лицам таково: 1-е лицо – 50 098 форм, 2-е лицо – 15 737, 3-е лицо – 115 059. У простого будущего также более частотны формы 3-его лица: 1-е лицо – 701 230, 2-е лицо – 331 563, 3-е лицо – 1 563 300.

В 100 произвольно выбранных в НКРЯ примерах на употребление форм будущего времени связь типов модальности с формой лица такова:

модальное значение	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
волитивная модальность	29 (83%)	4 (27%)	1 (2%)
возможность	1 (3%)	4 (27%)	2 (4%)
эпистемическая модальность	4 (11%)	5 (33%)	36 (72%)
без модальных значений	1 (3%)	2 (13%)	11 (22%)

Мы видим, что волитивная модальность чаще выражается в формах 1-го лица, эпистемическая модальность – в формах 3-го лица. Употребление форм будущего времени без модальных значений чаще встречается также в формах 3-го лица. Соотношение форм лица при выражении возможности требует изучения на более обширном материале. В дальнейшем исследовании данной проблематики мы намереемся проверить обнаруженные тенденции межкатегориальных связей в области модальности на дополнительных произвольных выборках употреблений форм будущего времени.

4. Вместо заключения

В данной статье мы не затрагивали сложную когнитивную проблему восприятия будущего (как реальности, обусловленности или гипотетичности) в зависимости от индивидуальных особенностей человека и его жизненной философии. Как мы уже отмечали, в русской речи возможно выражение волитивной модальности в плане будущего времени при помощи конструкций *я хотел бы, хочет, собираюсь, собирается*. Но наше исследование показало, что в НКРЯ сочетание формы настоящего времени глагола *собираться* с инфинитивом встречается всего 8035 раз. В связи с этим возникает вопрос, который сформулировал Т. Б. Радбиль. «Почему, располагая огромными системно-языковыми возможностями в выражении самых разнообразных оттенков и нюансов объективной и субъективной модальности, говорящий стабильно выбирает форму будущего в изъявительном наклонении независимо от того, модальное или фактивное значение будущего он предполагает выразить?» [Радбиль, 2011: 262]. У нас нет исчерпывающего ответа на этот не только лингвистический, но и философский вопрос, мы можем сделать лишь одно предположение. Даже тот небольшой языковой материал, который проанализирован в данной статье, свидетельствует о взаимодействии разных модальных смыслов при употреблении форм будущего времени (возможности и вероятности; желания, намерения и уверенности / неуверенности; необходимости и долженствования и т. д.), которые тем не менее, оставаясь в рамках изъявительного наклонения, не утрачивают связь с реальностью – с настоящим временем и моментом речи. ИмPLICITное выражение изучаемыми глагольными формами взаимодействующих модальных интерпретаций еще не осуществленных действий, по всей видимости, отражает сложное отношение говорящего к будущему в русской языковой картине мира.

Список литературы

- Агеева И. В.* К вопросу о языковой категории модальности. Текст // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Сб. статей по материалам междунар. науч. конф. Киров, 2006.
- Апресян Ю. Д.* Значение и оттенок значения. М., 1974.
- Арутюнова Н. Д.* Будущее в языке // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Историческая грамматика русского языка.* Морфология. Глагол. М., 1982.
- Клобуков Е. В.* Наклонение // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 2009.
- Краснова Т. И.* Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.
- Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Логунов Т. А.* Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен: на материале английского и русского языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007.
- Петрухина Е. В.* Русский глагол: категории вида и времени. М., 2009.
- Петрухина Е. В.* Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: Междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики. №3. 2015.
- Плунгян В. А.* Общая морфология. М., 2000.
- Радбиль Т. Б.* Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность ↔ текст». // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
- Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2004.
- Трофименко О. А.* Выделение показателей категории наклонения в корейском языке. / Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 20. Т. 3.
- Auwera J. V., Plungian V. A.* Modality's semantic map // Linguistic Typology 2. 1998.
- Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge, 1977.

Сведения об авторах: *Петрухина Елена Васильевна*, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: elena.petrukhina@gmail.com

Ли Чжухонг, аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: kalos365@naver.com

ДРЕВНЕРУССКИЕ «ОБЩИЕ МЕСТА» (НА ПРИМЕРЕ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» И ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРЕВОДА «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ)

В статье проводится сопоставление соотносимых фрагментов «Повести временных лет» и древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Устанавливается, что их связывают отношения сходства, а не заимствования. Определяются разновидности этих отношений (сюжетное, семантическое и фразеологическое сходство и их комбинации), разбираются примеры, иллюстрирующие каждый из установленных типов. Привлечение к сопоставлению ряда других источников («Хроника» Георгия Амартола, «Хроника» Иоанна Малалы) позволяет установить, что выделяемые при сопоставлении «Повести временных лет» и «Истории Иудейской войны» «общие места» встречаются также и в других древнерусских текстах, причем некоторые из них восходят к текстам Священного Писания.

Ключевые слова: «Повесть временных лет», древнерусский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, сюжетное сходство, семантическое сходство, фразеологическое сходство, сюжетный мотив, тоpos, клише.

The article compares some correlated fragments of the «Tale of Bygone Years» and the Old Russian translation of Flavius Josephus's «Books of the History of the Jewish War against the Romans». It is found that they are linked by relations of similarity, rather than borrowing. Determining the species of the *loci communes*, the author establishes the following typology of relations linking the text fragments: story similarities, the semantic similarity, phraseological similarity, as well as their combinations. Each of these types is illustrated by an example or a group of examples. Comparing a number of them with fragments of Georgios Hamartolos's «Chronicle» and Ioannes Malalas's «Chronographia», the author concludes that some of the *loci communes* are used in more than two texts and several of them go back to the texts of Holy Scripture.

Key words: «The Tale of Bygone Years», the Old Russian translation of Flavius Josephus's «Books of the History of the Jewish War against the Romans», story similarities, semantic similarities, phraseological similarity, plot motif, topos, a cliché.

Вся история изучения «Повести временных лет» (далее – ПВЛ), насчитывающая уже более двух столетий, неразрывно связана с поиском источников летописи. ПВЛ представляет собой текст, создание которого подразумевало включение в него множества других текстов, в большей или меньшей степени сохраняющих или теряющих признаки своей «текстовости» (достаточно сравнить договоры с греками и краткие сообщения из разных земель, сведенные в одной погодной записи). Вполне естественно, что многие из этих «включенных текстов» изначально принадлежат речевой деятельности **не** автора летописи. Однако далеко не во всех случаях при этом можно говорить о том, что летописец использовал какой-либо конкретный источник. Дело в том, что для текстовой деятельности древнерусского книжника характерно использование определенных устойчивых сочетаний, употребляемых в определенных текстовых условиях в разных памятниках в соответствии с существующей нормой. Эти устойчивые сочетания – «общие слова» – необходимо отличать от «чужих слов», включаемых в «свой текст» и восходящих к какому-либо определенному источнику. Разграничение «общих слов» и «чужих слов» является одной из наиболее актуальных проблем изучения ПВЛ.

Одним из наименее изученных потенциальных источников ПВЛ является перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (далее – ИИВ). По сведениям исследователей ИИВ (см. [Истрин, 1893], [Мещерский, 1958], [Пичхадзе и др., 2004]), насчитывается более 30 русских списков ИИВ XV–XVIII вв.; списки разделяются на две редакции – Хронографическую и Отдельную. Первая из них обнаруживается в составе сборника, называемого Иудейским хронографом, восходящего к середине XIII века. Примечательно, что в нем ИИВ перемежается с выписками из Евангелий, апокрифических текстов, а также «Хроники» Иоанна Малалы и «Хроники» Георгия Амартола. Также в состав сборника входят Восьмикнижие и четыре книги Царств, беседы Иоанна Златоуста, «Александрия», т. е. обнаруживается такой набор текстов, который крайне близок к составу источников, в той или иной степени повлиявших на текст ПВЛ.

Еще И. И. Срезневский высказал предположение о древнерусском происхождении перевода ИИВ (см. [Срезневский, 1880: 133]). В дальнейшем оно было подтверждено и другими исследователями. В. М. Истрин датирует перевод произведения Флавия XII веком и замечает, что осуществлен он был в Южной Руси непосредственно с особой версии греческого текста (указано в [Пичхадзе и др., 2004: 10]). Н. А. Мещерский высказал предположение, что перевод

был осуществлен еще раньше – в XI веке (см. [Мещерский, 1958: 115]), однако, как предполагает автор недавнего фундаментального исследования ИИВ А. А. Пичхадзе, более взвешенной и основательной точкой зрения является все-таки высказанная В. М. Истриным (см. [Пичхадзе и др., 2004: 12]).

Древнерусский перевод ИИВ – в отличие от «Иудейских древностей» того же автора – не является текстуальным источником летописи, однако исследователи отмечали наличие «общих мест» в этих памятниках, главным образом, во фрагментах, относимых к «воинским повестям», а также сюжетных параллелей двух текстов. Г. М. Барац говорит о влиянии на летописный рассказ о борьбе русского юноши с печенежином рассказа Иосифа Флавия «о поединке одного иудея с римлянином» [Барац, 1908: 102]. А. С. Орлов и вслед за ним годы спустя Н. А. Мещерский пишут о сходстве воинских формул текстов (см. [Орлов, 1902], [Мещерский, 1978: 114–118]). А. А. Пауткин отмечает, что в словах князя Святослава, обращенных к дружине (статья 971 г.), обнаруживается знание автора слов игемона Тита (из 10 главы 3 книги «Иудейской войны») (см. [Пауткин, 2002: 153, 154]). Также, по словам исследователя, заметно общее влияние перевода ИИВ на оригинальные тексты Древней Руси в стилистическом плане: оно обнаруживается в стремлении к афористичности, использованию богатой системы эпитетов, сохраняемых в древнерусском переводе произведения Иосифа Флавия (см. [Пауткин, 2008: 20, 22, 23]).

Сопоставление ПВЛ и текстов, с ней соотносимых, показывает, что между ними могут существовать отношения двух типов – отношения заимствования (использование в своем тексте «чужого слова») и отношения сходства (использование в своем тексте «общего слова»). В качестве «чужих слов» выделяются, например, цитаты, в качестве «общих слов» – клише¹. При этом разграничение их во многих случаях является неочевидным; о сложности разграничения цитат и клише (топосов) см. [Ранчин, 2011], [Ранчин, 2012].

¹ В многочисленных работах исследователей ПВЛ встречаются разные способы описания отношений между фрагментами летописи и другими текстами, при этом используются единицы описания, в определении которых обнаруживаются как сходства, так и различия (подробнее см. в [Савельев, 2014а]).

На наш взгляд, это разграничение является проблематичным прежде всего из-за того, что представление о том, чем является данный фрагмент текста – цитатой или клише, – совсем не обязательно является тождественным у автора летописи и ее современного исследователя. Выстраивая типологии, включающие цитаты и клише, мы в большей степени реализуем *свое* представление об этих текстовых единицах. Единственным однозначным свидетельством того, что в сознании древнерусского автора данный фрагмент является цитатой, т. е. словом «чужим», а не «своим» или «общим», может служить наличие в рамочной конструкции упоминания источника цитирования или таких показателей цитации, как слово **рече** (см. [Камчатнов, 2004]). Однако вполне очевидно, что во многих случаях отсутствие упомянутых средств не является препятствием для признания цитатами, например, многочисленных фрагментов из текстов Священного Писания, вводимых в ПВЛ без рамочных конструкций и при этом однозначно тождественных (лексически, морфологически, синтаксически) своим источникам; подробнее см. в [Савельев, 2014а], [Савельев, 2014б].

Сопоставление соотносимых фрагментов ПВЛ и ИИВ приводит нас к выводу, что между ними существуют отношения сходства, а не заимствования. При этом «общие места» (*loci communes*) двух текстов обнаруживаются на трех уровнях – фразеологическом, семантическом и сюжетном:

1. Фразеологическое сходство состоит в употреблении синтагм, которые или полностью тождественны, или различаются морфологически при сохранении лексического тождества, или включают в свой состав синонимичные лексемы. Для описания этих синтагм будет использован термин «клише».

2. Семантическое сходство характеризует фрагменты текстов, чаще всего схожие и фразеологически, в которых реализуется оценочное суждение, отражающее особенности мировосприятия книжника, его представление о том, какая норма имеет отношение к описываемой ситуации и как это событие (например, поступок героя) с этой нормой соотносится. Такое суждение может быть выражено словами или быть имплицитным (выводимым из оценки релевантности употребления фрагмента в данном контексте). Для описания такого соотношения будет использован термин «топос».

3. Сюжетное сходство устанавливается в тех случаях, когда во фрагментах ПВЛ и ИИВ обнаруживаются соотносимые последовательности

сюжетных мотивов. В основе сюжетного мотива лежит как минимум одна предикация, отражающая одно событие внеязыковой действительности. При этом речь идет именно о сходстве: фрагменты разных текстов вполне могут отличаться друг от друга набором или порядком следования сюжетных мотивов, может разниться и содержательное наполнение какого-либо сюжетного мотива.

Описанные типы соответствий вполне могут «сопутствовать» друг другу. Так, при наличии сюжетного сходства чаще всего в памятниках употребляются лексемы, принадлежащие одним и тем же лексико-семантическим группам. В подобных случаях при соотнесении фрагментов мы отмечаем фразеологическое сходство, проявляющееся в использовании синсемантической лексики.

Фразеологическое сходство

В ПВЛ неоднократно встречается клише, указывающее на достижение пространственной цели «приключилось кому-л. прийти куда-л.», обнаруживаемое также и в ИИВ.

ПВЛ *В то же время приключися прити ѿ Гѣслава дань емлющю Іднєви, снѣ Вышатинѣ. (6579 / 1071)*²

² В качестве материала нашего исследования мы используем текст ПВЛ, воспроизведенный в издании «Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Том второй. Ипатьевская летопись. Издание второе» (СПб., 1908). В тех случаях, когда в тексте Ипатьевского списка, положенного в основу издания [ПСРЛ, 1908], обнаруживаются лакуны, они восстанавливаются по Хлебниковскому списку, сличение с которым производится в том же издании [ПСРЛ, 1908]. В тех случаях, когда чтения Ипатьевского списка представляются ошибочными исследователям ПВЛ, занимавшимся изданием текста летописи, приводятся сноски к соответствующим местам: чтения из Хлебниковского списка, а также списков, по которым восстанавливается Лаврентьевская летопись, – Лаврентьевского, Радзивилловского и Академического (по изданию [ПСРЛ, 1926]). При этом в сносках всегда приводятся чтения Хлебниковского и Лаврентьевского списков, а в случае указания лишь на один из них отсутствие указания на второй свидетельствует о совпадении его чтения с чтением Ипатьевского списка. Указание вариативных чтений кажется нам полезным и необходимым для анализа фрагментов ПВЛ, объяснение которых вызывает затруднения без обращения к текстам разных списков, сохранивших летопись.

В разбивке слов мы в основном следовали изданию [ПСРЛ, 1908], производя при этом разбивку текста на предложения и используя пунктуационные знаки, отсутствующие в ПВЛ, в соответствии с современными нормами. В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова).

ПВЛ **В** си бо времена и в сѣ лѣта, приключиса нѣкоему новгородь-
цю прити в чюдъ. (6579 / 1071)

ПВЛ **В** то же время приключиса Изаславѹ прити из лаховъ,
и нача гнѣватиса Изаславъ на Антонина изо Всеслава. (6582 / 1074)

ИИВ (кн. 7) титѣ же и ѡ томъ нхъ не послоуша. но по древнемѹ
закоу вдасть юудѣмъ въ антиохїи пребывати. и ѿтоудѹ
поутѣшествоваше къ египти. и мимондоущю ѹмоу, приключи прити
къ іерлѹмоу. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 380])

В ПВЛ и ИИВ используются метатекстовые средства, указывающие
на отсылку к предтексту – «якоже рекохом (=как мы уже говорили
(прежде))» – и на возвращение нарратора к прерванному повествованию
– «на подлежащее возвратимся».

ПВЛ **І**арославъ же съ, іакоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ,
и многы списавъ, положи въ цркви сѣон Гофни, юже созда самъ. (6545
/ 1037)

ПВЛ Володимер же плакавсѹ с Ростиславомъ, братомъ своѣмъ,
спратаста тѣло его. Обращасѹ епѣи, игѹмени с черноризци, и попове,
и бояре, и простии людье, вземше тѣло его со обычными пѣмѣи и по-
ложиша оу сѣон Гофни, іакоже рекохомъ преже. (6601 / 1093)

ПВЛ Іакоже рекохомъ прѣже, зънаменье се бѣ мѣца февраля въ .
аї. днѣ, исходяще семѹ лѣтѹ .иї. ∴ (6618 / 1110)

ИИВ (кн. 6) римляне же великъ трѣдѣ приемлюще, ѡ приношенїи
прѣсти и дровъ. поставиша приспоу за .к. и единъ днѣ. посекъше іакоже
рекохѹмъ. преже вкрѣтнаа веси за .к. къ стоу врѣстѣ. (цит. по [Пичхадзе
и др., 2004: 326])

ИИВ (кн. 6) оудивитъ же сѹ кто времѣнномоу крѣгоу. соудѣ бо и
сѣблюдѣ и того мѣца и того же днѣ. іакоже рекохѹмъ понеже древле
вавилоняне пожгоша тоу цркви. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 350,
351])

ИИВ (кн. 7) тако бо не вставиша знаменїа ^{никако*} развѣ іакоже
рекохѹмъ. сѹ же злобоу приа іерлѣмъ ѿ безоумїа живоущи^х въ немъ.
(цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 369])

ПВЛ Да сего ради казни приемлемъ ѿ Ба всакия, нахождение
ратныхъ, по Бжью повелению приемлемъ казнъ грѣхъ ради нашихъ.
И мы же на подлежащее возвратимсѹ ∴ (6576 / 1068)

ПВЛ Но мы на прежерѣченое оуворотимься, такоже вѣхомъ глн
первѣе. (6604 / 1096)

ИИВ (кн. 1) мнози же и мало чесо дѣла могѹтъ и грады предаати. и воеводы своа. но дѣяніе и преди спиемъ. а нынѣ ѡ преоулежащомъ повѣстствѹемъ. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 134])

Встречаются в ПВЛ и ИИВ и другие общие клише: «кому-л. кажется удивительным(, что)» (**дивно естъ, тако / ѡже**) (ПВЛ 6420 (912), 6523 (1015), 6582 (1074), 6600 (1092), 6604 (1096), 6605 (1097), 6611 (1103), 6619 (1111), 6622 (1114); ИИВ (кн. 3; см. [Пичхадзе и др., 2004: 225]), «было известие кому-л.» (**бѣ вѣсть грѣкомъ (Измаславѹ) – вѣсть емоу высть**) (ПВЛ 6551 (1043), 6604 (1096); ИИВ (кн. 1; см. [Пичхадзе и др., 2004: 121]), «послать с мольбою к кому-л.» (**пошливѣ с мольбою къ строема своѣма – послаша къ немоу съ мольбою**) (ПВЛ 6586 (1078), 6604 (1096); ИИВ (кн. 7; см. [Пичхадзе и др., 2004: 378])).

Семантическое сходство

Проблематичным является выделение случаев семантического сходства между фрагментами, которые не обнаруживают фразеологического сходства. Действительно, как правило, выражение одного топоса чаще всего влечет за собой использование сходных формальных средств. Однако встречаются и такие фрагменты. Так, и в ПВЛ, и в ИИВ реализуется топос «в определенных ситуациях лучше умереть, чем продолжать жить» (его разновидность «лучше достойно умереть, чем жить в позоре»).

ПВЛ **И рѣ Гѣославъ:** «Оуже намъ нѣк^амо сѧ дѣти, и волею и неволею стати противу. Да не посрами^м земли Рускне, но лажемы ко-
стью тѹ, и мѣтвы бо сорома не имаетъ. Аще ли побѣгнемъ, то срамъ
на^м. И не имамъ оубѣгнѹти, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами
пондѹ. Аще моя глава лажеть, то же³ промыслите ѡ себѣ». И ркоша вои:
«Идеже глав^а твоя лажеть, тѹ и главы наша сложи^м». И исполнишасѧ
русь и грѣци противу, и сразистасѧ полка, и встѹпиша грѣци русь,
и бѣ сѣча велика, и ѡдолѣ Гѣославъ, и грѣци побѣгоша. (6479 / 971)

ИИВ (кн. 4) нынѣ же аще мы хоцѣмъ мира, а уни небрегѹтъ. а намъ срамъ молитисѧ. и лѣпле смръть славнѣ възати. негли жити
плѣнени. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 253]).

СЕМАНТИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО

³ Лавр.: то.

Характерно, что этот же топос «в определенных ситуациях лучше умереть, чем продолжать жить» мы обнаруживаем во фрагментах, в которых наблюдается и фразеологическое сходство. При этом наблюдается также и тождество синтаксических структур, построенных по модели «лучше + инфинитивная предикативная единица, чем + инфинитивная предикативная единица».

ПВЛ **И се слышавъ, Глѣбъ въспи велми съ слезами и плачаса по вѣтци, паче же и по братѣ, и нача молитиса со слезами, гла:** «**Оувы мнѣ, ГИ! Дѹче бы мнѣ оумрети с братомъ, нежели жити въ свѣтѣ семь**⁴ <...>» (6523 / 1015)

ИИВ (кн. 4) **вни же играюще пориганіе. и соудѣи скончающе, и соудѣи искоушающе въпрошающе нхъ. а быша соудили по правоу. ѿ. же моужь и присидиша емоу ѿпищеніе. аще же хотать оубити нхъ. аѣпѣ имъ с нимъ оумрети. негѣа жити без него.** (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 257]; см. также другие случаи реализации этого топоса в ИИВ – [Пичхадзе и др., 2004: 68, 261, 390, 402])

В клише «был побежден (порабощен) похотью», употребляемом также и в приводимом нами фрагменте «Хроники» Иоанна Малалы (далее – ХИМ), реализуется топос, состоящий в признании пагубности незнания меры. Неспособность к самоограничению вовлекает человека в стихию плотского существования и к потере собственной воли, делает его рабом внешних сил и зачастую ведет к гибели (достаточно вспомнить летописное сопоставление князя Владимира и царя Соломона).

ПВЛ **Бѣ же Володимиръ повѣженъ похотью женскою.** (6488 / 980)

ИИВ (кн. 7) **имже доѣно естъ оудивити. како антнѣи пораво-щенъ сы похотью еѣ. и твора всѣ. га* велитъ вна. ѡ семъ единомъ не послѣша.** (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 397])

ХИМ (кн. 9, гл. 2) **Клеѡпатра же въпоустѣ къ немоу, льстѣщи, акы хотѣщи емоу. Антонинъ же, прельстивсѣ и похотию повѣженъ, въсхотѣ еѣ и покорисѣ еи.** (цит. по [Истрин, 1994: 230])

Тот же топос реализуется в ПВЛ и «Хронике» Георгия Амартола (далее – ХГА): несытость, ненасытность есть отступление от нормы и связана с неспособностью остановиться, ограничить себя; распутник не владеет собой, он является рабом своей телесной похоти.

⁴ Над строкою приписано новым почерком **прелестнемъ**. В Хлебн. и Лавр. этого слова нет.

ПВЛ **И** **бѣ** **не** **сытъ** **блѹда**, (и **приводѣ** **к** **себѣ** **мѹжьскыа** **жены** **и** **дѣци** **растлаа**.) (6488 / 980)

ХГА (кн. 4, гл. 43) **и** **во** **многымъ** **миромъ** **и** **многыа** **славы** **и** **многа** **бестрашья** **же** **и** **пища** **въсприятъ** **и** **неоутомлении** **блѹдѣствьнаго** **обычаа**, **но** **напослѣдокъ** **пища** **велиа** [и] **сладость** **горка** **бы** **кмоу**. (цит. по [Истрин, 1920: 147])

Важно здесь также, чем именно не может насытить себя тот, о ком повествуется. Очевидно, ненасытность тесно связана с греховной природой того, чем не могут насытиться. Таков блуд, таково и кровопролитие. Именно об этом говорится в сопоставляемых далее фрагментах ПВЛ и ИИВ: «злодей не может насытиться крови своего противника». Характерно, что этот топос, как и многие другие, соотносится или восходит к топосу, который обнаруживается в одной из книг Священного Писания – Книге Премудрости Иисуса, Сына Сирахова.

ПВЛ **ї** **рече** **ми** **Василко**: «**Посидѣ**⁵ **мало**». **И** **повелѣ** **слѹзи** **своемѹ** **ити** **вонъ**, **ї** **сѣде** **со** **мною**, **и** **нача** **гѣти**: «**Се** **азъ** **слышу**, **уже** **мѹ** **хочетъ** **дѣдъ** **давати** **лѹхомъ**. **То** **сѹ** **мало** **насытитъ** **крове** **моея** **ї** **се** **хочетъ** **бо** **шѣ** **насытити**, **и** **же** **мѹ** **вдасть** **имъ** <...>» (6605 / 1097)

ИИВ (кн. 1) **антихъово** **же** **сроуце** **не** **насытивсѹ** **кровепролития** (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 66])

Прем. Сир. (XII, 15)⁶ **и**. **Оуѣстнама** **своѹма** **оуѣладитъ** **врагъ**, **и** **многѹ** **пошѣпчѣтъ** **и** **речѣтъ** **добрѹ** **глагола**: **Очи** **ма** **своѹма** **прослезитсѹ**, **а** **сѣрдцемъ** **своѹмъ** **оуѣговѣтѣтъ** **крѣнѣти** **тѣ** **въ** **рѹвъ**, **и** **ѣгда** **шѣбръщѣтъ** **крѣмѹ**, **не** **насытитсѹ** **крѹве**. (цит. по [Елизаветинская Библия])

Еще один топос, восходящий к библейскому источнику – Посланию апостола Павла к ефесянам, сводится к суждению «некоторые вещи настолько ужасны, что о них нельзя говорить» и оформляется с помощью конструкции «*нечто*, о чем нельзя писать (говорить) (из-за стыда)»:

ПВЛ **Вни** **же** **рѣша**: «<...>». **И** **ина** **многа** **лѣсть**, **ѣаже** **нелзѣ**⁶ **писати** **срама** **рѣ**. (6494 / 986)

ПВЛ **В** **та** **же** **времена** **бы** **дѣтище** **въвержено** **въ** **сѣтомлѣ**. **Сего** **же** **дѣтища** **выволокоша** **рыболовѣ** **в** **неводѣ**, **егоже** **позоровахомъ** **и** **до** **вечера**, **и** **паки** **вывѣргоша** **и** **въ** **водѹ**, **бѹше** **бо** **на** **лицѣ** **его** **снѣ** **срамни** **оудове**, **а** **иногѹ** **нѣльзѣ** **казати** **срама** **ради**. (6573 / 1065)

⁵ Хлебн. и Лавр.: *посѣди*.

⁶ Лавр.: *нѣльзѣ*. Хлебн.: *нѣлзи*.

ИИВ (кн. 5) вы же беззаконствѹюще и твораще дѣла. ꙗже неслѣ казати. врѣхѹ своего беззаконїа. тоснѣтеса и мене растрѣлнѣти. молащася вамъ. и кажоуща васъ ꙗже на избавленїе. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 312])

ХГА (кн. 8, гл. 5) а кже потомъ срамъ ми ксть рещи, нелѣпыхъ и смердащихъ изригании, хракотинъ, тѣскѹ и ѿмраченые дшѣнок и тѣлгости телесныя(цит. по [Истрин, 1920: 245])

Еф. (V, 12) ѿ. Бываемаа во ѿтай ѿ нѣхъ, грѣмно ѣсть ѿ глаголати. (цит. по [Елизаветинская Библия]), **ѿ. Бывающаа во тай ѿ нѣхъ срамъ ксть и глаголати.** (Христинопольский Апостол сер. XII века; цит. по [Kałużniacki, 1896: 195])

Реализуются в ПВЛ и ИИВ и другие «общие» топосы, выражаемые сходным образом: топос «молодость служит препятствием для осуществления деятельности», оформляемый с помощью клише «поскольку (хотя и) был очень молод (возрастом)» (**ваше во молодѣ велии – зане бысть и еще възрастомъ младѣ велии**) (ПВЛ 6387 (879), ИИВ (кн. 7; см. [Пичхадзе и др., 2004: 378]); топос «своего будущего никто не знает, но каждого ожидает смерть», оформляемый с помощью клише «все смертны» (**ѿбѣча смѣръ всѣмъ – смѣрътъ ѿбѣча естъ**) (ПВЛ 6452 (944), ИИВ (кн. 6; см. [Пичхадзе и др., 2004: 341]); топос «кровь текла как вода (поток воды)»⁷, реализующийся в сходных речениях (**по оудольемъ кровь течаше – землю напониша крови, кровь зъ заврала течаше ꙗко рѣкы, роучьн кровью потекоша по граду; кровопролитие бысть акы рѣка, кровь же течаше акы рѣка**) (ПВЛ 6527 (1019), ИИВ (кн. 3, 6; см. [Пичхадзе и др., 2004: 213, 218, 231, 333, 350]); топос и клише «потрудившись на славу, окончив труд, вытирают пот» (**оутѣръ пота (показавъ побѣду и трудъ великъ) – (скончаша) съ великимъ потомъ**) (ПВЛ 6527 (1019), ИИВ (кн. 5; см. [Пичхадзе и др., 2004: 317]); топос «важно обращать внимание на то, совершаются ли поступки в соответствии со свободным выбором человека или вынужденно», оформляемый с помощью клише «(с)делать что-л. вынужденно, а не по собственной воле» (**не хоташе терпимъ с нѣжею, и понеже неволею, се оуже волею – ноужѣю прїидоста а не волею**) (ПВЛ 6601 (1093), ИИВ (кн. 6; см. [Пичхадзе и др., 2004: 347])).

⁷ Указано в [Орлов, 1902: 21].

Сюжетное сходство

Так же, как и в случае семантического сходства, обнаружение фрагментов, соотносимых исключительно в сюжетном плане, проблематично. К ним можно отнести «сказание о белгородском киселе» и повествование о приказе Иосифа намочить одежды и вывесить на стены для того, чтобы римляне подумали, будто в осажденном ими городе вполне хватает воды (об этом сходстве упоминается в работе Г.М. Бараца; см. [Барац, 1908: 117]); герои ПВЛ и ИИВ прибегают к разным «уловкам», но их цели и ход развития событий действительно схожи: «(1) в осажденном городе начинается голод (жажда) + (2) выполняя распоряжение героя, жители города совершают действие, способное ввести врага в заблуждение: он может решить, что в городе вполне достаточно еды (воды) + (3) противник не распознает обмана и меняет свою стратегию».

ПВЛ (вся статья 6505 (997) г.) (1) Володимеру шедшу к Новугороду по вѣрхънне воѣ на печенѣгы <...> И оудолжишася, встопаче въ гра^а люди, и бѣ градъ⁸ великъ. <...> (2) И бѣ же ѡдинъ старецъ не былъ⁹ вѣчи томь <...> И повелѣ же им¹⁰ створити цѣжь, в немже варать кисель, и повелѣ копати кладазъ, и въставити тамо кадь, и нальа цѣжа кадь. И повелѣ копати другни кладазъ и въставити тамо другю кадь. Повелѣ имъ искати меду. Уни же, шедше, взаша лѣкно меду, бѣ бо погребено въ княжи медущи. И повелѣ росытити воду велики и въльпати въ кадь и в другземь кладазѣ та^к. <...> (3) Неоутрѣа же посла по печенѣгы. <...> И приведоша га къ кладазю, идѣже цѣжь, и почерпоша вѣдромъ и льаху в ладки¹¹. <...> Уни же, пришедше, повѣдаша вса бывшаа. И вариша кисель, и паша князи печенѣжьстии и подивишася. И поемше талиа своа, а онѣхъ пѣстивше, и вѣсташа ѿ града, и въ своа идоша. (6505 / 997)

ИИВ (кн. 3) (1) и ѿзва вои и сѣде ѡколо града дѣлаа да гладѡ^а вѣзмѣтъ а. ѡнем же ѡблине бѣ всакого брашна. ѡскоуде в нихъ соль и вода. зане не бысть источника, ни кладазѣ внѣтъ града еоуспасѣнъ же ѡко жажѣю предѣтсѣ емоу. (2) и ѡсифъ же хотѣ преломити оупованіе его. повелѣ измочити много ризъ и повесити на стѣнахъ,

⁸ Хлебн. и Лавр.: гл^а.

⁹ Хлебн.: прибавлено в. Лавр.: прибавлено на.

¹⁰ Хлебн. и Лавр.: повелѣ жена^а.

¹¹ Хлебн. и Лавр.: в ла^ткы.

да каплють из нихъ. (3) имже печаль и оужась прѣ римланы. и гемонъ Ѡчаавса гладное взятїе възврати паки на оружїе и на ноужю. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 214, 215])

СЮЖЕТНО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО

Намного чаще встречаются случаи сюжетно-фразеологического сходства.

Обнаруживаются фрагменты, в которых реализуются следующие сюжетные мотивы: «(1) герой посылает послов (или пишет письмо) к союзнику + (2) герой сообщает союзнику, что к его городу приближаются воины + (3) герой предупреждает, что это может быть опасным для адресата + (4) герой призывает не пускать их в город (или обратно) + (5) герой призывает «рассеять» этих воинов по разным местам». Последний сюжетный мотив есть только в ПВЛ, причем встречается он в летописи и в других статьях. Что касается фразеологического сходства, то оно состоит не только в использовании синсемантической лексики, но и в почти дословном совпадении высказываний «не пускай сюда ни единого» и «не пускай в город воинов его».

ПВЛ (1) И посла прѣ ними ^{по}слы, гл҃а сице цр҃евї: (2) «Се идуть к тебѣ варязи. (4) Не мѣзи ихъ дѣржати в городѣ. (3) или то створи^т ти въ градѣ, тако здѣ. (5) Но расточи га раздно, (4) а семо не пущан ни едино^ѣ». (6488 / 980)

ИИВ (кн. 1) иродѣ помнѣ вол иде въ иерл҃мъ. и вчютивѣ малихъ тако на того пондетъ. (1) и написа къ арканови гл҃а. тако (2) се иродѣ идеть (3) ни на когоже тако на тѣ. (4) а не поущан въ градѣ вои его. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 85])

В приводимых ниже фрагментах обнаруживается два сюжетных мотива: «(1) герой устраивает обед военачальникам и знатым людям + (2) герой заботится и о простых людях, всегда раздавая им необходимую пищу и питье». Фразеологическое сходство состоит в использовании синсемантической лексики и клише «раздавал необходимое» (тѣмь раздаваху на потребу и пода вса таже на потребу имѣ).

ПВЛ Си слышавъ, (2) повелѣ нищю всакѣ и оубогоу приходити на дворъ на княжѣ и взимати всакѣ потребу, питье и гаденье, и Ѡскотъницы кѣнами. Оустрон же се: рѣ, тако: «Немощнии, болнии не могу^т донти двора моего», повеле оустронити кола и, вскладываше хлѣбы, мяса, рыбы и ввощѣ разнoliчньни, и медъ въ бѣчкахъ, а въ дру^гыхъ – квасы, возити по градомъ, въпрашающе: «Кде болнии, нищии, не могу^т ходити?» И тѣмь раздаваху на потребу. (1) И се же твора

людѣмъ своимъ: по вса недѣла оустави по вса дни на дворѣ въ гридни пиръ творити и приходити богаромъ, и гридьмъ, и соцькимъ, и десатникомъ, и нарочитымъ мужемъ и при князѣ и безъ княза. И бываше на вѣдѣ томъ множество ѿ масть, и ѿ скота, и ѿ звѣрины, и баше же избылю всего. (6504 / 996)

ИИВ (кн. 1) Иродъ же всѣмъ црѣскимъ богатствѣмъ подарова. (1) и вѣдѣ оустрои кесареви съ всѣмъ воеводами. (2) присно же во емъ пода вса яже на потребоу имъ. промысли иже имъ и водоу въ безводны до пелосуи. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 102])

Последний пример хорошо иллюстрирует необходимость осторожного отношения к объекту исследования при определении границ между отношениями заимствования и сходства: при сходстве сюжетной канвы этих фрагментов обнаруживается крайнее расхождение между содержательной их составляющей – в одном случае речь идет о князе Владимире, в другом – об Ироде I.

Определение отношений заимствования или сходства между ПВЛ и другими текстами, на наш взгляд, требует обязательного привлечения нескольких потенциальных источников летописи: то, что кажется заимствованием при сопоставлении двух текстов, может вполне оказаться «общим словом», используемым также и в других текстах. Так, Т.Л. Вилкул, сопоставляя фрагменты переводных текстов и ПВЛ, определяет в составе последней «микрозаимствования», представляющие собой, по словам исследовательницы, «включения небольших характерных выражений, иногда вместе с сюжетным подобием» [Вилкул, 2008: 15]. Между тем, оказывается, что не всегда эти включения могут быть выведены только из одного переводного текста. Например, в одном из случаев в качестве источника ПВЛ Т.Л. Вилкул приводится фрагмент ХГА, однако схожий фрагмент обнаруживается и в ИИВ. Очевидно, топос, оформляемый к тому же вполне устойчивой формулой «(1) был настолько великий голод, (2) что люди стали есть то, что обычно не едят, (и платили за это много)» («бысть глад (велик), яко <...>»), реализуется в разных древнерусских текстах – как переводных, так и оригинальных – и восходит к библейскому источнику (библейский источник указан в [Данилевский, 2004: 167]):

ПВЛ (1) Не бѣ в ниѣ брашна, и бы гладъ велѣкъ, (2) яко по полу҃гривнѣ голова конача. (6479 / 971);

ХГА (кн. 5, гл. 78) (1) и бѣ гладѣ велии, (2) яко продатисѧ главѣ
всина ѿ сребрьникѣ (цит. по [Истрин, 1920: 180]) (указано в [Вилкул,
2013: 28]);

ХГА (кн. 10, гл. 44.3) Перьсаниноу же внезапноу изъвѣгъшю,
встави скоро и ослоушливаго и глауѣхаго влоудѣща с вон и скорбѣщимъ
ѿ поустыни и ѿ не[до]статѣѣ брашнѣмъ. (1) толикъ гладѣ удержаше
и, (2) яко и кониноу и мышиноу пасти имѣ. (цит. по [Истрин, 1920: 363])
(указано в [Вилкул, 2013: 28]);

ИИВ (кн. 1) (1) имѣже воюющимъ тогда гладѣ бысть
на самаранехъ. (2) яко и невычайна пасти имѣ. (цит. по [Пичхадзе
и др., 2004: 69]);

4 Цар. (VI, 25) кѣ. (1) и бысть глады велики въ самаринъ: и се, ѿвсѣдѣша
и, (2) дѣндеже бысть глава ѡ слова за пѣтьдесятъ сѣклъ сребра, и четвѣртаѧ
часть мѣры нѣмъ голынинаго за пѣть сѣклъ сребра. (цит. по [Елизаветинская
Библия]).¹²

СЮЖЕТНО-СЕМАНТИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО

Приведем еще один пример такого «общего места» ПВЛ, ХГА и ИИВ. Нарраторы или персонажи, обличая предсказателей будущего, задаются риторическим вопросом: «Как же они могут знать чужое будущее, если не могут предсказать свое собственное?» И этот вопрос-суждение выглядит вполне обоснованным в связи с тем, что предшествует ему рассказ о предсказаниях волхвов, птицегадателей и прочих кудесников, оппоненты которых опровергают эти предсказания очень действенным аргументом – казнят предсказателей¹³:

ПВЛ И тако погыбнѣста¹⁴ наоученнемъ дьяволимъ, нигѣмъ вѣдуща
и гадающа, а своѣта погыбы не вѣдуща. (6579 / 1071);

ХГА (кн. 1, гл. 24) се ѿ волхва Мосомахъ слышавъ, скоро лоукъ
свои взятъ и оустрѣли птоу тоу. тѣмъ во[ахвъ оулю]товавъ си и
соущи въ влазни тои работници, примъ въ роуцѣ мертвоу птоу,
Мосомахъ рѣ: «что ради на ма гнѣвактесѧ, злобѣснии? како бо си
пта, своего сѣнни не провѣдоущи, вамъ ползоу проповѣдаше?» (цит.
по [Истрин, 1920: 46])

¹² Другие случаи сюжетно-фразеологического сходства описаны нами в [Савельев, 2014а], [Савельев, 2014б].

¹³ В рамках данной статьи мы обращаем внимание прежде всего на семантико-фразеологическое сходство; описание же сюжетного сходства фрагментов см. в [Савельев, 2014б].

¹⁴ Хлебн.: погыбоста. Лавр.: погыбнѣста.

ИИВ (кн. 3) и гл҃аста дивно єсть, ѡже ѡ чюжѣмъ прѣрчествѣши. а ѡ тапатѣ и ѡ своемъ плѣненіи како не прѣрчествовалъ єси. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 225])

Еще одним примером такого «комплексного» сходства могут служить фрагменты, в которых воспроизводятся речи князя Святослава и Иосифа. В них реализуются сюжетные мотивы «(1) противник начинает одолевать войско героя + (2) герой собирается бежать + (3) жители города просят его не оставлять их + (4) герой обращается к своим воинам с призывом поступить достойно и пасть в бою, но не отступить + (5) воодушевленные воины одерживают победу», обнаруживается тоpos «когда настанет время, воин должен встретить свою смерть в бою достойно, не страшась, тогда он поступит как должно, по-мужски», причем данный тоpos реализуется в совокупном употреблении двух клише – «настало время умирать» (оуже на^м зѣдѣ пасти – нынѣ врѣмѣ вѣрѣсти некончаню) и «поступим достойно, по-мужски» (потягнемъ мужьскы – нынѣ врѣмѣ сътворити что мужеское):

ПВЛ Прииде **Ѣтославъ** **Переяславцю**, и **затворишасѣ** **болгаре** **в городѣ**. И **изъѣзѡша** **болгаре** **на сѣчю** **противу Ѣтославу**, и **бѣ** **сѣча** **велика**, (1) и **ѡдолѣваху** **болгаре**. (4) И **рече Ѣтославъ** **вое^м своимъ**: «Оуже на^м зѣдѣ пасти. Потягнемъ мужьскы, бра^{те} и дружино!» (5) И **к вечеру ѡдолѣ Ѣтославъ**. (6479 / 971).

ИИВ (кн. 3) (1) **рассмотрѣвъ** **иосифъ**, **такѡ нѣсть** **оуже спсєніа**. (2) **доумаше** **повѣгнѡити** **изъ града**. (3) и **разѡмѣше** **народи**, **припадаху** **к ногама** **его молащесѣ** **да не ѡстоупитъ ѡ нихъ**. и **сеи видѣ** **воплъ** и **рыдания** **ихъ**. **ѡслабьсѣ** (4) **рече**, **нынѣ врѣмѣ ѡ дрѹзи вѣрѣсти некончаню**, и **сътворити что мужеское**. **на память** **последнимъ**. (5) и **сѣбравъ** **крѣпльшихъ** **иде** **на стражи** и **разгна ихъ**. и **сѣчасе** **а до вбрыгнѣ**. (цит. по [Пичхадзе и др., 2004: 215]).

Рассмотренные примеры относятся к случаям сюжетно-семантико-фразеологического сходства. При этом нельзя сказать, что ПВЛ восходит именно к ХГА или ИИВ. В связи с этим необходимо вспомнить следующее замечание Н. А. Мещерского о сходстве воинских формул ПВЛ и ИИВ: «Трудно определить, что именно служило источником этих выражений: переводная ли письменность для оригинальных летописных повествований или, наоборот, переводчик заимствовал их из летописей и таким образом украсил и осовременил свой труд. Во всяком случае мы можем с полной уверенностью утверждать, что переводчик и авторы летописи – современники, воспитанные в одной среде» [Мещерский, 1978: 121].

Таким образом, во многих случаях, когда мы сопоставляем древнерусские оригинальные и переводные тексты и обнаруживаем между их фрагментами определенное сходство, речь должна идти не о заимствовании части переводного текста текстом оригинальным, но об использовании книжниками средств своеобразного «жанрового фонда», возникающего не в определенный момент – при переводе какого-либо образцового текста, – а в результате постепенного «складывания» в систему элементов, имеющих разные источники происхождения – переводы, устное предание, текстовую деятельность самих создателей непереводаемых памятников. Эта постоянно пополняющаяся, но остающаяся стабильной, традиционной «когнитивная база жанра» требует от книжника при создании нового текста использования вполне определенных сюжетных мотивов, топосов и клише.

Список литературы

- Барац Г. М.* Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. Киев, 1908.
- Вилкул Т. Л.* Заимствования из Хроники Иоанна Малалы и Александрии Хронографической в Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. №3 (33).
- Вилкул Т. Л.* Полный перевод Хроники Георгия Амартола в летописных статьях X–XI в. (Повесть временных лет и Новгородская первая летопись младшего извода) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. №3 (53).
- Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004.
- Елизаветинская Библия.* Библия на церковнославянском, русском, греческом, еврейском и латинском языках. <http://azbyka.ru/biblia/>
- Истрин В. М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. М., 1893.
- Истрин В. М.* Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследование и словарь. Т. I: Текст. Пг., 1920.
- Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринтное воспроизведение материалов В. М. Истрина / Подг. издания, вст. ст. и прилож. М. И. Чернышевой. М., 1994.
- Камчатнов А. М.* Форма аориста **рече** как знак цитации в древнерусских текстах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. №1 (15).
- Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.
- Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л., 1978.

- Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. 1902. Кн. 4 (203).
- Пауткин А. А.* Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М., 2002.
- Пауткин А. А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия // История древнерусской литературы. Аналитическое пособие. М., 2008.
- Пичхадзе А. А., Макеева И. И., Баранкова Г. С., А. А. Уткин А. А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. I. М., 2004.
- Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
- Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянною Историко-археографическою комиссиею Академии наук СССР. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926.
- Ранчин А. М.* К проблеме разграничения топосов и цитат в древнерусской словесности // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. №3 (45).
- Ранчин А. М.* О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. №3 (49).
- Савельев В. С.* «Повесть временных лет». Источники и соотносимые тексты (Статья 1) // Stephanos. Сетевое издание. Мультиязычный научный журнал. Электронный проект филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. №3. 2014а. <http://www.stephanos.ru>
- Савельев В. С.* «Повесть временных лет». Источники и соотносимые тексты (Статья 2) // Stephanos. Сетевое издание. Мультиязычный научный журнал. Электронный проект филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. №4. 2014б. <http://www.stephanos.ru>
- Срезневский И. И.* Русский исторический сборник XV века Московского главного архива министерства иностранных дел // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1880. Т. XX.
- Kalužniacki A.* Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti. Edidit Aemilianus Kalužniacki. Vindobonae, 1896.

Сведения об авторе: *Савельев Виктор Сергеевич*, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: alfertinbox@mail.ru

Е.М.Бутенина

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ МИФ В РОМАНЕ ДЖОНА КРАУЛИ «ПЕРЕВОДЧИК»

На примере романа Джона Краули «Переводчик» (*The Translator*, 2002), повествующего о вымышленном русском поэте-диссиденте Иннокентии Фалине, в статье рассматривается феномен межкультурной трансляции поэтического мифа и значение поэта как медиатора культурных смыслов. В частности, анализируется триада «ангел – поэт – переводчик» в понимании Р.М.Рильке и Марины Цветаевой и пушкинский миф, включенный в роман в интерпретации Абрама Терца (Андрея Синявского).

Ключевые слова: транскультурный миф, метафора поэтического перевода, Рильке, Цветаева, Краули, Терц (Синявский).

Addressing John Crowley's novel *The Translator* (2002), which tells a story of an imaginary Russian emigré poet Innokenti Falin, the paper focuses on the phenomenon of intercultural translation of a poetic myth and the role of a poet as a mediator of cultural meanings. In particular, the triad «angel – poet – translator» is discussed, as understood by Marina Tsvetaeva and R.M. Rilke, as well as the Pushkinian myth incorporated into the novel in the interpretation by Abram Tertz (Andrei Sinyavsky).

Key words: trans-cultural myth, metaphor of poetic translation, Rilke, Tsvetaeva, Crowley, Abram Tertz (Andrei Sinyavsky).

Изображение другой культуры как загадочного параллельного мира можно считать одной из универсалий межнационального метафорического мышления, что не умаляет значимости новых интерпретаций темы. Американский писатель Джон Краули, особенно известный как автор романа-фэнтези «Маленький, большой»¹, обратился к этой метафоре через призму иноязычной поэзии и перевода. Его роман «Переводчик»

¹Популярность романа «Маленький, большой» позволила некоторым рецензентам считать его беллетристикой, тогда как более внимательные исследователи заслуженно ставят писателя в один ряд с классиками. В 2003 году в США вышла первая монография о творчестве Краули, в аннотации представляющая его как «блестящего, поэтичного мастера фантастического символизма» и одного из лучших современных американских писателей [Snake's Hands, 2003]. В предисловии к монографии свое восхищение Краули выразил Харольд Блум, оговариваясь, что ради него даже изменил своему правилу не писать о живущих авторах [Snake's Hands, 2003: 10]. Десятью годами раньше американский литературный гурзу включил романы Краули «Маленький, большой», «Египет» и «Любовь и сон» в свой Западный Канон XX века [Bloom, 2004: 534].

(*The Translator*, 2002) повествует о русском поэте-диссиденте Иннокентии Фалине, эмигрировавшем в США и преподававшем американским студентам курс поэзии. На примере этого романа можно рассмотреть феномен межкультурной трансляции поэтического мифа и значение поэта как медиатора культурных смыслов.

Роман «Переводчик» имеет посвящение: «Тому Дишу, который знает, почему». Билл Шихан (Bill Sheehan), автор главы о романе «Переводчик» в монографии о Краули, отмечает, что писателя захватила фраза современного поэта Томаса М. Диша: «Американцы, хотя не особенно читают поэзию, зачарованы поэтами» [Snake's Hands, 2003: 370]. Диш также предложил решение главной проблемы романа о вымышленном значительном поэте: сделать его иностранцем, стихотворения которого появляются в тексте только в переводе и потому не претендуют на подлинное величие. По мнению Шихана, выбор в качестве героя русского поэта, воплощающего «вечную русскую страсть к поэзии» произошел для Краули естественным образом [Snake's Hands, 2003: 370].

В качестве героя Краули нужен был именно русский поэт XX века, не только из-за русской страсти к поэзии, но и во имя одной из ключевых для романа тем – поэта и власти, заявленной уже в эпиграфе из воспоминаний Надежды Мандельштам: «Поэзия – это власть», – сказал он в Воронеже Анне Андреевне, и она склонила длинную шею» [Мандельштам Н., 1999: 199]. Образ поэта-мужчины и поэта-женщины, склоняющей перед ним голову, определяет отношения главных героев романа Краули. Имя Иннокентия Фалина упоминается задолго до его появления, уже в первой строке романа, начинающегося с встречи президента Кеннеди с молодыми поэтами США, среди которых и героиня Криста (предпочитающая уменьшительное имя «Кит») Мэлоун. Узнав, что она со Среднего Запада, президент говорит ей: «У вас там живет новый поэт. <...> Наш новый поэт из России»¹ (р. 4). Затем президент обращается к аудитории с речью о значимости поэзии для нации и духа, напоминает о том, что приглашал Роберта Фроста на свою инаугурацию и, цитируя Шелли, называет поэтов «непризнанными законодателями мира» (р. 4). Эту мысль, как и «то ли проникающий, то ли воспринимающий» взгляд президента Кит будет вспоминать всю жизнь.

¹ Перевод всех цитат выполнен по изданию *Crowley J. The Translator*. New York, 2002.

К моменту знакомства с Фалиным Кит уже доведется немало испытать: любимый старший брат записывается в армию по контракту, и его отъезд кажется ей предательством. От обиды, одиночества и чувства протеста Кит заводит отношения со случайно встреченным старшеклассником и вскоре обнаруживает, что беременна. Ей предстоит пережить осуждение родителей (строгих католиков, недаром наделивших ее именем «Криста»), пребывание в католическом приюте для несовершеннолетних рожениц и смерть неполноценного младенца. От отчаяния Кит совершает попытку самоубийства. Когда она выбирает в колледже поэтический семинар Фалина, она уже знает, что такое страдание.

В качестве знакомства с американскими студентами на первом занятии Фалин просит их прочитать любимое стихотворение. Студенты читают хрестоматийные строки Эмили Дикинсон, Алджернона Суинберна, Роберта Фроста скорее потому, что только их и помнят, чем по осознанному выбору. Когда доходит очередь Кит, она не может вспомнить ничего, кроме собственного стихотворения, которое уже отдала Фалину, и строчек Бодлера: *“Je suis comme le roi d’un pays pluvieux, / Riche, mais impuissant; jeune, et portent très vieux”* (р. 41)². Кит не может читать дальше от спазма в горле, но Фалину этого достаточно: их межкультурный диалог о раздвоенной поэтической сущности начался. Он внимательно смотрит на нее и начинает читать пушкинского «Поэта» по-русски. Закончив, он поясняет «совершенно другим, американским голосом»: «Я не могу вам объяснить, что говорит это стихотворение, потому что смысл заключен в русских словах; эту проблему мы еще обсудим. Я лишь немного расскажу вам, о чем оно» (р. 4). Кульминацией движения русского эмигранта и американской студентки друг навстречу другу стал разговор, в котором Фалин говорит Кит: «У меня был ребенок. Девочка умерла». И Кит мысленно отвечает ему: «У меня тоже был ребенок. Он умер». Она пытается произнести эту фразу, но в этот момент «мир согнулся изломом, и она ничего не сказала» (р. 90). Но Фалину и не нужны были вслух произнесенные слова. Он обладал поэтическим даром провидения. Когда Кит дала ему прочесть свое посвященное брату стихотворение об ожидании возвращения солдата, Фалин спросил ее, жив ли человек, к которому она обращается. Она подтвердила, что жив, и он заметил: «Когда я читал, мне казалось, что нет.

²«Я – сумрачный король страны всегда дождливой, / Бессильный юноша и старец прозорливый» // Бодлер Ш. Цветы зла и стихотворения в прозе / Пер. В. Шершеневича. М., 1993. С. 167.

Как будто это стихотворение о юноше, который возвращается каждый май. Но не может подойти ближе» (р. 61). Кит понимает, что стихотворение можно прочесть так, и уже не сможет прочесть его по-другому. Вскоре придет известие о гибели ее брата якобы из-за несчастного случая во время испытаний на Филиппинах. Семья так и не получит достоверных сведений о месте и обстоятельствах его гибели. И спустя много лет и Кит, и ее отцу придется лишь гадать, имела ли его гибель отношение к военным действиям США во Вьетнаме.

Гибель брата станет первым столкновением Кит с властью. Около года спустя ей придется пережить визиты агента госбезопасности США, пытавшегося получить от нее сведения о вызывавшем их подозрения эмигранте, а потом и исчезновение Фалина. Поэт предвидел опасность и попытался скрыться. Перед отъездом он обещал Кит, что они непременно увидятся, и выполнил свое обещание мистическим образом. В тот день в университете проходил студенческий марш протеста против военных действий США на Кубе. Кит, находясь почти в бессознательном состоянии от переживаний и начинающейся болезни, оказалась среди протестующих, подвергавших себя большой опасности. В какой-то миг ей показалось, что она видит Фалина: «Он окинул взглядом участников марша с интересом и чем-то вроде восхищения. Видимо, он не узнал Кит в толпе, хотя она почувствовала его мгновенный взгляд, направленный на нее, как укол чуда. “Тогда все в порядке,” – сказала она» (р. 137). В последний миг Кит заметила, что у него были босые ноги.

На следующий день полиция нашла в реке машину Фалина, пальто, пустой портфель, ботинки, как будто он бросил их, пытаясь добраться до берега вплавь. В тот же день исчез и университетский знакомый Кит, которого она считала другом и доверила ему всю историю Фалина. Очевидно, их знакомство не было случайностью, и он изначально был приставлен наблюдать за ней. Почти тридцать лет спустя, в 1993 году, друг и поклонник поэзии Фалина Гавриил Викторович Семенов приглашает Кит в Петербург на конференцию в честь 75-летия со дня рождения поэта. Во время ужина в ресторане ей снова видится Фалин и его «улыбка, знающая все и ничего. <...> Его босые ноги не были видны: она одна знала» (р. 147).

История Фалина в реальном мире заканчивается победой власти. Но поэт научил Кит видеть другие миры, поскольку, как объяснил ей Гавриил Викторович, он создал свой мир, который в отличие, например, от Гринландии Александра Грина, не был другой страной, а был

«внутри его родной страны или рядом с ней» (р. 128). Этим миром была его поэзия, в который Кит проникла благодаря совместным с Фалиным переводам его стихов на английский язык.

Читая на своем первом семинаре американским студентам Пушкина по-русски, Фалин выразил ключевую для его поэтического кредо мысль: поэзия непереводаима. Попытки перевести его стихи на английский он оценивает так: «Мое стихотворение было стихотворением на русском. Стихотворение в этой книге, – возможно, стихотворение, – на английском. Его, я полагаю, ты и прочла» (р. 57). На предложение Кит попытаться перевести его стихи более точно, Фалин отвечает: «Но тогда это будет другое стихотворение на английском. Все равно не мое» (р. 58). Физические и духовные страдания сформировали у Фалина остроонациональное ощущение своего читателя, поэтому он говорит Кит: «Мои стихи написаны для людей того мира, который я потерял. Чтобы читать их, я думаю, нужно было прожить в моем мире – моем языке – с детства, и вырасти в нем» (р. 167). Эти слова явно перекликаются с мандельштамовским «Не ищущай чужих наречий...»³.

Однако при этом Фалин задается риторическим вопросом: «Поэзия без читателя – разве она существует?» (р. 173). Поэтому он принимает предложение Кит помочь ему перевести его стихи. К этому времени она уже чувствовала, что Фалин «затянул ее в свой русский» (р. 182), как в параллельный мир. С момента знакомства с поэтом Кит ощущала себя героиней Кэрролла: однажды она пошла за ним, «испытывая чувство Алисы, попавшей не туда из-за человека, который не следовал законам физики. И вдруг поняла, что идет прямо к нему» (р. 82)⁴.

Начиная работу над переводом стихов Фалина, Кит вспоминает свое детское понимание других языков: «Я думала, что английские слова – это настоящие названия вещей, а другие языки – просто маски; игры, в которые люди играют. Для развлечения <...> Ведь разве может у двух предметов быть два настоящих имени?» (р. 182). Поэтому и перевод поначалу казался ей просто игрой: «Она никогда раньше не пыталась

³Гавриил Семенов объяснит Кит, что для их круга стихи Ахматовой и Мандельштама были кодом тайного братства посвященных: «Одно время мы приветствовали друг друга этими стихами. Строка, строфа Ахматовой, Мандельштама: если другой может закончить строку или строфу, вероятно, можно ему доверять – возможно, стать друзьями. Возможно, нет» (р. 45).

⁴Погруженность в мир Кэрролла связывает «Переводчика» с романом «Маленький, большой» и создает единый текст фантастического реализма Краули.

переводить поэзию, кроме как дословно, словно взламывая код, в котором та была спрятана, сундук или сейф, более красивый, чем то, что в нем хранится» (р. 60).

Создавая подстрочки к стихам Фалина, — он не позволял ей пользоваться рифмой, кроме редких случаев таких полных совпадений, как *ворона-корона* и *crow-crown* (р. 187), — Кит словно стала повзрослевшей зазеркальной Алисой, о которой Фалин писал ей в прощальном письме: «Если Алиса прошла сквозь свое зеркало, то Алиса с той стороны тоже должна была пройти сквозь него, и тогда остается другая, нерассказанная история, приключения зазеркальной Алисы здесь, где ей нет места...» (р. 217). Литературность идентичности своих героев составляет основу писательского видения Краули, и его слова о романе «Маленький, большой» вполне применимы и к «Переводчику»: «Реалистические романы делают вид, что правила их вымышленных миров идентичны законам действительной жизни, но это просто уловка. У меня всегда было какое-то особое сочувствие к романным героям — ведь они существуют в мире (что бы там они сами про него ни думали), который толком не знают и не могут изменить. Меня всегда манила возможность написать книгу, в которой герои в какой-то степени осознавали бы эту свою ситуацию» (цит. по [Анцыферова, 2014: 10]).

Может показаться, что история судьбы Кит остается практически нерассказанной, она сама, как заметила рецензент романа Элизабет Хэнд, «словно в западне, оказывается не по ту сторону зеркала» [Hand, 2002: 42], а вся ее сознательная жизнь «становится постскриптумом ее романа с Фалиным» [Dalglish, 2002]. Однако сама Кит знала, что Фалин снял с нее заклятие безмолвия, которое долгое время давило ее (р. 148), наполнил поэзией и помог обрести свой поэтический голос. На прощание он пообещал ей, что она «будет писать свои стихи. Это будет еще труднее, но и еще прекраснее» (р. 258), и его пророчество сбылось. В знак признательности она назвала один из своих поэтических сборников «Переводы без оригинала». Фалин был настоящим переводчиком в высоком смысле, и об этом Кит говорит Гавриилу Семенову: «Я думала, что нужна ему, чтобы сохранить стихи от утраты. Я думала, что он выбрал меня, потому что я бы сделала это, как он хотел, просто помогала бы, а не вкладывала себя в то, что принадлежало ему. И я не возражала. <...> Но то, что мы сделали вместе, было не его стихами, а моими. И он знал это» (р. 279).

От поэтического наследия Фалина уцелело лишь одно стихотворение, которое он отправил Кит по почте незадолго до их расставания. Кит привозит этот единственный уцелевший поэтический текст, его завещание родной стране, в Россию. Стихотворение «1963» мистически датировано годом, следующим за исчезновением Фалина:

*Child, never forget that this too is true: / Дитя, никогда не забывай,
что и это правда:
So that justice in our cosmos may be preserved, / Чтобы сохранить
справедливость в нашем космосе,
The angels that watch over our nations each has an opposite, / У каж-
дого ангела, смотрящего за нашими нациями, есть антипод,
A left hand whose works the strong right hands don't know. / Левая
рука, чьи дела не знают сильные правые руки.
If a nation's angel is proud, then the other is shy/ Если ангел нации
горд, то другой робок,
Brilliant if the nation's angel is dull / Ослепителен, если ангел нации
скучен
Full of pity if the angel shows none / Полный жалости, если ее нет
у ангела нации
Laughing if it always weeps, weeping if it cannot weep. / Смеющийся,
если другой плачет, плачущий, если тот не может плакать.
But so that order may also be preserved / Но чтобы можно было
сохранить порядок
(Which has always concerned the great ones more) / (Что всегда
особенно занимало великих),
The nation's angel is the greater; older and more terrible, / Ангел на-
ции – величественнее, старше и ужаснее,
And from his sight the lesser always hides. / И от его вида малый
ангел всегда прячется.
Lost, pale and bare, he shivers and sings. / Потерянный, бледный
и нагой, он дрожит и поет.
And there is no reproach so stinging as his smile / И нет упрёка более
жалящего, чем его улыбка (p. 137).*

Для американцев цифры «1963» ассоциируются в первую очередь с годом убийства Кеннеди. Вернувшись из России, Кит так объясняет отцу свое глубоко пережитое понимание этого текста и судьбы Фалина

в истории России и США: «Он приехал в нашу страну, когда шла борьба между ангелами наций, его и нашим, и в своем гневе и страхе эти ангелы решили уничтожить мир, по крайней мере те его части, за которыми должны были наблюдать, – и все между ними тоже. <...> Они должны были уберегать нас от вреда, и, возможно, по-своему они это и делали. Но власть, которая была у них, власть, которую они дали нам в руки, была слишком огромной, и в конце концов <...> они ее отпустили. Взаимное гарантированное уничтожение. Но этого не произошло. <...> Потому что малый ангел одной из наций вмешался. От нашего имени. Он сделал предложение; он предложил себя» (р. 292).

В образе Иннокентия Фалина, жертвенного «малого ангела нации», Краули создает собирательный образ русского поэта-мученика XX века. Об этом говорит и присутствие в его биографии всех возможных составляющих трагической судьбы нации – потеря родителей – беспризорщина – лагерь – потеря жены и дочери – эмиграция, – и значимое имя. *Innokentii Falin* созвучно *innocent fallen*, невинный падший, и все, кто не знал Фалина лично, произносили его фамилию как *fallen* (р. 204). Определение «падший» неизбежно требует определяемого «ангел», и оно появляется еще в одном стихотворении Фалина об ангелах:

In some worlds my torturer is a being not like me/ В некоторых мирах
мой мучитель неподобен мне,
And his father is a fallen angel / И его отец – падший ангел,
whose father is a heedless god/ чей отец – беспечный бог,
whose father is the abyss to whom the leader bows... / чей отец –
пропасть, которой кланяется вождь... (р. 179).

Падший ангел, отец вождя-мучителя и сын беспечного бога, становится развитием темы ангелов-антиподов в стихотворении «1963» и, кроме того, перекликается с двуликим ангелом первой «Дуинской элегии» Рильке. Благодаря публикации с сохранением авторских вариантов известна антонимическая замена в описании ангела австрийским классиком: «Ведь что красота, как не начало ужаса в мере, в какой мы еще выдержим. Оттого-то мы так ею и восторгаемся: щадит нас, отвергая, вместо того чтоб разрушить. Каждый ангел прекрасен ужасен» [Рильке, 2007].

Образ двух ангелов, доминирующего и зависимого, обреченного, становится противоположностью более сильного антипода, смыкается

и с темой перевода как отражения оригинала и переводчика как «малого» спутника автора. Так триада ангел – поэт – переводчик, соотносимая с Иннокентием Фалиным, неявно вводит в текст и философию поэзии Марины Цветаевой. Цветаева писала Рильке: «Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой – будь то французский или немецкий – неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелаживать. Поэтому я не понимаю, когда говорят о французских, русских или прочих поэтах. Поэт может писать по-французски, но не быть французским поэтом. <...> Я не русский поэт и всегда недоумеваю, когда меня им считают и называют...» [Цветаева, 1998: 66]. В элегии на смерть Рильке Цветаева назвала родной язык поэта ангельским: «... пусть русского родней немецкий / Мне – всех ангельский родней!» («Новогоднее», 1927).

После немислимого напряжения для перевода с родного ангельского на чужой человеческий, перевод с одного чужого языка на другой кажется Цветаевой посильным, поэтому она горячо возражала Полю Валери: «Мне твердят: “Пушкин неперево́дим”. Как может быть неперево́дим уже переведенный, переложивший на свой (общечеловеческий) язык несказанное и несказанное? Но переводить такого поэта должен поэт» (цит. по [Эткинд, 1999: 541]). Переводить Пушкина, конечно, под силу только поэтам масштаба Цветаевой. Герой Краули ощущает, что и перевод собственных стихов с «ангельского» на родной человеческий, а потом и на иностранный человеческий задача невыполнимая, поэтому он «словно существовал в состоянии перевода. <...> В нем жил оригинал, который никто не мог прочесть» (р. 59).

Если полемическое присутствие Марины Цветаевой в «Переводчике» можно лишь предположить, то другой русский эмигрант и пушкинский мифотворец, Абрам Терц, вводится в него непосредственно⁵. В примечании к роману Краули поясняет, что заимствовал некоторые суждения Фалина о Пушкине из «Прогулок с Пушкиным»⁶.

В числе наиболее важных из этих суждений – мысль о пушкинской «всеядности» [Терц, 1992: 31]. Описывая лекцию Фалина, Краули полностью воспроизводит цитируемый Терцем отрывок из «Графа Нулина»:

⁵В американской критике сопоставление пушкинского мифа у Цветаевой и Терца встречается в монографии Стефани Сандлер, вышедшей через год после публикации романа Краули [Sandler, 2003: 306].

⁶Tertz A. Strolls with Pushkin. New Haven, 1995.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась... [Терц, 1992: 35].

Комментируя эту цитату, герой Краули непосредственно уподобляет Наталью Павловну самому Пушкину и заключает: «Поэтому Пушкин наш поэт. Не потому, что он выражает наш дух, но потому, что он его не выражает. Он – все, чем Россия и в его век, и в наш не является, его занимает все и ничто конкретное, все радуется, он одобряет и не судит» (р. 238).

Не менее значимо для русского поэтического мифа Краули и пушкинская рифма «воли» и «доли», о которой Терц писал: «Несмотря на раздоры и меры предосторожности, у Пушкина было чувство локтя с судьбой, освобождающее от страха, страдания и суеты. “Воля” и “доля” рифмуются у него как синонимы. Чем больше мы вверяемся промыслу, тем вольготнее нам живется, и полная покорность беспечальна, как птичка» [Терц, 1992: 19]. Фалин пишет в прощальном письме Кит: «Я пришел в мир, где Запад далеко, где воля и доля не рифмуются, и где в одиночестве тебя могут найти». И заканчивает свою мысль с горькой иронией: «Довольно, должно быть так, ибо, в отличие от Алисы, я не знаю пути назад» (р. 217).

Именно свободное искусство Пушкина Терц называл также «чистым искусством», которое есть особая сила, «рождающаяся в груди непреднамеренно и бесцельно, как любовь, как религиозное чувство, не поддающаяся контролю и принуждению» [Терц, 1992: 67]. Как заметил А. С. Карпов, синонимия понятий «свободное» и «чистое» была не понята многочисленными критиками книги Терца и вызвала их неприятие [Карпов, 2012: 114].

С. А. Никольский, размышляя о причинах транскультурной востребованности пушкинского – и вообще русского – понимания судьбы и свободы, высказывает мысль, что пушкинские герои, напитанные жизненной философией автора, «как бы “знают” меру своей активности. <...> Этим знанием “меры” внутри конструкции “судьбы” и силен, на мой взгляд, данный смысл русского мировоззрения. <...> Отсюда – разумная позиция “непротivления” миру

и вместо конфронтации с ним – поиск разумного компромисса как меры человеческой пассивности и активности <...> – то, что получило в русской культуре доминантное развитие» [Никольский, 2010: 107–108].

Краули наделяет своего героя не только пушкинским / русским пониманием судьбы и свободы, но и отношением к поэтической памяти. Конечно, в России XX века запоминание запрещенных стихов стало единственным способом их сохранения, но главное, как напоминает герой Краули, «чтобы стихотворение жило в читателе, он должен уметь произнести его в сердце и сознании» (р. 42). Фалин ставит единственным требованием к экзамену по своему курсу выучивание наизусть всех обсужденных в семестре стихов и надеется, что американские студенты воспримут его мысль, поскольку по-английски «наизусть» дословно означает «сердцем» (*by heart*), но видит лишь их озадаченные лица. На своем «неуверенном английском» (р. 173). Фалин не смог бы глубже выразить идею о связи памяти и поэтического видения мира, но, вероятно, ему была бы близка мысль Терца: «Пушкина не назовешь памятливым поэтом. <...> Но приведенная в брожение, разгоряченная память, попутно с имевшими место событиями, приуроченными к встречам и датам, выбрасывает иногда – и это главное, – как морская волна с дна, еще какие-то, непонятно какие, «виденья первоначальных, чистых дней». Детского, что ли, или, быть может, более раннего – невоплощенного, дочеловеческого, замладенческого состояния» [Терц, 1992: 40].

Эпиграфом к роману Краули могла бы послужить и строка «Поэт в России – больше, чем поэт». В книге не упомянут Евтушенко, но американские студенты обсуждают, что в России многотысячные стадионы собирает поэт Вознесенский, и «товарищи» боятся поэтов и не могут их уничтожить, поэтому они не тронули Пастернака и лишь выслали Фалина (р. 173). Однако безмолвие и изгнание для поэта может быть страшнее гибели, поэтому «непризнанные законодатели мира» и «малые ангелы нации» в трагические моменты истории выбирают жертвенный путь и обретают бессмертие. Современный американский автор проводит в своем романе мысль об особой «переводческой» миссии поэта как проводника между культурами, способного поднять духовное общение на особый надъязыковой уровень.

Список литературы

- Анцыферова О. Ю.* Русский культурный код в романе Джона Кроули «Переводчик» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. №2(3). С. 9–13.
- Карпов С. А.* Синявский / А. Терц: «Писательство – это инакомыслие по отношению к жизни» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012. №1. С. 107–118.
- Никольский С. А.* Глобализация и культурное наследие России: классическая литература и ее интерпретации // Философский журнал. 2010. № 2. С. 98–110.
- Мандельштам Н. Я.* Воспоминания // Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1999.
- Рильке Р. М.* Дуинские элегии / Пер. с нем. Олега Дарка // Союз Писателей. 2007. №9. Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/sp/2007/9/ra7.html>
- Терц А.* Прогулки с Пушкиным // Терц А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1992.
- Цветаева М. И.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1997–1998.
- Эткинд Е. Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999.
- Bloom H.* The Western Canon: The Books and School of the Ages. New York, 1994.
- Hand E.* The Translator // The Magazine of Fantasy and Science Fiction (San Francisco). 2002. №6. P. 42.
- Dalgleish D.* False Modesty. Электронная версия: <http://www.januarymagazine.com/fiction/thetranslator.html>
- Sandler S.* Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet. Stanford, 2003.
- Snake's Hands: The Fiction of John Crowley* / Ed. by A.K. Turner, M. Andre-Druissi. Rockville, 2003.
- Tertz A.* Strolls with Pushkin. New Haven, 1995.

Сведения об авторе: Бутенина Евгения Михайловна, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. E-mail: butenina.em@dvvu.ru

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В.А.Воропаев

ОПТИНСКИЙ АДРЕСАТ Н.В.ГОГОЛЯ¹

Поездки в Оптину Пустынь и знакомства с насельниками монастыря оставили глубокий след в душе Гоголя: «Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное» (из письма к графу А.П.Толстому от 10 июля 1850 г.). В статье речь идет о иеромонахе Филарете (в схиме Феодот; Кольцов, 1804–1873), оптинском старце, духовнике братии Гетсиманского скита при Свято-Троицкой Сергиевой лавре, – адресате письма Гоголя в Оптину (село Долбино, 20 июня 1850 г.): «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет...» Это письмо Гоголя и его суждения об обители стали хрестоматийными. В 1916 г. С.Н.Дурылин процитировал гоголевские строки и дополнил, обобщая духовный опыт многих людей: «Гоголь сказал то, что сказали бы все, оживотворенные оптинской любовью и властью, все – от Киреевского до плачущей бабы».

Ключевые слова: Гоголь, иеросхимонах Феодот (Кольцов), монастырь Оптиная Пустынь, старцы, монашество, духовное наставничество

Gogol's visits to the Optina Pustyn and his acquaintance with the community of the monastery left a deep impression on him: "I have never seen such monks. Every one of them, it seemed to me, conversed with the entire heavenly host" (from the letter to Prince Alexander Tolstoy on July 10, 1850). The article deals with Hieromonk Philaret (Theodotes in the schema, 1804–73), a starets of the Optina Pustyn, confessor of the brethren of the Gethsemane skete (hermitage) of the Holy Trinity Sergius Lavra, and the addressee of Gogol's letter to the monastery (from the village of Dolbino, on June 20, 1850): "For Christ's sake, pray for me, Father Philaret..." This letter and Gogol's opinions on the cloister are generally known. In 1916, Sergei Durylin quoted Gogol's lines and amplified them drawing on the spiritual experience of many a man: "Gogol expressed what everyone, revived with love and power of Optina Pustyn, would have said; everyone – from Kireyevsky to a weeping countrywoman.

Keywords: Gogol, Hieroschemamonk Theodotes (Koltsov), Optina Pustyn monastery, startsy, monkhood, spiritual tutorship

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №14-04-00407а («Новые аспекты изучения биографии и творчества Н. В. Гоголя»).

В Оптиной Пустыни Гоголь бывал трижды: в июне 1850 г. и в июне и сентябре 1851 г. Эти поездки и знакомства с оптинскими иноками оставили глубокий след в душе писателя. Спустя три недели после первого посещения монастыря он писал графу А. П. Толстому из Васильевки: «Я заезжал на дороге в Оптинскую Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное» (из письма от 10 июля 1850 г.) [Гоголь, 2009: 337–338].

В самом деле, прославленные ныне в лике святых четырнадцать преподобных отцов и старцев Оптинских – это лишь малая толика того святого братства, которое подвизалось в благодатной обители. Под руководством мудрых пастырей спасались десятки, сотни монашествующих и мирян. Чьи-то имена нам известны, но большинство из них ведомо теперь одному Богу.

Речь пойдет об одном из таких подвижников христианского благочестия – иеросхимонахе Феодоте (Кольцове), оптинском старце, духовнике братии Гефсиманского скита при Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Гоголь познакомился с отцом Феодотом, в ту пору иеромонахом Филаретом, во время своего первого посещения Оптиной Пустыни летом 1850 г. 19 июня Гоголь и его спутник Михаил Максимович выехали из обители в имение Ивана Васильевича Киреевского Болдино, находившееся в сорока верстах от монастыря. Отсюда Гоголь на следующий день написал письмо иеромонаху Филарету:

«Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо, и силы мои не только ничтожны, но их нет без освеженья свыше. Говорю вам об этом нележно. Ради Христа, обо мне молитесь. Покажите эту записочку мою отцу игумену и умоляйте его вознести свои мольбы обо мне грешном, чтобы удостоил Бог меня недостойного поведать славу имени Его, не посмотрев на то, что я всех грешнейший и недостойнейший. Он силен, Милосердый, сделать всё и меня, черного, как уголь, убелить и возвести до той чистоты, до которой должен достигнуть писатель, дерзающий говорить о святом и прекрасном. Ради Самого Христа, молитесь.

Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дразгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской Пустыне.

Бог да воздаст вам всем сторицею за ваше доброе дело. Ваш всею душою Николай Гоголь» [Гоголь, 2009: 332–333].

В эпистолярном наследии Гоголя трудно найти другое письмо, в котором бы так проникновенно было выражено его христианское мирозерцание, молитвенное устройство души. Долгое время адресат этого письма оставался неизвестным или указывался неверно. На самом деле им был иеромонах Филарет (в схиме Феодот; Кольцов, 1804–1873). Препятствием для правильной атрибуции стала смена имени при пострижении в схиму. Скажем несколько слов об этом великом монахе-аскете, прозорливом духовнике и молитвеннике².

Феодот Захарович Кольцов происходил из государственных крестьян Тульской губернии. В Оптину Пустынь поступил в 1834 г. тридцати лет. Находился под духовным окормлением сначала преподобного Льва (Наголкина), потом преподобного Макария (Иванова). В декабре 1842 г. пострижен в монахи с именем Филарет, в июне 1846 г. рукоположен во иеродиакона, в декабре 1849 г. – во иеромонаха. Послушание проходил на мельнице, в разных посылках, клиросным.

На протяжении многих лет отец Филарет исполнял обязанности сборщика (собирал деньги на обитель и записывал дарителей в особую тетрадь); при этом нисколько не изменилось его внутреннее монашеское устройство, что бывает далеко не всегда. Тем не менее, опасаясь вреда душевного, могущего произойти от общения с миром, он в апреле 1851 г. перешел в Спасо-Преображенский монастырь Казанской епархии, а в августе того же года – в Гефсиманский скит при Свято-Троицкой Сергиевой лавре. В декабре 1851 г. отец Филарет был назначен духовником братии. 23 декабря 1854 г. по благословению святителя Филарета, митрополита Московского, он принял схиму с именем Феодот.

Схима – высшая степень монашества, соединенная со строгими обетами самоотвержения. Монах, принявший схиму, иначе – великий ангельский образ, – дает обет отречения от мира и всего мирского. Перед пострижением в схиму отец Филарет советовался со своим духовным отцом, преподобным Макарием. Вот что отвечал ему старец в июне 1854 г:

² Пользуясь случаем, приношу благодарность оптинскому иеродиакону Платону (Рожкову) за уточнение некоторых сведений об иеросхимонахе Феодоте (Кольцове)

«В письме своем от 5 мая ты, уведомляя меня о своей болезни и о том, что лекарственные пособия не приносят тебе ощутительной пользы, между прочим говоришь, что советуют тебе просить схимы. Ты же, склоняясь на предложение сие сердечным желанием, с другой стороны, колеблешься мыслию, видя, что по телесной немощи своей не в состоянии будешь исполнять схимнического правила и на таковые твои недоумения просишь моего совета» [Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам, 2014: 383].

И далее, приведя суждения святых отцов по поводу принятия схимнического образа и о правиле для немощных, старец заключает письмо следующим рассуждением: «...если желаешь оставить духовничество и принять схиму, прежде всего должен обратиться с молением к Богу, прося Его помощи, да совершится на тебе воля Его святая; и потом, отвергая свою волю и разум, предложить сие намерение свое на рассуждение начальников и поступить во всем согласно их решению, без сомнения принимая оное за определение о тебе воли Божией» [Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам, 2014: 384].

После семилетнего пребывания в Гефсиманском скиту при Свято-Троицкой Сергиевой лавре отец Феодот пожелал совершенного безмолвия и уединения. По благословению наместника лавры архимандрита Антония (Медведева) он удалился с двумя иеросхимонахами в глубину леса за пять верст от скита. Здесь схимники построили себе кельи на расстоянии друг от друга в вержéние камня (мера длины, определяемая полетом камня средней величины) и предались безмолвию и иноческому трудам. В 1858 г. на этом месте была основана Параклитова пустынь, начальником которой назначен иеросхимонах Феодот. После пятилетнего пребывания здесь он пожелал возвратиться в Оптину, дабы найти последнее упокоение рядом с могилами святых старцев-схимников преподобных Льва и Макария.

В апреле 1863 г. отец Феодот вернулся в родную обитель и принят был с любовью оптинским настоятелем и братией. Двери его кельи никогда не закрывались для нуждавшихся в его молитвенной помощи и совете. До конца своих дней он подавал монастырской братии пример усердием к молитве и церковному богослужению, а также смирением, простотою и нестяжательностью [<Архимандрит Леонид (Кавелин)>, 1995: 242–244; Запальский, 2009: 365; Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, 2008: 270, 686–687; Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX – начала XX века, 2012: 139–141].

Отец Феодот почил мирной христианской кончиной 8 марта 1873 г. Погребен между Казанским и Введенским соборами. Как сказано в его жизнеописании, «любовь некоторых духовных чад его и расположенных к нему особ воздвигла ему памятник, внутри которого день и ночь теплится лампада пред образом Спасителя» [<Архимандрит Леонид (Кавелин)>, 1995: 244].

По всей видимости, Гоголь больше не встречался с отцом Филаретом. Во время его посещений Оптины в 1851 г. того уже не было в обители. Но нет сомнений, что молитвенное общение между ними продолжалось. В письме к монаху Порфирию (Григорову) из Одессы от 6 марта 1851 г. Гоголь передает душевный поклон «настоятелю, отцу Филарету и всей братии» [Гоголь, 2009: 401].

Письмо Гоголя к оптинскому иеромонаху Филарету (Кольцову) и его суждения об обители стали хрестоматийными. В 1916 г. С. Н. Дурылин в очерке «Начальник тишины» процитировал гоголевские строки и распространил мысль, обобщая духовный опыт многих людей: «Да, быть в Оптиной, – быть в ней всегда, когда пишешь, учишься, работаешь, страдаешь, умираешь далеко от нее – и быть все же в Оптиной... Гоголь сказал то, что сказали бы все, оживотворенные оптинской любовью и властью, все – от Киреевского до плачущей бабы» [Дурылин, 2000: 317].

Ср. отмеченное А. Б. Гольдевейзером 14 августа 1909 г. негативное отношение к гоголевскому письму Толстого: «Льву Николаевичу очень не понравилось письмо Гоголя в Оптин монастырь с просьбой, чтобы о нем молились. “Очень нехорошее письмо, – сказал Лев Николаевич. – Жалкое какое-то самоунижение и в то же время – преувеличенное значение своих писаний”» [Гольдевейзер, 1959: 293].

Весной 1853 г., к Троицкой родительской субботе (приходилась в этом году на 6 июня), Мария Ивановна Гоголь послала в Оптину деньги на помин души старшего сына Николая. Игумен Моисей отвечал ей 30 мая из монастыря: «Почтеннейшее Ваше письмо от 19-го сего мая и при оном пятьдесят рублей серебром от усердия Вашего имел честь получить, согласно христианскому желанию Вашему на приношение в обители нашей при Божественной Литургии выниманием частей о упокоении незабвенного и достойного памяти сына Вашего Николая Васильевича. Благочестивые его посещения обители нашей носим в памяти неизгладимо. По получении нами из Москвы печального известия о кончине Николая Васильевича, с февраля прошлого года

исполняется по душе его поминовение в обители нашей на службах Божиих и навсегда продолжаемо будет с общебратственным усердием нашим и молением премилосердного Господа; да упокоит душу раба Своего Николая во Царствии Небесном со святыми, а Вам да ниспослет свыше благословение, здравие и небесное утешение в огорчительном лишении единственного сына» [Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников, 2011: 120].

В наши дни поминовение Николая Гоголя на оптинских службах восстановлено.

Список литературы

- <Архимандрит Леонид (Кавелин)>. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Изд. 3-е, доп. / Репринтное издание Свято-Введенской Оптиной Пустыни, <1995>.
- Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 15: Переписка 1848–1852 / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев, 2009.
- Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств: Научно-критическое издание: В 3 т. / Изд. подготовил И. А. Виноградов. Т. 1. М., 2011.
- Гольдвейзер А. Б. Вблизи Толстого. [Б. м.,] 1959.
- Дурылин С. Н. Русь прикровенная. М., 2000.
- Запальский Г. М. Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. М., 2009.
- Летопись скита во имя святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной пустыни: В 2 т. Т. 1 / Сост. монах Марк (Хомич). М., 2008.
- Подвижники благочестия Оптиной Пустыни XIX – начала XX века: Жизнеописания. Очерки. Документы. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина Пустынь, 2012.
- Собрание писем преподобного Макария Оптинского к монахам. Т. 2 / Сост. С. О. Захарченко; Коммент. С. О. Захарченко, Т. В. Панюковой. Петрозаводск, 2014.

Сведения об авторе: *Воропаев Владимир Алексеевич*, доктор филол. наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: voropaevvl@bk.ru

К.Ю.Зубков

«АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАН» КАК ПОЛЕМИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ РАДИКАЛЬНОЙ КРИТИКИ¹

В статье рассматривается история понятия «антинигилистический роман». Хотя оно это выражение часто употребляется как научный термин, оно восходит к лексикону радикальной литературной критики XIX века. Ее представители пытались с помощью таких понятий контролировать литературный процесс, охарактеризовав всех своих оппонентов как бездарных ретроградов. В качестве примера рассматривается отношение радикальной критики к роману И.А.Гончарова «Обрыв». Уже после этого сотрудники «Русского вестника», особенно Б.М.Маркевич, заняли обозначенную радикальной критикой нишу, создавая романы, ориентированные на то, как М.Е.Салтыков-Щедрин и М.А.Антонович описывали «антинигилистов».

Ключевые слова: история литературной критики, история идей, рецепция, И.А.Гончаров, «Русский вестник»

The article is concerned with the history of the concept “anti-nihilistic novel”. Though modern researchers often use it as a term, it dates back to the vocabulary of the 19th century radical criticism. The critics attempted to control the literary process using such concepts to define their opponents as talentless retrogrades. The reception of “The Precipice” by I.A. Goncharov by the radical criticism is analyzed as an example. Later the writers of “The Russian Messenger”, especially B.M. Markevich, filled the niche thus designated by the radical criticism by creating novels which corresponded to the descriptions given to the “anti-nihilists” by M.E. Saltykov-Shedrin and M.A. Antonovich.

Key words: the history of literary criticism, the history of ideas, reception, I.A. Goncharov, “The Russian Messenger”

В большинстве работ советского периода, посвященных русскому роману 1860–1870-х гг., понятие «антинигилистический роман» используется как научный термин, обладающий определенным значением. Показательно, что посвященные антинигилистическому роману главы

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект 14-04-00284).

есть в академических историко-литературных изданиях¹. Обычно исследователи ссылаются на А. Г. Цейтлина², в статье которого никакого определения понятия «антинигилистический роман» нет. Причина этого – в том, что само понятие ко времени создания работы Цейтлина было уже хорошо известно. Более современные исследователи склонны скептически относиться к этому понятию. Наиболее последовательный критик концепции «антинигилистического романа» В. Торстенсон полагает, что выражение «антинигилистический роман» служит не научным термином, а, скорее, пейоративным определением, которое игнорирует специфику объединяемых им произведений³. Исследовательница совершенно справедливо утверждает, что это определение восходит к суждениям радикальных критиков XIX века, и ссылается на не опубликованную при жизни автора статью П. Л. Лаврова, который определял как «антинигилистическую беллетристику» «Отцов и детей» Тургенева, «Обрыв» Гончарова, сочинения А. Ф. Писемского, В. П. Ключникова, Н. С. Лескова и В. П. Авенариуса⁴.

«Письма провинциала» Лаврова – далеко не единственный пример употребления понятия «антинигилизм» в критике XIX века. Вероятно, впервые оно появилось в работах М. А. Антоновича. Уже в 1863 г. в статье «Литературный кризис» он ввел понятие «антинигилизм», сопроводив его примечательными оговорками:

«Если нигилизм в известном случае говорит да, то направление, противоположное ему, в том же случае должно сказать нет; если нигилизм в известных обстоятельствах поступает так, как говорят его противники, то они сами при тех же обстоятельствах поступают, конечно, совершенно иначе и наперекор ему. Это единственный способ для определения элемента, противоположного нигилизму; если он и не даст

¹ Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 97–120; Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Л., 1982. С. 279–314.

² См.: Цейтлин А. Г. Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. Вып. 2. С. 33–74.

³ См.: Thorstenson, Victoria. The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s. A dissertation ... for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures). University of Wisconsin-Madison, 2013. P. 24–25.

⁴ См.: Ibid. P. 26; см.: Лавров П. Л. Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях / Предисл. и публ. А. Л. Смоляк // Литературное наследство. Т. 76. И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. М., 1967. С. 181.

совершенно точного результата, то, во всяком случае, посредством его можно разъяснить этот элемент хоть настолько, насколько разъяснен нигилизм. Придумыванием названия для этого элемента нечего затрудняться; можно назвать его антинигилизмом, оптимизмом, хоть даже ерундинизмом; все эти названия произвольны и не вполне выражают сущность дела; но ведь и название нигилизма тоже произвольно и случайно; значит, и противника его можно назвать каким угодно словом, только бы оно оканчивалось на *изм*»⁵.

Полемический смысл понятия «антинигилизм» поясняет вступление к полемической статье В. А. Зайцева «Славянофилы победили» (1864), где оппоненты «нигилистов» упрекаются именно в том, что, вопреки их заявлениям, не у «новых людей», а в их собственной деятельности отсутствует положительное содержание: «Несмотря на все вопли их против отрицательного характера нигилистов, сами они ничего не делали положительного и ничего не сделали...»⁶.

В «Заметках о журналах» (1877) Антонович уже точно указал на то, что имел в виду под «антинигилистическим романом»: «...г. Тургеневу <...> нужно прямо сознаться, что он со своими «Отцами и детьми» был родоначальником антинигилистического романа, что он заронил в души всех ретроградных писак желание писать такие же романы и так же позорить нигилистов»⁷.

Антонович имел в виду роман Тургенева «Новь», где упоминается некий сотрудник «Русского вестника», несомненным прототипом которого был Б. М. Маркевич, и утверждал, что именно «Отцы и дети» Тургенева послужили образцом для этого романиста.

Итак, само понятие «антинигилистический роман» действительно было введено радикальной критикой. Уже название «антинигилистический» было призвано опровергнуть претензии оппонентов «новых людей» на «положительное» содержание⁸. Радикальная критика сознательно стремилась объединить под одним ярлыком достаточно разнородные произведения. Разумеется, этой цели служило далеко не только само наименование. Писарев, Зайцев, Антонович и другие, несмотря на принципиальные разногласия относительно того, к какому лагерю

⁵ Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1961. С. 115.

⁶ Зайцев В. А. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1934. С. 242.

⁷ Антонович М. А. Литературно-критические статьи. С. 344.

⁸ См. об этом: Трофимова Т. А. Указ. соч. С. 47–89.

следует отнести того или иного писателя, единодушно обвиняли своих литературных оппонентов как в идеологической ретроградности, так и в стремлении улаживать читателя, не думая об общественной пользе (собственно, «эстетика» и «барство» для них были тесно связаны). Рассмотрим, как радикальная критика охарактеризовала романы своих оппонентов, на примере гончаровского «Обрыва» (1869).

«Обрыв» был встречен резким осуждением. Критики демократического направления, считавшие роман клеветой на молодое поколение, пытались поставить «Обрыв» в контекст других романов, в которых, по их мнению, порочились «нигилисты». В статье М. Е. Салтыкова-Щедрина «Уличная философия» роман Гончарова сопоставляется с сочинениями Писемского, Лескова и Авенариуса:

«Волохов входит в дома, в большинстве случаев, не иначе как в окошко и через забор; он спит в телеге, покрытой циновкою; он занимает деньги, предупреждая, что не отдаст их; он не признает бессрочной любви и довольствуется любовью срочною. Все это черты, которые, по мнению г. Гончарова, характеризуют нового человека, черты, впрочем, не новые, образцы которых мы видели у гг. Стебницкого и Авенариуса, не говоря уже о г. Писемском, который в “Взбаламученном море” представил такое образцовое руководство к познанию нигилистов, что даже при самом тщательном труде едва ли кому-нибудь придется сравниться с ним в деле собирания всякого рода нигилистических черт»⁹.

Несколько ниже Салтыков-Щедрин упомянул в связи с Гончаровым и сочинения Ключников:

«Что русская жизнь обладает мотивами очень разнообразными и весьма высокого разряда, в этом мы можем убедиться даже по роману г. Ключникова “Марево”. Если автор опошлил эти мотивы, украсив их разными Горобцами, — это не доказывает их несуществования, а доказывает только наклонность романиста увлекаться легким способом отделяться от своих героев»¹⁰.

Практически тот же самый ряд авторов представлен и в статье А. М. Скабичевского «Старая правда»:

«Все прочие беллетристы одной школы с Гончаровым, и Тургенев, и Писемский, и Достоевский, и даже Ключников (имеется в виду Ключников. — К.З.), в каком только ложном свете они ни пытались

⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т 9. М., 1970. С. 69.

¹⁰ Там же. С. 73–74.

представить молодое поколение, во всяком случае имеют то преимущество перед Гончаровым, что они в молодом поколении видели хоть и заблуждающихся людей, но во всяком случае людей. <...> Достоевский в лице Раскольникова изобразил злодея, совершившего убийство на основании ложного принципа, но и к этому злодею он отнесся не без гуманности: он не бросил в него камнем желчного, злобного порицания; он не решился с тоном высокомерного бесчеловечия ткнуть пальцем убийцу и объявить, что мы не ждали в этом злодее и тени чего-либо человеческого: напротив того, и в убийце он сумел уловить биение человеческого сердца.

Гончаров же в своем изображении Марка Волохова унизился до Стебницкого и Авенариуса»¹¹.

Ряд романистов, изображавших «нового человека» с консервативных позиций, Скабичевский дополнил именами Тургенева и Достоевского, однако значительная часть романов, с которыми сопоставлялся «Обрыв», в его статье повторяет перечисленные Салтыковым-Щедриным произведения. Тургенева вспомнил в связи с «Обрывом» и Н. В. Шелгунов в своей статье «Талантливая бесталанность»: «Прототипом Марка служит Базаров. Но Базаров лучезарнее, чище, светлее. Для изображения же Марка г. Гончаров опустил кисть в сажу и сплеча, вершковыми полосами, нарисовал всклокоченную фигуру, вроде бежавшего из рудников каторжного»¹².

Таким образом, радикальные критики поместили «Обрыв» в контекст романов, где сатирически изображались «нигилисты» и «новые люди». Дело, однако, в том, что само существование такого контекста было заявлено в статьях тех же самых критиков, которые с впечатляющим постоянством повторяли, что принципиальных различий между произведениями их оппонентов не имеется. Многообразные романы настойчиво объявлялись лишь повторением уже давно известных образцов, имеющих едва ли не единственной целью очернить «новых людей». Сопоставление нового произведения, посвященного «нигилистам», с уже дискредитированными романами было типичным полемическим приемом радикальной критики. Уже роман Тургенева «Отцы и дети» (1862), одно из первых в русской литературе произведений о «новом человеке», сопоставлялся М. А. Антоновичем с романом «Асмодей нашего времени» (1858), произведением одиозного В. И. Аскоченского:

¹¹ И. А. Гончаров в русской критике: Сб. ст. М., 1958. С. 318–319.

¹² Там же. С.246.

«Последний роман г. Тургенева живо напомнил нам этого “Асмодея” своею общею мыслью, своими тенденциями, своими личностями, а в особенности своим главным героем. Говорим совершенно искренно и серьезно и просим читателей не принимать наши слова в смысле того часто употребляемого приема, посредством которого многие, желая унижить какое-нибудь направление или мысль, уподобляют их направлению и мыслям г. Аскоченского. Мы читали “Асмодея” в то время, когда автор его еще ничем не заявил себя в литературе, никому и нам не был известен и когда его знаменитый журнал не существовал еще. Мы читали его произведение с беспристрастием, совершенным индифферентизмом, без всяких задних мыслей, как вещь самую обыкновенную, но тогда же на нас неприятно подействовало личное раздражение автора и злость его по отношению к своему герою. Впечатление, произведенное на нас “Отцами и детьми”, поразило нас тем, что оно было для нас не ново; оно вызвало в нас воспоминание о другом подобном впечатлении, испытанном нами прежде... Долго мы ломали голову и не могли вспомнить этого романа; наконец “Асмодей” воскрес в нашей памяти, мы снова прочитали его и убедились, что наше воспоминание не обмануло нас»¹³.

В особенности последователен был Салтыков-Щедрин. Подробно разбирая роман Ключникова «Марево» в заметке, вошедшей в цикл «Наша общественная жизнь» (март 1864 г.), он сравнивал героев этого произведения с персонажами «Отцов и детей» Тургенева и «Взбаламученного моря» Писемского, причем даже не идеология, а сам тип отношений авторов этих романов и публики казался ему крепостническим:

«Когда преднамеренно и сознательно смешиваются понятия самые противоположные, когда этим смешением угощается публика малосведущая и плохо различающая и когда вся эта нетрудная работа производится безвозвратно, то понятно, что публика становится, так сказать, в положение крепостного человека, который, постоянным давлением на него крепостного права, доводился, наконец, до совершенной бесчувственности и полного непонимания его ненормальности. Она постоянно испытывает одни и те же веселые впечатления и потому весьма естественно покоряется их влиянию. Едва успела она сегодня прочитать веселый рассказ о Басардине, как уж завтра готов к ее услугам не менее веселый рассказ о гимназисте Горобце. И таким образом,

¹³ Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1961. С. 88.

воспитанная на Басардиных, Кукшиных и Горобцах... публика не вступает даже в разбирательство причин, почему нет и не может быть этого отпора, а прямо приходит к убеждению, что так тому делу и быть»¹⁴.

Дилогии Авенариуса «Бродящие силы» (1867) Щедрин посвятил рецензию, открывавшуюся сопоставлением ее автора с Лесковым:

«Клубничизм новейшего времени взрастил два цветка на своей почве: гг. Стебницкого и Авенариуса; но если первый из них веселит глаза радужными колоритами и утешает обоняние пряными запахами, то последний, напротив того, поражает вялостью и линючестью колоритов; благоуханий же решительно никаких: ни приятных, ни неприятных, не выпускает. Даже в тех литературных закоулках, где он привитает, г. Авенариус, по-видимому, не пользуется особенным авторитетом, и сам г. Стебницкий, который, по всей справедливости, считается его духовным родителем, отзывается об нем с снисходительностью более нежели иронической»¹⁵.

Как нетрудно заметить, Щедрин вновь обвинял своих оппонентов в развращении публики, однако на сей раз это развращение описывалось несколько по-другому: на место упрека в крепостничестве пришел упрек в порнографии. В статье «Новаторы особого рода», посвященной роману П. Д. Боборыкина «Жертва вечерняя» (1868), Салтыков-Щедрин снова вспоминает Лескова и Авенариуса, причем в контексте, напоминающем его обращение к «Обрыву»: «...традиция плотского цинизма хотя и не прерывалась, но проявлениям ее все-таки не удалось сделаться общим достоянием по причине их крайней наготы. В последнее время она начинает мало-помалу вторгаться в литературу под видом учения о милой безделице, и мы можем указать на гг. Стебницкого и Авенариуса, как на ревностнейших пропагандистов этого учения. За ними последовал г. Боборыкин и сразу подарил публику таким трактатом, с которым ничего доселе написанное по этой части сравниться не может»¹⁶.

Таким образом, сначала Авенариус в полемических целях сопоставляется с Лесковым, а в более поздней статье уже с самим Авенариусом сравнивается Боборыкин.

Те же самые романы в том же самом ряду перечислял и другие критики. В статье «Перлы и алмазны русской журналистики» (1864)

¹⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 6. М., 1968. С. 321.

¹⁵ Там же. С. 236.

¹⁶ Там же. С. 46.

В. А. Зайцев презрительно отозвался о романе Лескова «Некуда», поместив его в описанный выше ряд: «Изумление читателя вот уже второй год постоянно возрастает. При “Взбаламученном море” казалось, что гаже уже нельзя было выдумать. Вышло “Марево”. Но в “Марево” даже гадость имеет хотя какое-нибудь прикрытие... А тут вдруг является чудище, которое уж совершенно со всякого толку сбивает; читаешь и не веришь глазам, просто зги даже не видно»¹⁷.

Итак, радикальная критика выстроила своеобразный ряд романов, которые ее представителями воспринимались как враждебные, а потому агрессивно обскурантистские в идеологическом аспекте, порнографические (или, по крайней мере, сугубо развлекательные) в художественном аспекте и крепостнические в аспекте общественной позиции авторов. Возможность соотнести новый роман с ранее написанными давала критике возможность не только упрекнуть писателя в отсутствии оригинальности, но и показать, как его враждебность к развитию и прогрессу выражается во вторичности. Уже само отнесение к списку «антинигилистов» было способом определить произведение как обладающее всеми этими чертами и осудить его. Со временем ряд «антинигилистических» романов все увеличивался и увеличивался. Сопоставления писателей с дискредитировавшими себя «консерваторами» воспринимались как характерная черта «отрицательного направления» в русской литературе. Полемизируя с критиком журнала «Москва», Н. Н. Страхов писал в статье «Бедность нашей литературы»:

«Сопоставление г. Островского с г. Успенским и Белинского с Чернышевским, сопоставление лукавое, сделанное по той же манере и с теми же целями, какие в сильном ходу в наших юмористических журналах, представляющее явное подражание тому остроумию, которое так часто сводит на одну доску г. Аксакова и г. Асоченского, г. Каткова и г. Скарятину, подобное сопоставление в таком серьезном органе, как “Москва”, – факт достопримечательный»¹⁸.

Страхов, принципиальный и последовательный оппонент радикальной критики, считал подобный подход несправедливым.

Оценки и описания «антинигилистических» романов радикальной критикой также не раз подвергались сомнению. Даже в целом сочувствующий Щедрина и Писареву исследователь отмечал в их отзывах

¹⁷ Зайцев В. А. Избр. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1934. С. 224.

¹⁸ Страхов Н. Н. Литературная критика. СПб., 2000. С. 47.

об «антинигилистических романах» предвзятость и неточность¹⁹. Конечно, без полемики с Писаревым и близкими ему критиками не обходится почти ни одно современное исследование о посвященных «нигилистам» романах. Однако представляются более значимыми другие вопросы: несомненно, что отзывы радикальных критиков о многих романах были вопиюще несправедливы, однако какова была функция этих отзывов в литературном процессе? Критики, осуждавшие многочисленные произведения, среди которых были сочинения пользовавшихся большим авторитетом писателей, должны были обращаться к какому-то авторитету, подтверждающему их право на столь решительную позицию. Юрген Хабермас писал: «С тех пор, как в период романтизма возникла художественная критика, имели место противоположные тенденции... первая тенденция сводится к тому, что художественная критика притязает на роль продуктивного дополнения к произведению искусства; вторая – к ее притязаниям на роль защитницы интерпретативной потребности широкой публики»²⁰.

Именно в защиту интересов широкой публики и выступили критики-радикалы²¹. Как видно из приведенных выше цитат, критики утверждали, что защищают массу читателей от развращающего или угнетающего воздействия «ретроградных» писателей. Именно на публику были направлены «вредные» («порнографические», «крепостнические» и проч.) тенденции осуждаемых писателей, против которых выступала критика.

Апелляция к позиции публики позволяла критикам игнорировать собственно авторскую позицию романистов и, соответственно, художественную специфику произведений. Радикалов, строго говоря, невозможно обвинять в невнимании к искусству: игнорирование специфики литературных произведений лежало в основе их критической позиции. Искусство осмыслялось авторами, подобными Писареву и Щедрину, как удел рафинированных, чуждых широкой читающей публике, далеких от значимых общественных проблем «проницательных читателей» (выражение из романа Чернышевского «Что делать?», 1863). Радикалы

¹⁹ См.: *Базанов В. Г.* Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941. С. 160–171.

²⁰ *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 25–26.

²¹ Cp.: *Moser, Charles A.* Esthetics as Nightmare. *Russian Literary Theory, 1855–1870.* Princeton, 1989. P. 120.

из принципиальных соображений ставили интересы «публики» выше интересов писателей и эстетически развитых читателей. В этом отношении они, вероятно, следовали за очень популярными среди «новых людей» представителями «Молодой Германии», в литературную программу которых входил, среди прочего, отказ от разделения литературы на массовую и элитарную и от противопоставления избранной публики широкому читателю²². Критик должен был заставить литераторов повернуться лицом к широкой публике.

Литературная критика «нигилистического» типа не могла (да и не пыталась) учитывать реальные интересы публики. Единственным представителем читателей в литературе оказывались, судя по их сочинениям, сами критики, которые, тем самым, неизбежно утверждали, что именно они возглавляют литературу²³. В этой связи значимо, например, что в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855–1856) Чернышевский поместил во главу литературы той эпохи не Гоголя, именем которого сам и обозначал период, а Белинского²⁴. Именно на несовпадение мнения критики и публики обычно указывали авторы, которые пытались отвечать на обвинения. Например, в статье «Лучше поздно, чем никогда» (1879) Гончаров писал: «Со времени появления романа “Обрыв” в 1869 году мне пришлось прочесть немало суровых, даже раздражительных приговоров в печати; напротив того, в обществе лично я встречал много сочувствия, выражавшегося в горячих, иногда восторженных, конечно преувеличенных, похвалах»²⁵.

Оказавшись в роли единственных полномочных представителей читающей публики и поставив интересы этой публики выше интересов писателей, русские критики, в конечном счете, сделали себя руководителями литературного процесса.

Созданный в полемических целях стереотип «антинигилистического» романа, таким образом, оказался, в некотором смысле, навязан литературе. Писарев, Щедрин и другие критики очень агрессивно определили

²² См.: Hohendahl, Peter Uwe. 1) The Institution of Criticism. Ithaca, 1982. P. 61–63; 2) Literary Criticism in the Epoch of Liberalism // A History of German Literary Criticism / Ed. Peter Uwe Hohendahl. Lincoln, 1988. P. 189–207.

²³ См.: Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С. 14.

²⁴ См.: Вдовин А. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту, 2011. С. 170–174.

²⁵ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М., 1955. С. 67–68.

группу писателей как своих принципиальных оппонентов. Поскольку сами критики приписали себе роль прогрессивных и нравственных литераторов, за их литературными врагами закрепилась репутация ретроградов, причем создававших непристойные, развращающие публику сочинения. Разумеется, мнение Писарева или Щедрина было решающим далеко не для всех современников. Дело, однако, не в том, насколько критики смогли убедить того или иного человека, пусть даже крупного писателя. Дело в том, что критика, заняв лидирующее положение в литературе, начала определять сам набор ролей в литературном процессе. Разумеется, ни Тургенев, ни Достоевский, ни Лесков, ни Гончаров, ни Писемский, ни даже Клюшников не годились на роль бездарного литературного ретрограда. Более того, ни один из романов первой половины 1860-х гг. не подходил на роль такого произведения. Тем не менее, сама структура литературного процесса, основанная на противопоставлении «прогрессивных» и «ретроградных» писателей, была создана.

Действительно «антинигилистические» романы, которые в высокой степени подходят под описания из статей Щедрина и Писарева, появились после самих этих статей. Так, очень близки к созданному радикальной критикой образу «ретроградской» литературы произведения так называемой «молодой плеяды» сотрудников «Русского вестника» 1870-х гг.²⁶ Прозу «Русского вестника» легче понять, если обратиться к позиции наиболее плодотворного и последовательного критика журнала – В. Г. Авсеенко. Литературная критика Авсеенко вообще была во многом зависима от его оппонентов, которым пыталась ответить. Вопреки мнению исследовательницы, сводившей позицию Авсеенко к защите интересов «фешенебельного читателя» и воспроизведению идей М. Н. Каткова²⁷, Авсеенко пытался легитимировать свою позицию через отсылки к позиции широкой публики. Именно ориентация на публику позволяла Авсеенко

²⁶ См. о «молодой плеяде»: *Гайнцева Э. Г.* Антинигилистическая беллетристика «Русского вестника» 1870–начала 1880-х годов // Проблемы поэтики русской литературы XIX века: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. В. Осьмаков. М., 1983. С. 61–70; *Гайнцева Э. Г.* «Молодая плеяда» «Русского вестника» 1870-х годов, ее природа и социальная функция // Историко-функциональное изучение русской литературы: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. В. Осьмаков. М., 1984. С. 75–86; *Трофимова Т. А.* «Положительное начало» в русской литературе XIX века («Русский вестник» М. Н. Каткова). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 38–46.

²⁷ См.: *Гайнцева Э. Г.* Вопрос о романе в литературной критике «Русского вестника» 1870-х годов // Жанровые формы в литературе и литературной критике: Сб. науч. тр. Киев, 1979. С. 81–85; *Гайнцева Э. Г.* «Молодая плеяда» «Русского вестника» 1870-х годов, ее природа и социальная функция. С. 78–80.

игнорировать возражения оппонентов: «Мы имеем дело с публикой, а не с г. Пыпиным»²⁸. По мнению критика, обеспечивающий спрос читатель отрицательно относится к литературному «нигилизму»: «...общество наше совершенно разошлось с критикой, и произведения лелеемые печатью беллетристов спокойно лежат на книгопродавческих полках»²⁹.

Очевидно, имелся в виду не простонародный читатель, судя по способности приобретать периодику и книги, но, тем не менее, и не избранные ценители искусства, которые вряд ли могли оказывать влияние на продажи современных изданий. Постоянная апелляция к позиции читающей публики едва ли согласуется с позицией раннего Белинского, А.В. Дружинина и Ап. Григорьева, на которых, вероятно, опирался Авсеенко в своих характеристиках тех или иных произведений, но очень близка к точке зрения Щедрина.

Очевидные проблемы позиции Авсеенко становятся понятны, если учесть, что в 1870–1880-х гг. средний представитель читающей публики, способный покупать книги, уже далеко не обязательно был очень хорошо образован³⁰. Между тем, Авсеенко явно предполагал, что «публика» неплохо знакома с историей русской литературы. В итоге «публика» у него совершенно не соотносится с образом реального читателя, который, например, не может оценить образ Анны Карениной, поскольку «желает, чтобы героини современного романа были демократизированы в той же мере, в какой демократизировался он сам»³¹.

Фактически Авсеенко пытался исправить вкусы публики от ее же имени. Контакт с реальным читателем у критиков «Русского вестника» был не более прямым, чем у их противников: обе стороны не пытались разобраться в составе и интересах публики и апеллировали к ней только для того, чтобы обосновать свое право указывать направление развития литературы.

Отдельные эстетические принципы Авсеенко также зависимы от позиции его оппонентов. Характеризуя отношение современной русской критики к роману, Авсеенко перечислял «общие требования

²⁸ А<всеенко В.Г.> Новое слово старой критики // Русский вестник. 1874. №3. С. 463.

²⁹ А<всеенко В.Г.> Нужна ли нам литература? // Русский вестник. 1873. №5. С. 391.

³⁰ См. о распространении «промежуточного» слоя публики, достаточно многочисленной, но не вполне способной понимать литературу «толстых журналов»: Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 30–33.

³¹ А<всеенко В.Г.> По поводу нового романа графа Толстого // Русский вестник. 1875. №5. С. 413–414.

художественной литературы» к этому жанру: «...роман должен представлять полное внутреннего и внешнего интереса развитие драмы, служить живым и верным отражением действительности, изображать типы и характеры в их обусловленных жизнью столкновениях и, в конце концов, действовать воспитательно на читающую массу, указывая ей нравственные идеалы в жизни или возбуждая в ней честное негодование к общественному злу»³².

Очевидно, сотрудник «Русского вестника» полагал, что выдвигаемые им требования должны ассоциироваться с требованиями романтической эстетики, доминировавшими в русской критике, по меньшей мере, со времен Белинского. Между тем, описывая «вечные», как он выражался, законы искусства, Авсеенко во многом следовал за столь раздражавшей его демократической критикой, хотя и менял данную ею оценку на диаметрально противоположную.

Убеждение, что романист обязан воспитывать «читающую массу», воспроизводит, хотя и с переменной знака, повторявшееся Щедриным и другими обвинение в развращении публики. Примером «драматического интереса» Авсеенко называет Дюма-отца, «искусство которого задумать и развить интригу романа может считаться образцовым»³³.

В таком понимании драматизм недалек от развлекательности «веселого» романа, в котором, по мнению Щедрина, развлекательное начало скрывает от публики «ретроградную» идею. Довольно терпимо критики «Русского вестника» относились и к открытому эротизму в романе. Скептически отозвавшись об общественной тенденции романа П. Д. Боборыкина «Полжизни» (1873), Авсеенко, например, высоко оценил одну из сюжетных линий – «похождения мраморной красавицы», причем обосновал свою оценку так: «Нравственность в беллетристике – вещь желательная в теории, но редкая на практике <...> изящная литература часто и смело переступала ее законы, причем виновниками сплошь и рядом оказываются даже таланты более серьезные и более могучие, чем г. Боборыкин. <...> Мы не боимся прибавить, что изображение порока эффектнее, сценичнее изображения добродетели и что именно г. Боборыкин умеет изображать порок весьма и весьма пикантно»³⁴.

³² А <всеенко В.Г.> Нужна ли нам литература? С. 392.

³³ Там же.

³⁴ Л. Н. Французский роман в русской литературе // Русский вестник. 1874. №1. С. 424.

Авсеенко, видимо, отвечает Щедрина, в статье «Новаторы особого рода» писавшему об авторе романа Боборыкина «Жертва вечерняя» (1869): «...из всего ныне действующего хлама он признал наиболее любопытным тот, который, по-видимому, всего меньше дает материала для каких бы то ни было выводов, а именно: нимфоманию и приапизм»³⁵.

Рассуждая о верности истинного писателя «действительности», Авсеенко противопоставлял такому автору любимого критикой литератора, который складывает произведение «из скучных, карикатурных и далеких от натуры сцен»³⁶. Правдивое изображение действительности, по мнению критика, во-первых, по определению ослабляет возможности сатирического («карикатурного») изображения действительности, а во-вторых, не может быть «скучным». Все это вновь возвращает к радикальной критике, которая искала в литературе основания для негативной оценки действительности и отрицала необходимость «развлекать» читателя. Наконец, требуя «типичности», Авсеенко имел в виду связь некого образа с его историческим окружением. По крайней мере картина И. Е. Репина «Бурлаки», по его мнению, хотя и содержала «типы» бурлаков, целостным художественным произведением не была, тогда как «Евгений Онегин» и «Горе от ума» были, поскольку отразили сознание русского общества 1820–1830-х гг.³⁷ Таким образом, требование «типичности» для Авсеенко прямо противостояло столь значимой для радикальной критики идее отказа от исторического объяснения человеческого характера³⁸. Более того, оказывалось, что уже Пушкин и Грибоедов были оппонентами радикальной критики. Авсеенко и другие критики «Русского вестника» стремились, в противовес современному «журнализму», апеллировать к «вечным» законам литературы и объявить себя последователями более или менее безоговорочных авторитетов, среди которых Пушкин, Тургенев и Л. Толстой. Вопреки их декларациям, однако, в самой формулировке этих законов публицисты «Русского вестника» во многом были вторичны по отношению к стереотипам, созданным их оппонентами, как раз выступавшими против «эстетики».

³⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 9. С. 38.

³⁶ А <всеенко В. Г.> Нужна ли нам литература? С. 392.

³⁷ См.: Там же. С. 395–396, 414–417.

³⁸ Макаев М. С. Спор о человеке в русской литературе 60–70-х гг. XIX века: Литературный персонаж как познавательная модель человека. М., 1999. С. 43–52.

Еще более заметно полемические стереотипы реализованы в прозе «Русского вестника», например, Маркевича. Этот плодовитый литератор совершенно сознательно строил свои романы как противовес беллетристике «Отечественных записок» и «Вестника Европы»³⁹. Наиболее influentialными из представителей «нигилистического» направления он считал именно критиков – Добролюбова и Писарева⁴⁰. Романист с гордостью сообщал, что его сочинения противостояли «нигилистическому» влиянию на молодежь, распространявшемуся, вероятно, посредством печати, и передавал отзыв московского студента о романе «Марина из Алого Рога»: «...нам вдруг представились *живые* и глубоко сочувственные типы в среде, к которой *нас* приучили относиться с пренебрежением или враждой...»⁴¹.

Романы Маркевича (за возможным исключением первого – «Типы прошлого», 1867⁴²) практически полностью подходят под схему «антинигилистического романа». Упреки в неоригинальности выглядят странно, когда высказываются в адрес Тургенева или Гончарова, однако вполне могли бы быть высказаны Маркевичу, чей «творческий почерк <...> определялся граничившей с подражанием ориентацией на Тургенева и Л. Н. Толстого»⁴³.

Явно соответствует цитированным выше характеристикам «антинигилистического романа» концепция человека из романа «Марина из Алого Рога» (1873): здесь и четко обозначенное предпочтение, которое автор отдает высшим сословиям перед низшими, и попытки мотивиро-

³⁹ См. его письмо к П. К. Щербальскому от 4 апреля 1882 г. (Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и др. СПб., 1888. С. 165).

⁴⁰ См. письмо к тому же адресату от 3 марта 1883 г. (Там же. С. 177).

⁴¹ См. письмо к А. К. Толстому от 25 сентября 1873 г. (Там же. С. 128–129; выделено Б. М. Маркевичем).

⁴² См. о нем: *Альтшуллер М.* Нигилист Кирилин в романе Болеслава Маркевича «Типы прошлого» и Марк Волохов И. А. Гончарова // Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8. –10. Oktober 1991 / Hg. von Peter Thiergen. Köln, 1994. P. 343–352.

⁴³ *Майорова О. Е.* Маркевич Болеслав Михайлович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. Т. 3. К–М. М., 1994. С. 520. О принципиальной вторичности прозы Маркевича см.: *Гайнцева Э. Г.* «Молодая плеяда» «Русского вестника» 1870-х годов... С. 80–84; *Гайнцева Э. Г.* И. С. Тургенев и «Молодая плеяда» писателей «Русского вестника» 1870–начала 1880-х годов // И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина. Л., 1990. С. 145–150.

вать это предпочтение «эстетическими» соображениями, и нарочитое внимание, уделяемое «духовному» началу в жизни человека, которое неожиданным образом оказывается обратной стороной общественной позиции автора⁴⁴. Само отождествление антидемократической тенденции и эстетизма, которое критики отмечали в «антинигилистических» романах еще в 1860-е гг., очень ярко выразилось уже в поздних сочинениях Маркевича. Эта проза написана усложненным языком, делающим ее малопонятной для недостаточно образованного читателя. Более того, стилистическая непрозрачность у Маркевича обычно сопровождается упоминанием огромного множества реалий и ситуаций, лежащих совершенно за пределами опыта «демократического» читателя, вкраплениями слов и выражений на неизвестных этому читателю языках, отсылками к недостаточно известным ему произведениям искусства.

Примеров можно было бы привести десятки. Ограничимся двумя фрагментами из первой главы романа «Бездна» (1883–1884). Первый из них привлек бы внимание, например, Щедрина не только переусложненностью, но и эротическим содержанием:

«“Барышня” была действительно очень красива в своем простеньком, но изящно скроенном платье из небеленого холста, убранном *русскими* кружевами с ободочками узора из красных ниток, под которым вырисовывались пышно развитые формы высокого девственного стана, и в соломенной шляпе *à la bergère*, утыканной кругом полевыми цветами, только что нарванными ею в поле. Из-под шляпы выбивались густые пряди темных, живописно растрепавшихся волос кругом правильного, строго овального и бледного лица. Над большими, цвета *aquae marinae* глазами редко выделялись от этой бледности кожи тонкие, как говорится, в ниточку дуги почти совершенно черных бровей... “Берегись женщины бледной, черноволосой и голубоглазой”, – говорят в Испании...»⁴⁵.

Второй фрагмент примечателен сближением, почти отождествлением крестьянина и животного (здесь Маркевич соответствует принципам Авсеенко, отождествлявшего художественное изображение народа и «взгляд сверху вниз» на его представителей⁴⁶):

⁴⁴ См.: *Макеев М. С.* Указ. соч. С. 134–139.

⁴⁵ *Маркевич Б. М.* Полн. собр. соч. Т. 8. М., 1912. С. 2–3. Курсив Б. М. Маркевича.

⁴⁶ *А <всеенко В. Г.>* Исторический роман. «Пугачевцы» Евг. Салиаса // Русский вестник. 1874. №4. С. 872.

«Они стояли теперь пред рвом, окаймлявшим старый, пространный и запущенный сад усадьбы ее отца. Ров успело уже почти доверху завалить от времени и неприсмотра. Люди и животные ближайших деревень равно беспрепятственно проникали чрез него для всякой своей потребности в этот “барский” сад, – разбитый при Елисавете искусным в своем деле французом, выписанным из Версаля тогдашним владельцем Юрьева, генерал-поручиком Артемием Ларионовичем Буйносовым, сподвижником Апраксина и Ласси в Семилетней войне, – распоряжались в нем на полной своей волюшке: поедали и вытаптывали молодую поросль, сдирали кору с лип и берез, рубили на веники сиреневые кусты... Следы старых аллей давно исчезли; их заменили змеившиеся во все стороны тропинки, проложенные овцами и крестьянскими детьми, бегавшими сюда, в силу старой рутины, “по ягодки и орешки”, давно уже повыведенные здесь в общем разоре...»⁴⁷.

Действительно выдающиеся произведения, которые Антонович, Зайцев и Лавров заклеили как «антинигилистические», едва ли соответствовали их описаниям, однако сама влияние радикальной критики породила представление о ряде «антинигилистических» романов, сочиненных такими писателями, как Тургенев, Гончаров и Достоевский. Продолжить этот – фактически несуществующий – ряд и решили сотрудники «Русского вестника». Однако их понимание эстетической и идеологической природы «антинигилистического романа» определялось не произведениями Тургенева, Гончарова и Достоевского, а статьями тех самых нигилистов, влияние которых Авсеенко, Маркевич и прочие пытались победить. Настоящий «антинигилистический» роман был создан, как ни странно, скорее его оппонентами-критиками, а уже потом реализован в литературе.

В условиях, когда критик не имел действительного контакта с необычайно, по меркам предшествовавших десятилетий развития литературы, разнородной публикой, он не мог и быть вполне ответственным за свою литературную позицию и был обречен на выражение личных идейных убеждений⁴⁸. Именно плодом таких убеждений и было понятие «антинигилистический роман». Пытаясь пересмотреть пристрастные оценки таких романов, исследователи неоднократно предлагали концепции «антинигилистического романа», противоречащие пониманию

⁴⁷ Маркевич Б. М. Собр. соч. Т. 8. С. 7–8.

⁴⁸ См.: Hohendahl, Peter Uwe. The Institution of Criticism. P. 64–66, 75–77.

жанра в радикальной критике⁴⁹. Однако сам выстроенный Щедриным, Писаревым и другими авторами ряд «антинигилистических» романов далеко не нейтрален. Как бы ни оценивалось качество полемических романов середины XIX века, как бы ни переосмысливалось само противопоставление «за» и «против» нигилизма, анализ русской прозы в рамках такой оппозиции поддерживает предложенное радикальной критикой устройство литературного процесса.

Список литературы

- А<всеенко В.Г.>* Нужна ли нам литература? // Русский вестник. 1873. №5. С. 390–422.
- А<всеенко В.Г.>* Новое слово старой критики // Русский вестник. 1874. №2. С. 802–830; № 3. С. 431–463.
- А<всеенко В.Г.>* Исторический роман. «Пугачевцы» Евг. Салиаса // Русский вестник. 1874. №4. С. 865–894.
- А<всеенко В.Г.>* По поводу нового романа графа Толстого // Русский вестник. 1875. №5. С. 400–420.
- Антонович М. А.* Литературно-критические статьи. М.; Л., 1961.
- Гончаров И. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1952–1955. Т. 8.
- И. А. Гончаров в русской критике: Сб. ст. М., 1958.
- Зайцев В. А.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1934. Т. 1.
- Лавров П. Л.* Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях // Литературное наследство. Т. 76. И. С. Тургенев: Новые материалы и исследования. М., 1967. С. 163–193.
- Л. Н. Французский роман в русской литературе* // Русский вестник. 1874. № 1. С. 411–429.
- Маркевич Б. М.* Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. 8. М., 1912.
- Письма Б. М. Маркевича к графу А. К. Толстому, П. К. Щербальскому и др. СПб., 1888.
- Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 6. 1968; Т. 9. 1970.
- Страхов Н. Н.* Литературная критика. Сб. ст. СПб., 2000.
- Альтишюллер М.* Нигилист Кирилин в романе Болеслава Маркевича «Типы прошлого» и Марк Волохов И. А. Гончарова // Ivan A. Gončarov: Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz. Bamberg, 8.–10. Oktober 1991 / Hg. von Peter Thiergen. Köln, 1994. С. 343–352.
- Базанов В. Г.* Из литературной полемики 60-х годов. Петрозаводск, 1941.
- Батюто А. И.* Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980–1983. Т. 3. 1982. С. 279–314.
- Вдовин А.* Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011.

⁴⁹ См., напр.: *Смирнов И. П.* Психодиахροнологика: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 106–130.

- Гайнцева Э.Г.* Вопрос о романе в литературной критике «Русского вестника» 1870-х годов // Жанровые формы в литературе и литературной критике: Сб. науч. тр. Киев, 1979. С. 61–85.
- Гайнцева Э.Г.* Антинигилистическая беллетристика «Русского вестника» 1870–начала 1880-х годов // Проблемы поэтики русской литературы XIX века: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1983. С. 61–70.
- Гайнцева Э.Г.* «Молодая плеяда» «Русского вестника» 1870-х годов, ее природа и социальная функция // Историко-функциональное изучение русской литературы: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1984. С. 75–86.
- Гайнцева Э.Г.* И. С. Тургенев и «Молодая плеяда» писателей «Русского вестника» 1870–начала 1880-х годов // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества Л.: Наука, 1990. С. 122–149.
- Майорова О.Е.* Маркевич Болеслав Михайлович // Русские писатели. 1800–1917: Биобиблиографический словарь. Т.3. К–М. М., 1994. С. 519–521.
- Макеев М.С.* Спор о человеке в русской литературе 60–70-х гг. XIX века. Литературный персонаж как познавательная модель человека. М., 1999.
- Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.
- Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
- Смирнов И.П.* Психодиакхронология: Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.
- Сорокин Ю.С.* Антинигилистический роман // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1962–1964. Т. 2. 1964. С. 97–120.
- Трофимова Т.А.* «Положительное начало» в русской литературе XIX века («Русский вестник» М.Н. Каткова): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
- Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 7–31.
- Цейтлин А.Г.* Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. Вып. 2. С. 33–74.
- Hohendahl P. U.* The Institution of Criticism. Ithaca; London, 1982.
- Hohendahl P. U.* Literary Criticism in the Epoch of Liberalism // A History of German Literary Criticism. Lincoln; London, 1988. P. 179–276.
- Moser Ch.A.* Esthetics as Nightmare: Russian Literary Theory, 1855–1870. Princeton, 1989.
- Thorstenson V.* The Dialog with Nihilism in Russian Polemical Novels of the 1860s–1870s: A dissertation ... for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures). University of Wisconsin-Madison, 2013.

Сведения об авторе: *Зубков Кирилл Юрьевич*, кандидат филол. наук, доцент филологического факультета СПбГУ, младший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского дома). E-mail: k_zubkov@inbox.ru

А.В.Бассель

«PETERSBURG» МАКСА БАРТЕЛЯ И «ПЕТЕРБУРГ» ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

В статье рассматривается история создания и особенности перевода стихотворения немецкого пролетарского поэта Макса Бартеля «Петербург». Стихотворение было написано под впечатлением от письма заключенного в тюрьму политика Карла Радека, который глубоко переживал события русской и немецкой революций. Составивший сборник из своих переводов стихов Бартеля Мандельштам включил в него и «Петербург», сделав текст органичным не только собственной поэтике, но и всей русской литературе.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, Макс Бартель, стратегия перевода, русско-немецкие связи.

The article is devoted to the process and peculiarities of Osip Mandelstam's translation of "Petersburg", a poem by a German proletarian poet Max Barthel. The poem was inspired by a letter from an imprisoned politician Karl Radek, who was deeply concerned about the course of the unfolding revolutions in Russia and Germany. The article analyzes the work as part of Mandelstam's collection of translations from Barthel, and shows that the translation strategy chosen by the Russian poet enabled him to make the poem an organic part of his own poetic heritage, as well as Russian literature at large.

Key words: Osip Mandelstam, Max Barthel, translation strategy, Russian-German relations.

В 1925 г. в Госиздате вышла книга немецкого поэта Макса Бартеля «Завоюем мир!» в переводе Мандельштама. Сборник открывался стихотворением «Петербург».

Бартель был коммунистом, членом радикально левой группировки «Союз Спартака»; в Первую мировую воевал солдатом на Западном фронте; в Ноябрьскую революцию 1918 г. участвовал в неудачном восстании в Штутгарте. С 1916 г. издавал сборники стихов, где описывал свои военные переживания, осуждал бессмысленность и жестокость войны и призывал немецких рабочих к революции.

Стихотворению «Petersburg» поэт придавал большое значение: им открывается поэтическая книга «Utopia» (1920) и завершается поэтическая книга «Arbeiterseele» («Душа рабочего») (1920). «Utopia»

имеет посвящение Карлу Радеку, где говорится о полученном от Радека письме, произведшем на поэта сильное впечатление.

Письмо Радека приведено в автобиографии, написанной Бартелем тридцать лет спустя, и, по всей видимости, именно оно послужило источником образности сборника¹.

Коснемся в нескольких словах обстоятельств, при которых это письмо было написано. В ноябре 1918 г. Радек был отправлен в Германию на Конгресс Советов в качестве представителя ЦК советов рабоче-солдатских депутатов. В середине февраля 1919 г. он был арестован и посажен на несколько месяцев в тюрьму Моабит. Находясь в заключении, Радек тяжело переживал свое отсутствие в Петрограде и свою беспомощность в то время, когда город особенно нуждался в поддержке.

Из тюрьмы Радек писал Бартелю о своих переживаниях и просил воплотить их в художественной форме. Когда Радек «на крыльях любви к немецким рабочим» приехал в Германию, то «был убежден, что они станут первыми создателями новой жизни, в то время как русские рабочие будут еще истекать кровью, разрушая старое...» (Barthel, 1950, 58).

Радек описывает героизм рабочих Петрограда, отважившихся «перевернуть мир», и решимость Ленина, который выбрал подходящий для переворота момент и поднял рабочих на революцию, «фабрику за фабрикой, завод за заводом». Радека во время революции не было в Петрограде, но он напряженно следил за ходом событий из Европы. В газетах события описывались обрывочно и противоречиво, и тогда Радек поехал в Петроград сам; какова же была его радость, когда из окна поезда он увидел вооруженных рабочих, «первую рабочую армию, которая сражалась за свои интересы, а не за капитализм», и понял, что теперь власть в «наших» руках (Barthel, 1950, 60–61). Упоминает Радек и о своем участии в переговорах в Брест-Литовске, и об отчаянном нежелании заключать мир на унижительных условиях. Письмо заканчивается словами о бедственном положении, в котором находится Петроград, отчаянии автора от собственного бессилия и страстным призывом:

«...Я мог бы написать пару статей, но лучше я напишу письмо Вам. Вы поэт, а значит, человек, которому дано величайшее счастье

¹ Barthel M. Kein Bedarf an Weltgeschichte. Geschichte eines Lebens. Wiesbaden, 1950. S. 57–65. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

и проклятье чувствовать острее обычных людей и предавать свои мысли бумаге. Если мое письмо наваяло Вам образы Петрограда и петроградских рабочих, воплотите их для немецких рабочих. Не знаю, насколько это возможно, но если даже Вы не сможете увековечить эту картину, примите в сердце город борющихся пролетариев и подумайте как брат обо мне, страдающем из-за того, что я не могу бороться вместе с Петроградом» (Barthel, 1950, 65).

Стихотворение «Петербург» – прямой ответ на просьбу Радека. Из нижеприведенной таблицы очевидно, что Бартель в своем стихотворении не только перенимает настроение и образы Радека, но и несколько раз почти дословно цитирует текст его письма.

Письмо Карла Радека Макс Бартелю	Стихотворение Макса Бартеля «Petersburg»
«Ein Gitter trennte mich von der Stadt, und ich zerrieb mich an ihm, suchte mich durch alle Gitterstäbe zu zwängen und wollte durch den schweren Nebel zu meinen Brüdern...» «Решетка отделяла меня от города, и она изводила меня, я искал, как бы протиснуться через ее прутья, и хотел через тяжелый туман к моим братьям...»	«Vor dem Fensterkreuz der Zelle kreuzigt mich ein neues Gitter, // Ist mit tiefster Qual beladen, hängt voll drohender Gewitter...» «Перед оконным переплетом камеры распинает меня моя новая решетка, // Она полна глубокой мукой, полна угрожающей грозы...» «Wachs' ich über Raum und Zeiten in die brüderliche Ferne...» «Я расту через пространство и времена в братскую даль...»
«Ich sitze da, messe meine Zelle aus, warte auf Nachrichten und beiße mir die Finger wund...» «Я сижу тут, измеряю (шагами) мою клетку, жду новостей и кусаю в кровь свои пальцы...»	«Und ich hab in Trotz und Ohnmacht meine Lippen wundgebissen...» «И я в упрямстве и бессилии мои губы до крови кусаю...»
«...Lenin, als er, der kühle Stürmer, erklärte: "Die Zeit ist gekommen!"» «...Ленин, расчетливый нападающий, объясняет: "Время пришло!"»	«Lenin spricht, der kühle Stürmer: "Auf, es ist die Zeit gekommen!"» «Ленин говорит, расчетливый нападающий: "Вставайте, время пришло!"»

Письмо Карла Радека Максу Бартелю	Стихотворение Макса Бартеля «Petersburg»
«Und nun kämpfen sie gegen Judenitsch, gegen die englischen Tanks und die Schiffskanonen der "Großen Flotte"». «И теперь борются они против Юденича, против английских танков и корабельных пушек "большого флота"»	«Schick nur deine weißen Gardien, Tanks und Generale // Und die golden Bankhyänen: nicht erwügst du unsere Seele...» «Пошли только свою белую гвардию, танки и газ и генералов И золотые банковские гиены: не задушить тебе наших душ!» «Petrograd: die Schiffskanonen ziehen scharf auf deine Türme...» «Петроград: корабельные пушки целятся четко в твои башни...»

Как видим, комплекс чувств и мыслей лирического героя, а также сюжет стихотворения «Petersburg» откликаются множеством соответствий в радековском письме.

Немецкий исследователь Мартин Ректор считает главной целью Бартеля так называемую «автостилизацию» («Selbststilisierung») и пытается доказать, что для Бартеля создание собственного образа, образа поэта современности, ведущего за собой народные толпы, было гораздо важнее конкретных им проповедуемых идей². Бартель был готов стать сторонником любой политической партии, лишь бы ее идеи пользовались популярностью и приносили популярность творчеству самого Бартеля³. Ректор отмечает, что мысли и чувства, выраженные в письме Радека, вполне соответствовали тому «автообразу», который стремился создать Бартель: большая часть стихотворения посвящена переживанию лирического героя, наделенного апостольской ролью («Will ich jetzt als dein Apostel zu den deutschen Brüdern sprechen» – «Я теперь хочу

² Rector M. Über die allmähliche Verflüchtigung einer Identität beim Schreiben. Überlegungen zum Problem des "Renegatentums" bei Max Barthel // Literaturwissenschaft und Sozialwissenschaft 10. Kunst und Kultur im deutschen Faschismus / Hrsg. von Ralf Schnell. Stuttgart; Metzler, 1978. S. 261–284.

³ Эти обвинения вызваны политически нелинейной биографией Бартеля: до 1923 г. он был активным членом коммунистической партии, потом стал членом социал-демократической партии Германии, а потом и вовсе перешел на сторону национал-социалистов.

как твой апостол говорить с немецкими братьями»). «[Бартель] создает образ страдающего пророка-мученика, пробуждающего народ своим примером»⁴.

Стоит отметить некоторое несоответствие стихов реальным обстоятельствам жизни Бартеля. Лирический герой «Петербурга» осуждает немецких рабочих за бездействие, в то время как автор стихотворения был в числе этих бездействующих сам. Бартель, участвовавший в Штутгартском восстании 1919 года, был избран одним из делегатов от повстанцев. Делегаты, безуспешно выдвигавшие требования революционеров правительству, капитулировали первыми, в то время как основная масса рабочих была готова продолжать восстание⁵.

Другой парадокс, связанный с этим стихотворением, касается его перевода на русский язык. Стихотворение о Петербурге, написанное немцем Бартелем, который на момент его написания в Петербурге ни разу не был⁶, переводит петербуржец Мандельштам.

Свидетельств, прямо проясняющих, почему Мандельштам взялся переводить Бартеля, нет. Но можно предположить, что это связано с влиянием Бухарина, который сотрудничал с Радеком и был знаком с самим Бартелем. Возможно, с Радеком был знаком и Мандельштам. Об отношениях Бухарина и Мандельштама⁷ писала Надежда Яковлевна: «Мы “ходили” к Николаю Ивановичу с 22 года, когда О. М. хлопотал за своего арестованного брата Евгения Эмильевича... Всеми просветами в своей жизни О.М. обязан Бухарину. Книга стихов 28 года никогда бы не вышла без активного вмешательства Николая Ивановича...» и т. д.⁸

Близкий к издательской деятельности Бухарин мог помочь Мандельштаму получить заказ на переводы Бартеля. На эту мысль натал-

⁴ Klein A. Im Auftrag ihrer Klasse. Weg und Leistung der deutschen Arbeitsschriftsteller 1918–1933. Berlin; Weimar, 1972. S. 116.

⁵ Fritton H. M. Literatur und Politik in der Novemberrevolution 1918–1919. Theorie und Praxis revolutionärer Schriftsteller in Stuttgart und München (Edwin Hoernle, Fritz Rück, Max Bathel, Ernst Toller, Erich Mühsam). Frankfurt am Main, 1986. S. 21–23.

⁶ Впервые поедет в Россию по предложению Радека в 1920 г.

⁷ Благодаря Бухарину, брата Мандельштама Евгения освободили из-под ареста; когда же Мандельштама самого арестовали, Бухарин написал письмо Сталину, которое удостоилось знаменитой сталинской резолюции «Кто дал им право арестовывать Мандельштама? Безобразия»).

⁸ Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 191.

кивает и именование отделения Госиздата, где вышла книга переводов Мандельштама: «Типография им. Н. Бухарина».

Бухарин в политических и издательских делах часто сотрудничал с Радеком. Последний, по-видимому, был заинтересован в переводе стихотворения, в создании которого он, можно сказать, принимал участие. В 1918 г. Бухарин и Радек редактировали газету «Коммунист», потом журнал «Коммунист», вместе были приглашены в Берлин на Всегерманский съезд Советов, вместе были членами редакционной комиссии съезда по профсоюзному вопросу, а в то время, когда Бухарин был редактором «Правды», Радек был ее корреспондентом.

Непосредственно же с Бартеlem Бухарин познакомился во время Конгресса Коминтерна (Москва, 1920): «...Мы решили удивить товарища Бухарина своим массовым визитом. <...> Когда мы появились в столь поздний час, он засмеялся и попросил свою жену сделать много чаю и поставить сигареты на стол. Мы убрали книги со стульев и скамеек, сели, стали пить чай, курить бесчисленное множество сигарет, говорить и спорить. Это была русская ночь, исполненная деловыми заявлениями и дикими догадками...» (Barthel, 1950, 99).

Во время Конгресса Бартель встретился и с Радеком, будучи с ним ранее знакомым только по переписке. Эта встреча его разочаровала. Поэт прочитал Радеку одно из своих новых стихотворений, на что Радек заявил, что оно ему не понравилось, ревниво назвал его «Konkurenzgedicht zu Petrograd» и посоветовал Бартелю прочитать, выучить и перевести стихи Маяковского и Демьяна Бедного (Barthel, 1950, 85–86).

Мандельштам мог познакомиться с Радеком через Л. Рейснер, гражданскую жену Радека с 1923 г. (если они не познакомились раньше без ее участия). Почти что прямым свидетельством знакомства Радека и Мандельштама является брошюра «За кулисами французской печати» (ЛенГИЗ, 1926): ее редактором и автором предисловия был Радек, перевод же осуществлял Мандельштам. Книга, по всей видимости, была для Мандельштама важна, поэтому он поместил 18 июля 1925 г. в журнале «Ленинград» свою рецензию-анонс на нее под названием «Кулисы французской печати» (подп. «Колобов»). Работа над «Кулисами...» шла почти одновременно с работой над переводами из Бартеля.

Итак, Мандельштам взялся за работу над книгой «Завоеем мир!» и открыл свой сборник столь важным для Радека стихотворением «Петербург», неслучайно будучи знакомым с людьми, для которых творчество Бартеля было немаловажным.

Мандельштам публикует перевод бартелевского стихотворения «Петербург» не единожды. Впервые текст был напечатан 12 окт. 1924 г. под заголовком «Ленинград» в «Красной газете»⁹, одной из главных газет страны. На вторую половину 1920-х годов пришелся пик многолетнего сотрудничества Мандельштама с «Красной газетой»: в вечерних выпусках были напечатаны «Киев», «Березиль», «Московский еврейский театр», «Жак родился и умер», здесь же зародился и знаменитый «уленшпигелевский» скандал. Мандельштаму приписываются и многочисленные анонимные рецензии (вторая половина 1920-х гг.) на книги Ленгиза, Гиза и книги на иностранных языках¹⁰.

«Ленинград» – одна из первых публикаций Мандельштама в «Красной газете». Этот перевод короче бартелевского оригинала и основной редакции перевода, опубликованной в сборнике «Завоюем мир!»: из шестнадцати строф оригинала представлены только одиннадцать. В переводе присутствует фрагмент, отсутствующий в оригинале (подробнее об этом речь пойдет ниже).

Известна только одна редакция бартелевского «Петербурга». Логично предположить, что Мандельштам переводил это стихотворение, как и все остальные, вошедшие в книгу «Завоюем мир!», с текстов, напечатанных в бартелевских сборниках. Сокращения и изменения текста принадлежат переводчику и отчасти спровоцированы идейно-политической направленностью номера.

На первой полосе газеты помещены две заметки о положении дел в Германии: первая («Руки прочь от Советского союза!») – о митингах, организованных в Берлине немецкой компартией против попыток военного вмешательства II Интернационала во внутренние дела СССР; вторая («Долой палачей германских рабочих! Борьба пролетариата против плана Дауэса»¹¹) – о кельнском съезде коммунистических депутатов, задачей которого было «организовать борьбу пролетариата против лондонского соглашения союзников, закабаляющего германских рабочих». Заметку завершают слова немецкого делегата Рута Фишера:

⁹ С некоторыми неточностями эта редакция воспроизведена: *Мандельштам О. Э.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 543.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Кацис Л. Ф.* Осип Мандельштам в «Вечерней красной газете» 1925–1929: от Еврейского театра до анонимных аннотаций // *Toronto Slavic Quarterly*. №46. 2013.

¹¹ Новый порядок репарационных выплат Германии после Первой мировой войны.

«сейчас английские и французские рабочие должны понять, что судьба германских рабочих – это их собственная судьба».

Пафос этих заметок – призывы к братству рабочих разных стран, призыв к борьбе против угнетения пролетариев капиталистическим миром – схож с пафосом стихотворения Бартеля. По всей видимости, поэтому его перевод и помещен в номер как открывающий «Литературную страницу» газеты.

Сокращения бартелевского текста при переводе радикально коснулись романтической образности второй части стихотворения (мотивов узничества и бури). Прокламационная же образность второй части текста осталась в сокращенном и довольно концентрированном виде: Мандельштам сохранил в финале лишь несколько строк, содержащих недвусмысленный призыв: «Встань, проснись, “пролет” немецкий, // Встань, германский пролетарий».

Добавлено следующее, отсутствующее в оригинале четверостишие: «Камни серые Берлина – // Серый камень Моабита – // Будьте вы достойны брата – // Ленинградского гранита!».

В газете к слову «Моабит» поставлена сноска: «рабочий квартал в Берлине». Значимо, что так называется не только берлинский квартал, но и тюрьма, в которой сидел Радек. Мандельштам, имеющий из предисловия к сборнику «Utopia» представление об истории стихотворения, мог указывать упоминанием Моабита на тюрьму, заключенный которой послал Бартелю письмо, вдохновившее поэта на написание «Petersburg».

Новое четверостишие углубляет мотив братства русских и немецких рабочих, существенный для стихотворения и важный для усиления идей, распространяемых «Красной газетой». Разрастается этот мотив благодаря более близкому к оригиналу, чем в редакции «Петербург», переводу строк: «За тебя скажу я немцам // Братской проповеди слово...».

В «Петербурге» «братской проповеди» заменено на «угрожающее», и после этих стихов следует фрагмент, в котором лирический герой обвиняет немцев в развязывании Первой мировой войны: «Вы уже громили, немцы, // Петербургские траншеи, // Не избыть вам, немцы, сраму // Той палаческой затеи...».

Очевидно, поэт, сокращая в переводе оригинальный текст стихотворения под запросы газеты, преследовал цель убрать прямые свидетельства былой вражды между русскими и немцами и усилить мотивы, перекликающиеся с идеями вышеупомянутых заметок.

Обратим внимание на перевод названия. В августе 1914 года Петербург был переименован в Петроград. Через пять лет после этого Бартель называет свое стихотворение «Петербург», при этом в самом тексте, трижды обращаясь к городу, называет его Петроградом:

«Petrograd: die Schiffskanonen zielen scharf auf deine Türme...»¹²,
 «Volk von Petrograd, geheiligt vom November der Geschichte!»¹³,
 «Petrograd: Die Tat der Hände, Sturm und Kampf auf Barrikaden...»¹⁴.

Эта разногласия объясняется миротворческим пафосом Бартеля: сочетание разных названий города в пределах одного текста работает на идею русско-немецкого братства.

Первый вариант названия перевода, сделанного Мандельштамом в 1924 г., очевидно, был связан с недавним переименованием города. В первой редакции перевода город именуется то Ленинградом («Ленинград, ты не сорвешься...»), «Будьте вы достойны брата – // Ленинградского гранита...»), то Петербургом («Петербург. Морских орудий // Над Невой пируют жерла...»), «Я был тоже петербуржец, // На молитве прихожанин...»).

Подобное сочетание именований города откликнется в стихотворении 1930 г. «Ленинград» («Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»). Ю. И. Левин, анализируя стихотворение и выделяя пару Ленинград–Петербург, выявляет в ней имплицитное противопоставление прошлого настоящему. При «интимном обращении к городу как к личности» используется «его прошлое имя – Петербург». Именно с ним связана важная для стихотворения детская тема в ее «интимно-бытовом аспекте» («припухшие железы», «рыбий жир»). При обращении к современному городу Мандельштам употребляет слово Ленинград. «В результате возникает противопоставление объективного (“чужого”) настоящего – субъективному (“своему”, “родному”) прошлому»¹⁵. Схожее разграничение ассоциативно-коннотативных полей Ленинграда и Петербурга можно увидеть и в первом варианте перевода бартелевского стихотворения. Петербургом город называется, когда речь идет о вещах, связанных с монументальным дооктябрьским прошлым (столичная

¹² «Петроград, корабельные пушки целятся в твои башни...»

¹³ «Народ Петрограда, освещенный ноябрем истории!»

¹⁴ «Петроград: дело рук, штурма и борьбы на баррикадах...»

¹⁵ Левин Ю. И. Избр. труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 23.

мощь, церковные службы), Ленинградом – когда надо подчеркнуть революционность города.

В основной редакции перевода стихотворения бартелевский «Ретроград» везде переведен уже как «Петербург»:

«Петербург. Морских орудий // Вдоль Невы пируют жерла...»,
«Петербург! Ты вольный камень...»,
«Петербург! В тюрьме оконце!»,
«Петербург! Багряный факел...»,
«Петербург! Народ в России, // Как стихи, судьбу слагает...».

Мандельштам в своих стихах, часто обращаясь к образу города на Неве, ни разу не называет его Петроградом. Петербург – слово, обжившееся в русской культуре, насыщенное ассоциациями и вызывающее в памяти множество литературных произведений. Петроград же – новое, обязанное своим появлением войне, которую Мандельштам глубоко осуждал. Вероятнее всего, именно поэтому Мандельштам отказывается от его употребления.

Как уже упоминалось выше, стихотворение «Петербург» находится в начале книги «Завоею мир!». Во-первых, здесь затронуты центральные темы сборника: революции и русско-немецких отношений. Значимость этих тем для новой советской литературы, по-видимому, и повлекла за собой перевод стихов Бартеля на русский язык. Во-вторых, как заметил Г. Киришбаум¹⁶, возникающий в стихотворении образ Ленина как главного вождя русской революции перекликается с появляющимся в последнем стихотворении сборника образом Карла Либкнехта, вождя немецкой революции, благодаря чему книга обретает композиционную и смысловую законченность. Важно, конечно, и то, что это объективно одно из лучших стихотворений Бартеля, и сам Бартель отводил в своих сборниках ему особое место.

При переводе Мандельштам сохраняет метр (хорей), но сокращает длину строки: четыре стопы вместо восьми. За счет этого увеличивается размер строфы: восьмистишия вместо четверостиший. Соответственно меняется и схема рифмовки: у Бартеля рифмы смежные ААВВ, у Мандельштама же перекрестные чередуются с холостыми: ABCBDEFЕ, в двух строфах из семнадцати ABCBDEDE. Сокращение длины строфы

¹⁶ Киришбаум Г. «Валгаллы белое вино...»: Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М: НЛЮ, 2010. С. 199. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

и пляшущая рифма делают стихотворение более динамичным по сравнению с оригиналом. Четырехстопный хорей – характерный для русской песни размер. Не исключено, что обилие типичных для революционных песен мотивов (свержения царской власти, тяжести пролетарской жизни, угнетения рабочих эксплуататорами, народного братства) подтолкнуло Мандельштама к тому, чтобы по форме сделать свой перевод ближе к песенной традиции.

Мандельштам перерабатывает оригинал, добавляя свои образы, акцентируя одни смыслы и затушевывая другие. Текст Бартеля представляет собой слияние двух традиций: романтической поэзии и прокламационной лирики. Романтическая традиция поддержана темой унизительности, одиночества, мотивом разединенности с единомышленниками, описаниями чрезмерно сильных чувств, романтической категоричностью «все или ничего», набором стандартных романтических образов (бури, грома, звезд и т. д.). Традиция стихотворных прокламаций дает о себе знать в риторических восклицаниях и призывах. Мандельштам разрабатывает в основном романтический пласт образности, пропагандистскую же затрагивает намного меньше. Связано это, по всей видимости, с тем, что романтическая традиция подразумевает сложные образы, которые отражают неповторимость переживаний лирического героя и неординарность его взаимоотношений с окружающим миром, и поэтому работа над ними более интересна поэту. Агитационные воззвания должны быть, напротив, просты и понятны, потому как их цель – донести известный смысл и побудить к определенным действиям. Усложнять это и поэтически развивать нет необходимости.

Вот пример перевода строки, носящей прокламационный характер: «Stimmvieh, Schlachtvieh – euere Seele, Seele will ich, ihr Proleten!»¹⁷ переведено:

«Эй, проснись “пролет” немецкий, // Встань, германский пролетарий!»

Мандельштам упрощает грамматическую конструкцию, делая смысл более отчетливым.

Перейдем к разбору элементов, которые Мандельштам, напротив, усложняет или обогащает. Создается впечатление, что поэт дорабатывает

¹⁷ «Серая масса избирателей, убойный скот – ваши души, души хочу я, вы, пролетарии!»

некоторые абстрактные образы Бартеля, добавляя им акмеистической конкретики. Например, туманную строку:

«Wenn die Nächte sich verbluten in dem Paradies der Sterne...»¹⁸
он переводит как

«В жилах узника струится // Звезд прекрасных постоянство...».

Отвлеченный и не вполне внятный образ «обескровленных ночей» заменен предметной метафорой.

Образ звезды довольно часто встречается в лирике Бартеля. Смыслы, вкладываемые в него немецким поэтом, проясняет посвящение к сборнику к «Utopia»: «...мы, выучившиеся думать эпохально, видим, как светятся из хаоса современности звезды нового порядка. И эти звезды над нашими головами – мы, мы работаем радостно и стремимся к одной и той же цели: Вы, политик, в тюрьме страстно поглощен работой, я, поэт, сердце которого окрыляют идеи и чувства современности...»¹⁹.

Звезда становится своеобразным символом нового мира. Мандельштам, внимательно изучавший не только сами стихи Бартеля, но и вступления к его сборникам (см. цитаты из предисловия к «Arbeiterseele» в предисловии Мандельштама к сб. «Завоюем мир!»), безусловно, отметил существенную семантическую нагруженность этого образа для немецкого поэта. Переосмысление бартелевского образа связано, а возможно, и спровоцировано желанием сделать более очевидными те смыслы, на которые Бартель указывает во вступлении к книге. Струящееся в жилах «постоянство звезд» – стремление к новому миру, стало физиологически неотъемлемой составляющей лирического героя.

Другим примером качественной трансформации образов Бартеля является перевод строки «Die Verschwörung und Verleumdung hat dich wie Gewürm umkrochen...»²⁰ – «На тебя ползла измена белой гусеницей жирной...».

Если сравнение с червями представляет собой литературный штамп, то заменяющее его мандельштамовское сравнение с гусеницей нестандартно и, на первый взгляд, абсурдно. Между тем акмеист Мандельштам был точен. Возможно, здесь есть намек на наступление армии Юденича,

¹⁸ «Когда ночи обескровливаются в раю звезд...»

¹⁹ Barthel M. Utopia Gedichte. Jena, 1920. S. 3.

²⁰ «Заговор и клевета, как черви, ползали вокруг тебя».

о котором Бартелю писал Радек и которое прямо упоминается в словах: «Топчешь танком, моришь газом, // Генеральской давишь тушей...».

Армия Юденича была подкреплена британскими танками. Мандельштам, заменяя «червей» на «гусеницу» и тем самым сохраняя сравнение с насекомыми, добавляет сопоставление с гусеничной лентой танка и, описывая приближение танков к городу, реализует метафору.

Еще пример обогащения бартелевской образности. Строки: «Петербург. Морских орудий // Вдоль Невы пируют жерла...» – в оригинале звучат так: «Petrograd. Die Schiffskanonen zielen scharf auf deine Türme...»²¹. Бартелевское описание наступления английского флота на Петроград прямолинейно. Мандельштам же расцвечивает его метафорикой пира. Д. М. Магомедова, приводя разнообразные примеры, демонстрирует, что для поэтического мира Мандельштама близость пира и смерти характерна: «В стихотворениях, описывающих ситуацию совместной трапезы, обращают на себя внимание повторяющиеся мотивы дисгармонии, разрушения порядка, антиномичные традиционным мотивам устойчивости и благополучия, связанным с топикой пира»²².

Образ смертоносного пира пушечных жерл встраивается в ряд появляющихся в стихотворении не мотивированных оригиналом образов, косвенно связанных с едой и питьем. Строфа, начинающаяся с пира морских орудий, завершается строками: «Где народ обедню служит, // Гром судьбы всегда желанен...».

В оригинале «обедня» отсутствует: «Wenn das Volk der Arbeit betet, Schicksal donnern deine Räder...»²³.

Употребляя слово «обедня» рядом со словом «пир», Мандельштам укрепляет текст коррелирующими друг с другом образами, обогащает оригинальный текст и делает перевод органичным собственной поэтике.

В эту же «нить» встраивается и образ выпитого воздуха: «Свежесть ночи пью глотками...». В оригинале строка звучит так: «Fühle Tau auf meiner Stirne, Winde, die das Herz erfrischen...»²⁴.

²¹ «Петроград: корабельные пушки целятся четко в твои башни...»

²² Магомедова Д. М. Мотив «пира» в поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: Мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама. М., 2001. С. 137. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

²³ «Когда народ молится о работе, судьба, громыхают твои колеса...»

²⁴ «Чувствую росу на своем лбу (и) освежающие сердце ветры...»

Мотив «питья воздуха» частотен для поэзии Мандельштама. Как замечает Магомедова (Магомедова, 2001, 137), в мандельштамовском поэтическом мире «воздух оказывается отравленным или несущим смерть». В «Петербурге» «свежесть ночи» также включает в себе угрозу и опасность: это ночь чуждая, тюремная, отделяющая лирического героя от «земли друзей». Магомедова пишет о том, что «еда и питье в стихах Мандельштама зачастую выполняют роль посредника между человеком и миром» (Магомедова, 2001, 136).

Так и здесь: лирический герой пьет ночную свежесть, которая становится посредником между ним, заключенным в тюрьме, и внешним миром, к которому принадлежит Петербург и куда лирический герой стремится попасть.

И. М. Семенко отмечала, что в переводах Мандельштама из Петрарки «нашли выход глубинные пласты мандельштамовской лирики»²⁵. Бартель не Петрарка, и переводы посредственных пролетарских стихов значили для Мандельштама, конечно же, намного меньше, чем переводы гениальных сонетов, но тем не менее слова Семенко отчасти относятся и к сборнику «Завоюем мир!».

Киришбаум пишет, что Мандельштам, переводя Бартеля, «преследует собственные культурософские цели, пользуясь конкретной интертекстуальной логикой» (Киришбаум, 2010, 203). В качестве иллюстрации он приводит строки: «Пусть одних чарует купол // Лицемерной римской церкви...». В оригинале эпитета «лицемерный» нет: «Andre haben ihre Sehnsucht im Gebet nach Rom gerichtet...»²⁶.

«Купол» и «лицемерие» ассоциативно мотивированы развитием немецкой темы в поэтическом мире Мандельштама, а именно стихотворением «Здесь я стою — я не могу иначе...», которое завершается строками: «И кряжистого Лютера незрячий // Витает дух над куполом Петра...».

Стихотворение может быть интерпретировано как написанное с протестантских позиций и уличающее католичество в фальши и лицемерии (Киришбаум, 2010, 46–49). (Мандельштам крестился по лютеранскому обряду). Таким образом, переведенный с немецкого «Петербург» становится частью развития немецкой темы в творчестве самого Мандельштама.

²⁵ Семенко И. М. Мандельштам — переводчик Петрарки // Вопросы литературы. 1970. № 10. С. 169.

²⁶ «Другие адресовали свою тоску в молитве к Риму...»

Необходимо отметить и ряд других связей этого стихотворения с поэзией Мандельштама. Тематика, некоторые образы и рифмы «Петербург» отсылают к программным «Сумеркам свободы» (1918), где поэт переосмысливает свое отношение к революции. Киришбаум характеризует «Сумерки...» как «переломный текст, в котором отражено отношение Мандельштама к новой революционной власти: от гневного неприятия к болезненно-тревожному, но исторически необходимому признанию» (Киришбаум, 2010, 201).

В стихотворении довлеет ощущение потерянности, смещенности ориентиров. С одной стороны, поэт становится на сторону неотвратимо приближающегося будущего, принимает и прославляет его таким, каково оно есть, не пытаясь его изменить или ему противостоять: «Прославим роковое бремя, // Которое в слезах народный вождь берет. // Прославим власти сумрачное бремя, // Ее невыносимый гнет...».

С другой стороны, каждой фразой он дает понять, что наступающее время «глухое», исполненное насилия над личностью, «сумеречное». Помимо темы революционного Петербурга (в переводе «Петербург» интонационно звучащей совершенно иначе) к «Сумеркам...» отсылает рифма *бремя-время*, а также образ «бремени власти», переключки, в данном контексте вряд ли случайная: «Говорит Владимир Ленин: // Начинать поспело время – // И народ, как вождь старинный, // Поднимает власти бремя...».

Слово «бремя» имеет отчетливые отрицательные коннотации. Если в «Сумерках...» «бремя власти» относится к власти, захваченной большевиками, то в переводе из Бартеля это бремя власти прежнего несправедливого, угнетающего народ государства. Перенос образа, закрепленного в собственном поэтическом мире в качестве маркера отношения к большевистскому правлению, с противоположным оценочным знаком в переводное стихотворение со схожей тематикой может говорить об изменении отношения Мандельштама к советской действительности. Отчасти это проясняет решение Мандельштама переводить тексты пролетарского поэта.

Роднит «Сумерки...» с «Петербургом» и образ вожды. Причем переключки эта работает не только на уровне поверхностного сходства, но и на глубинном смысловом уровне. В «Петербурге» слово «вождь» находится в непосредственной близости от «Владимира Ленина», и его появление явно спровоцировано ассоциацией с вождем мирового пролетариата. В немецком тексте «вождю» соответствует «ein Held aus alten

Zeiten»²⁷. В «Сумерках...», по одной из версий исследователей, туманный образ народного вождя, в слезах берущего власть, также отсылает читателей к Ленину. Но если в «Сумерках...» отношение к этому образу неоднозначное, как и все стихотворение, то в переводе и сам Ленин, и эпоха, благодаря Ленину наступившая, горячо приветствуются.

Мандельштам был на похоронах Ленина, и они произвели на него сильное впечатление. Вернувшись домой с похорон, Мандельштам написал очерк «Прибой у гроба». Очерк по объему небольшой, образы в нем концентрированы и выписаны ярко и отчетливо. Один из центральных – образ воспаленного лба Ленина, встречающийся дважды: «...лежит он, перегоревший, чей лоб был воспален еще три дня назад...»; «...И мертвый – он самый живой, омытый жизнью, жизнью остудивший свой воспаленный лоб...».

В стихотворении «Петербург» образ лба в соседстве с образом Ленина также встречается дважды: «Лоб в испарине холодной...», «И оплеван лоб высокий // Человеческий доколе...».

Другая перекличка с образом «перегоревшего» в борьбе Ленина, выведенного в очерке, – финальная строка: «Только так: в борьбе сгореть нам...».

Все это свидетельствует о том, что арсенал образов из собственной поэтической мастерской Мандельштам переносит в переводы.

Мандельштам делает «Петербург» не только элементом своего художественного мира, но и текстом, в котором отзываются эхом некоторые ключевые произведения русской литературы. В первую очередь это связано с оркестровкой образа Петербурга. В мандельштамовском переводе содержится несколько отсылок к «Медному всаднику». Так, строки: «Петербург! Морских орудий // Вдоль Невы пируют жерла...» – с не мотивированными оригиналом мотивами пира и образа Невы отсылают к «Сюда по новым им волнам // Все флаги в гости будут к нам, // И запируем на просторе...».

Эти строки Пушкина и Мандельштама связывает и мотив появления в прибрежных водах иностранных судов, причем пушкинское и мандельштамовское описания прибытия морских гостей друг с другом контрастируют. Если в «Медном всаднике» их появление становится знаком мощи и несокрушимости державного города, то у Мандельштама морские суда несут угрозу и опасность для погруженного в революцию

²⁷ «Герой старых времен».

и ослабленного внутренней борьбой Петрограда. Схожая переключка перечисленных образов и схожий контраст замечен при сопоставлении мандельштамовского перевода с «Пиром Петра Первого», написанным, как и текст Мандельштама, четырехстопным хореем. Мандельштам, намеренно сопоставляя и делая описания прямо противоположных по духу и настроению событий схожими, оттеняет бедственное положение, в котором находится революционный город.

Другая и важнейшая отсылка к тексту петербургской повести заключена в строке: «Петербург! В тюрьме оконце!», в которой, в отличие от оригинала²⁸, появляется образ окна. Это отсылает к знаменитому «Природой здесь нам суждено // В Европу прорубить окно...».

Мандельштам, подхватывая пушкинский образ, его переворачивает: ведь теперь не Петербург должен брать пример с Европы, а Европа с Петербурга.

К петербургскому мифу в целом и к «Медному всаднику» как к его ключевому тексту отсылает и дважды появляющийся в переводе образ камня, которого нет у Бартеля: «Петербург, ты вольный камень!», «Уж не долго каменеть нам...».

Вспомним также и четверостишие из редакции «Ленинград»: «Камни серые Берлина – // Серый камень Моабита – // Будьте вы достойны брата – // Ленинградского гранита!».

Образ камня – один из кирпичиков мифа о Петербурге, вознесшимся горделиво «из топи блат», о городе, возведенном на костях рабочих, свозивших для его строительства камень со всей страны. В «Медном всаднике» камень становится символом людского желания покорить стихию: «В гранит оделася Нева...», «Невы державное течение, // Береговой ее гранит...».

Камень есть и в «Петербурге» И. Анненского, одном из самых любимых стихотворений Мандельштама²⁹. В контексте стихотворения о революционном Петрограде глагол «каменеть», сохраняя шлейф наработанных в литературе смыслов, означает «быть в оковах старого мира», в котором желания царей-самодуров исполнялись ценой мук и страданий рабочего люда. «Вольный камень» можно интерпретировать как камень, «освобожденный» из-под власти тиранов.

²⁸ «Petrograd: vor meiner Zelle kreuzt sich schwer ein Eisengitter...» («Петроград: перед моей камерой тяжело скрещивается железная решетка...»).

²⁹ Вырванный из журнала «Аполлон» листок с ним Мандельштам хранил в течение всей жизни

Другой пласт отсылок к классической русской литературе связан с развивающейся в стихотворении темой узничества. Для русского читателя появляющийся в стихотворении образ узника так или иначе отсылает к пушкинско-лермонтовской традиции. Отчасти это связано с тем, что слово «узник» поэтически маркировано. Поэтому, самовольно добавляя его в перевод («В жилах узника струится...»), Мандельштам тем самым подключает текст к определенному устоявшемуся пласту смыслов. Важно отметить, что сам Бартель здесь своего лирического героя никак не именует: речь идет от первого лица. По всей вероятности, стихотворение Бартеля напомнило Мандельштаму русских «Узников» не только темой неволи и образом зарешеченного окна, но и манерой организации пространства. В пушкинском стихотворении пространство расширяется: текст начинается с описания темницы, а заканчивается призывом улететь на свободу, «туда, где за тучей белеет гора...». У Лермонтова пространство, напротив, сужается: от мечты о воле, сиянье дня и черноокой девице до осознания того, что лирический герой находится в тюрьме, до шагов часового в ночной тиши. У Бартеля пространство то расширяется, то сужается (фокус дважды перемещается с тюрьмы на Петроград и обратно):

«Vor dem Fenster meiner Zelle kreuzen sich die Gitterstäbe...»³⁰,
«Wachs' ich über Raum und Zeiten in die brüderliche Ferne...»³¹,
«Denn ich stand in eurer Mitte, unter Betten nur ein Better...»³²,
«Leise klinkt, wohin ich schreite, in der Zelle eine Kette...»³³,
«Petrograd, du rote Flamme, bist den Völkern aufgerichtet...»³⁴.

Напоминает о стихотворении Пушкина и бартелевский образ «братской дали», к которой отчаянно рвется герой (у Пушкина молодой орел называет узника братом и зовет улететь с ним). Со стихотворением же Лермонтова перевод Мандельштама помимо общих тематических контуров связывает размер: четырехстопный хорей. Мандельштам сокращает длину строки Бартеля, вероятно, не без оглядки на лермонтовскую традицию.

³⁰ «Перед окном моей камеры скрещиваются прутья решеток...»

³¹ «Расту я через время и пространство к братской дали...»

³² «Потому что я стою в твоей середине, среди молящихся один молящийся...»

³³ «Тихо бряцает, куда я ступаю, в моей камере цепь...»

³⁴ «Петроград, ты красное знамя, народы подбадриваешь...»

Во многих стихотворениях сборника «Завоеюем мир!», и в «Петербург» в частности, чувствуется тенденция умножения при переводе красных оттенков, которые символизируют собой наступление нового мира. С одной стороны, можно предположить, что тенденция эта связана с конъюнктурными интересами Мандельштама: все-таки на подобные тексты существовал определенный заказ. С другой стороны, создание цепочек образов, нелинейно и нетривиально скрепляющих текст, – один из характерных для Мандельштама приемов. А выбор красного цвета, нагруженного столь важными для революционной поэзии смыслами, в качестве подобной скрепы для пролетарских стихов закономерен. У Бартеля красный цвет появляется несколько раз: «Aber an den roten Fronten schlugst du alle Feinde nieder!»³⁵ – «Но врагам на красных фронтах // Приготовил злые казни...»; «Petrograd, du rote Flamme, bist den Völkern aufgerichtet...»³⁶ – «Петербург! Багряный факел // Всем народам полыхает...».

Особое внимание обратим на строки: «Und die Fahne weht im Osten hoch und rot und heilig sausend...»³⁷, которые Мандельштам переводит как «На востоке веет знамя, // И кумач покрыв равнины!»

Бросается в глаза, что Мандельштам русифицирует «на советский манер» образность Бартеля, передавая эпитет «красный» усложненно, но при том более конкретно. Кумач, хлопчатобумажная ткань красного цвета, был очень популярен; после прихода к власти большевиков из кумача начали делать знамена; таким образом, кумач отсылает и к простонародному быту, и к большевистской власти. В строках: «Не чернилом водянистым // Я пишу – а красной кровью...» – Мандельштам добавляет отсутствующий в тексте Бартеля эпитет «красный», однокоренной со словом «кровь» и тем самым усиливающий звучание образа. В стихотворении есть и несколько примеров появления красного цвета в более скрытой форме вне связи с оригиналом. Например, в строфе, завершающейся стихом о красных фронтах, Мандельштам переводит строку: «Aufbau, Sturz, Verbrüderung, Terror bist du und voll Gnaden...»³⁸ – довольно отдаленно от бартелевского текста: «Рот, искривленный улыбкой // Милосердья и террора...».

³⁵ «Но на красных фронтах сокрушаешь ты всех врагов!»

³⁶ «Петроград, ты красные флаги, народы подбадриваешь...»

³⁷ «А флаги веют на востоке и красно и свято шумят...»

³⁸ «Сооружение, падение, братание, террор, ты есть и полон милости...»

Казалось бы, совершенно непонятно, откуда вдруг в стихотворении появился «рот» и какое отношение ко всей остальной системе образов он имеет. Но не раз проявлявшаяся в собственном творчестве склонность Мандельштама к межъязыковым каламбурам все проясняет. «Rot» по-немецки значит «красный». Вплетая в стихотворную ткань это слово, Мандельштам усиливает «красный» мотив. В подтверждение нашей догадки приведем известный пример аналогичной межъязыковой игры из стихотворения «От легкой жизни мы сошли с ума...» (1913): «Но я боюсь, что раньше всех умрет // Тот, у кого тревожно-красный рот...». Строки, на первый взгляд кажущиеся алогичными, становятся более понятными, если разгадать мандельштамовскую игру: тот – tot (мертвый), рот – got (красный)³⁹.

Перейдем к рассмотрению самых неоднозначных строк перевода: «Без царя и горностая // Ты стоишь в красе порфирной...». В оригинале: «Viele Kronen sind zersplittert, aber du bist ungebrochen...»⁴⁰.

Связь революционного Петербурга с царским нетривиальна. Н. Я. Мандельштам вспоминает о том, как они с мужем возвращались после похорон Ленина и «как Мандельштам удивлялся Москве: какая она древняя, будто хоронят московского царя...»⁴¹.

Восприятие столичных городов у Мандельштама устойчиво вневременное, всеобъемлющее: поэт готов «через время и пространство» видеть в измененных революцией городах прежнее имперское начало. Образ «порфирной красы» двойственен: порфира – церемониальная мантия монарха, порфирный – еще один оттенок революционного красного, краса – однокоренное с «красным» слово. Слово «порфира» уже встречалось у Мандельштама и раньше, в «Петербургских строфах» (1913): «И государства жесткая порфира, // Как власница грубая, бедна...».

Тенденция к умножению красных оттенков, а следовательно, и революционной образности входит в резонанс с другой тенденцией: к игнорированию или переименованию образности религиозной⁴². В начале 1920-х годов христианская символика была нежелательна, не была

³⁹ Лотман М. Ю. Мандельштам и Пастернак (попытка контрастивной поэтики). Таллин, 1996. С. 60.

⁴⁰ «Множестве корон расколото, но тебя не сломить!»

⁴¹ Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1999. С. 213.

⁴² Meyer H. Eine Episode aus Mandel'stams "Stummen Jahren": Die Max-Barthel-Übersetzungen // Welt der Slaven XXXVI. H. 1–2. 1991. S. 86.

она близка и поэтике самого Мандельштама. Примеров, иллюстрирующих эту тенденцию, в «Петербурге» можно отметить несколько. К их числу принадлежит уже упоминавшееся самопроизвольное добавление эпитета «лицемерный» к слову «церковь». Другой пример связан с выше процитированными строками о поэте-апостоле, примиряющем своей речью русских и немецких «братьев»: при переводе Мандельштам убирал слово «апостол». Игнорирует Мандельштам и символику распятия, подчеркнутую у Бартеля обыгрыванием однокоренных слов «Kreuz» (крест) – «kreuzigen» (распять) в самом начале стихотворения:

«Ich bin hundertmal gekreuzigt, bin voll Schmerzen, aber lebe...»⁴³ –
«Все-таки еще не умер, // Все-таки еще борюсь я...»;

«Vor dem Fensterkreuz der Zelle kreuzigt mich ein neues Gitter»⁴⁴ –
«В низколобое окошко // Крест железных перекладин...».

Следующий пример связан с со строкой: «Heilig ist dein Leib, ich will meinen Tränen waschen...»⁴⁵, которую Мандельштам переводит так: «Если ты умрешь – слезами // Сердце города омою...».

Убирая эпитет «святой» и заменяя «тело» на «сердце», Мандельштам лишает образ поддержанной символикой распятия отсылки к снятому с креста телу Иисуса. Обнажающий новозаветное сопоставление с Христом следующий стих: «Jauchzend wirst du aus dem Grabe herrlicher einst auferstehen!»⁴⁶ – в переводе и вовсе обретает мифологическо-языческий налет: «Встанешь ты великолепный, // И воскреснувший из пепла...». Сравнение с воскресающим из могилы Мандельштам заменяет на сравнение с фениксом.

Таким образом, стихотворение совершает своеобразный круговой путь: факт русской истории, отраженный немецким поэтом, возвращается обратно, становясь фактом русской литературы.

Список литературы

Кацис Л. Ф. Осип Мандельштам в «Вечерней красной газете» 1925–1929: от Еврейского театра до анонимных аннотаций // *Toronto Slavic Quarterly*. №46. 2013.

⁴³ «Я сотни раз распят, полон боли, но живу...»

⁴⁴ «Перед оконным крестом моей камеры распинает меня новая решетка...»

⁴⁵ «Свято твое тело, я хочу омыть (его) своими слезами...»

⁴⁶ «Сияя, воскреснешь ты великолепный когда-нибудь из могилы...»

Кирибаум Г. «Валгаллы белое вино...»: Немецкая тема в поэзии О. Мандельштама. М., 2010.

Левин Ю. И. Избр. труды: Поэтика. Семиотика. М., 1998.

Лотман М. Ю. Мандельштам и Пастернак (попытка контрастивной поэтики). Таллин, 1996.

Магомедова Д. М. Мотив «пира» в поэзии Мандельштама // Смерть и бессмертие поэта: Мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Мандельштама. М., 2001.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга. М., 1999.

Мандельштам Н. Я. Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014.

Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993

Семенко И. М. Мандельштам – переводчик Петрарки // Вопросы литературы. 1970. №10.

Barthel M. Arbeiterseele. Verse von Fabrik, Landstraße, Wanderschaft, Krieg und Revolution. Jena, 1920.

Barthel M. Kein Bedarf an Weltgeschichte. Geschichte eines Lebens. Wiesbaden, 1950.

Barthel M. Utopia Gedichte. Jena, 1920.

Fritton H. M. Literatur und Politik in der Novemberrevolution 1918-1919 Theorie und Praxis revolutionärer Schriftsteller in Stuttgart und München (Edwin Hoernle, Fritz Rück, Max Bathel, Ernst Toller, Erich Mühsam). Frankfurt am Main, 1986.

Klein A. Im Aufatm ihrer Klasse. Weg und Leistung der deutschen Arbeitsschriftsteller 1918–1933. Berlin; Weimar, 1972.

Meyer H. Eine Episode aus Mandel'stams "Stummen Jahren": Die Max-Barthel-Übersetzungen // Welt der Slaven XXXVI. H. 1–2. 1991. S. 72–98.

Rector M. Über die allmähliche Verflüchtigung einer Identität beim Schreiben. Überlegungen zum Problem des "Renegatentums" bei Max Barthel // Literaturwissenschaft und Sozialwissenschaft 10. Kunst und Kultur im deutschen Faschismus / Hrsg. von Ralf Schnell. Stuttgart; Metzler, 1978.

Сведения об авторе: Бассель Александра Викторовна, аспирантка НИУ ВШЭ, факультет гуманитарных наук, школа филологии. E-mail: sb@1543.ru

С.А.Шульц

В.Г.РАСПУТИН и Л.Н.ТОЛСТОЙ («ПОСЛЕДНИЙ СРОК» и «СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА»)

В статье проводятся параллели между повестью Л.Н.Толстого «Смерть Ивана Ильича» и повестью В.Г.Распутина «Последний срок». Отмечается одинаковое значение символики и притчевости, мотива «господина» и «слуги», мотива своеобразного «двойничества» и т.д. для обоих произведений. В русле философско-мифопоэтической традиции рассмотрена метафизика смерти и жизни у Толстого и Распутина.

Ключевые слова: Л.Н.Толстой, В.Г.Распутин, символизация, притчевость, философия смерти и жизни.

Parallels are drawn between L.N. Tolstoy's long story 'The Death of Ivan Ilyich' and V.G. Rasputin's long story "The Closing Date". The same meanings of symbolism and parable-like features, the motif of "the master" and "servant", the motif of a peculiar "double-like similarity", etc. in both works are made note of. The metaphysics of life and death in Tolstoy's and Rasputin's works is considered in keeping with the philosophical-mythopoetic tradition.

Key words: L.N. Tolstoy, V.G.Rasputin, symbolism and parable philosophy of death and life.

Одной из принципиальных точек опоры художественной философии позднего Толстого является символическая оппозиция «хозяина» и «работника», барина и крестьянина, «господина» и «слуги». Подобная антиномия выступает одной из основ внутренней реальности «Смерти Ивана Ильича», где полному непониманию смысла кончины протагониста со стороны представителей его же среды (за исключением маленького сына, несколько гадательно полагает умирающий) противостоит мужицкое сочувствие и участие, в полной мере олицетворяемое и символизируемое лакеем Герасимом:

«Для испражнений его <Ивана Ильича – С.Ш.> тоже были сделаны особые приспособления, и всякий раз это было мученье. Мученье от нечистоты, неприличия и запаха, от сознания того, что в этом должен участвовать другой человек.

Но в этом самом неприятном деле и явилось утешение Ивану Ильичу. Приходил всегда выносить за ним буфетный мужик Герасим»¹.

Помощь Герасима Ивану Ильичу, в отличие от помощи кого-то другого, не вызывает у протагониста отрицательных впечатлений. Прежде всего потому, что та имеет под собой духовную почву.

В. Распутин продолжает и развивает в новых условиях традиции классического русского реализма, а также «нового реализма» XX в., близкого модернизму с его вниманием к жизни сознания, описывая сходную с толстовской ситуацию².

Распутину близки такие представители «нового реализма», как Бунин, Шмелев, отчасти Булгаков. Но предмодернистское, предфеноменологическое внимание к проблеме сознания наличествовало уже у Толстого и Достоевского.

Заметим, что при таком специфическом интересе двух подробно рассматриваемых в данной статье авторов к проблеме сознания речь не идет о «психологизме» в узком значении, т. е. внимании к показу узко душевных процессов, а о чем-то гораздо более широком.

У Толстого и Распутина два сюжета: внешний и внутренний. Внешний сюжет характеризует объективную канву событий. Внутренний сосредоточен на жизни сознания протагониста, его восприятии мира.

По сравнению с Толстым, коллизия «Последнего срока» характеризуется вроде бы исчезновением антитезы «господина» и «слуги», исчезновением, декларированным со стороны власти (так ли это в действительности – отдельный вопрос). Однако «госпожой», «хозяйкой» по отношению к своим детям в известной мере является старуха Анна. Дети чувствуют, что они всегда были и будут «ведомы» ею. Эта родительская власть – власть духовная. Сама же Анна по отношению к своим родителям такой «ведомости» ими не ощущает.

Распутин переносит сюжет в полностью однородную, довлеющую себе среду. Это среда почти целиком крестьянская. Даже те дети старухи Анны, которые стали городскими (Люся, Илья), все же в основном сохраняют исконные крестьянские качества – в превращенном или лишь перевернутом виде.

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 26. М., 1936. С. 95. Далее все ссылки на произведения Толстого даются по этому изданию.

² Это отмечалось: Семенова С. Г. Валентин Распутин. М., 1987; Kováčová M. Valentin Rasputin a ruská dedina druhej polovice 20. storočia. Banská Bystrica, 2007. S. 11.

Что касается киевской Таньчоры, то она так и не появляется «реально» по ходу действия, оставаясь только в воспоминаниях старухи и в разговорах остальных ее детей. Поэтому фигура Таньчоры превращается в сложный символический образ отсутствия, пустоты, потери, ожидаемой быть восполненной. Потеря осознается как что-то самое дорогое. Это не столько «фигура фикции» (термин Андрея Белого), сколько нечто, включающее такую фигуру в более амбивалентный многосоставный образ.

«Последний срок» – он и для Таньчоры, но и для Анны, пытающейся словно управлять своею смертью и своими будущими похоронами (ср., например, ее пожелания Варваре), и для остальных детей. Он – повод внутренне собраться, образумиться.

Невыполнение Таньчорой и остальными детьми условий отнюдь не бытового, а глубоко символического, философского «последнего срока» заставляет думать об их выходе за пределы мифологическо-фольклорной картины мира, моделируемой деревней как цельным типом существования человеческой общности и отдельного индивида, воспринимаемого в качестве части рода.

Подобная картина мира в качестве принципиально значимой задается нарратором / автором через сознание прежде всего Анны.

Недаром старуха отказывалась рассматривать смерть в сугубо устрашающем облике, а видела ее скорее в качестве элемента кругооборота бытия, элемента, заставляющего говорить о его неотрывности от жизни:

«Она <...> все-таки в последние годы все чаще и чаще думала о солнце, земле, траве, о птичках, деревьях, дожде и снеге – обо всем, что живет рядом с человеком, давая ему от себя радость, и готовит его к концу, обещая свою помощь и утешение. И то, что все это останется после нее, успокаивало старуху: не обязательно быть здесь, чтобы слышать их повторяющийся, зовущий голос – повторяющийся для того, чтобы не потерять красоту и веру, и зовущий одинаково к жизни и смерти»³.

В акцентировании во внутреннем монологе Анны мотива зова, можно сказать, зова бытия – перекличка с М. Хайдеггером, с его идеей необходимости вслушиваться в бытие, тесно связанном с Ничем, т. е. в том числе со смертью. Фигура Хайдеггера выступает в данном случае

³ *Распутин В. Г.* Последний срок. М., 1976. С. 40. Далее все ссылки на произведение Распутина даются по этому изданию в основном тексте.

в определенной опосредующей роли между Распутиным и Толстым, ведь последний был одной из точек отталкивания для хайдеггеровского понимания смерти⁴.

Кроме того, распутинский нарратор замечает:

«Она <Анна. – С.Ш.) не тревожилась: то, что должно ей открыться, все равно откроется, а пока, наверно, еще нельзя, не время. Старуха верила, что, умирая, она узнает <...> много <...> секретов, которые не дано знать при жизни и которые в конце концов скажут ей вековую тайну – что с ней было и что будет» (с. 40).

Процитированное описание нарочито контрастно боязни Ивана Ильича в его умирании. Ср. также об Анне:

«Нет, ей не страшно умереть, всему свое место. Хватит, нажилась, насмотрелась. Больше тратить в себе ей нечего, все истратила – пусто. Изжилась до самого доньшка, выкипела до последней капельки» (с. 58).

Анна осознает, что ее жизнь завершена «сама собой», «естественным путем», что она не только заняла чужого, но и реализовала, избыла свое «единое и единственное место в бытии» (М. Бахтин) и теперь может спокойно уходить в иное. Ивана же Ильича смерть настигает внезапно, резко обрывая весь привычный ход его жизни (ведь причина его смертельной болезни случайна), – для того, чтобы ему открылось нечто принципиально новое о ней, оказавшейся пустой, лишенной смысла и того самого «единого и единственного места».

В страхе смертной болезни Иван Ильич боится называть болезнь и смерть их прямыми именами, прибегая к местоимению:

«Иван Ильич прислушивался, отгонял мысль о ней, но она продолжала свое, и она приходила и становилась прямо перед ним и смотрела на него <...> И что было хуже всего – это то, что она отвлекала его к себе не затем, чтобы он делал что-нибудь, а только для того, чтобы он смотрел на нее, прямо ей в глаза, смотрел на нее и, ничего не делая, невыразимо мучился» (с. 94–95; курсив Толстого).

Это напоминает средневековые повести о прении жизни и смерти, где жизнь и смерть понимались как некие отдельные самостоятельные субстантивированные состояния, существующие словно помимо индивида.

⁴ Ср. специальную работу: *Hajnady Z. Ivan Ilyich and Existence Compared to Death. Lev Tolstoy and Martin Heidegger* // *Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1985. № 27.

В ситуации умирания Анны такого «прения» почти нет. Анна не осознает жизнь как что-то отдельное от себя, но вот смерть часто наделяет таким свойством.

В конце концов Анна и смерть видит не вовне, а внутри себя, чего совсем не ощутит Иван Ильич. У Толстого смерть так и остается чем-то отделенным от индивида, более того, фикцией. Однако жизнь у Толстого – всегда только «моя» жизнь, т. е. она существует исключительно «в» индивиде и через индивида.

Элементы символическо-мистической эвфемизации смерти есть у Распутина, как и у Толстого:

«...Казалось, теперь о н а <смерть. – *С.Ш.*> заметила всех их в лицо и больше уже не забудет. Страшно было еще и видеть, как это происходит: когда-нибудь это должно было произойти и с ними, а они считали, что это то самое, и не хотели смотреть, чтобы не помнить о нем постоянно, и все-таки не могли отойти или отвернуться. Еще и потому нельзя было отойти, что о н а , занятая их матерью, могла остаться этим недовольной, а обращать лишний раз на себя ее внимание никому не хотелось» (с. 10).

Толстовский мотив «мучения» «жизни» «смертью», словно бы издевательства одной над другой как вида их «прения» у Распутина отсутствует.

В приведенных выше цитатах эксплицирована надежда на воплощение смертью какой-то иной формы жизни – идея, близкая прозревшему в финале Ивану Ильичу. Хотя открывшееся ему то, что за гробом, все же более истинно, чем посюстороннее. Иван Ильич, умирая, теряет посюстороннее целиком и полностью, ожидая более «истинной» формы существования, но не в ортодоксальном церковном смысле, конечно. Идея неканонически понятого бессмертия души прямо выражена Толстым в трактате «О жизни», который часто ставят в параллель «Смерти Ивана Ильича».

Своеобразная неортодоксальность по отношению к церковным догматам есть и у Распутина: Анна воплощает скорее определенные фольклорные идеи, для которых христианская вера – элемент адаптированных к народной жизни более общих представлений.

Несмотря на однородность и самодостаточность изображаемой среды, Распутин, однако, обнаруживает конфликт внутри этой крестьянской среды, так же, впрочем, как обнаруживал его и Толстой, когда обращался

к показу исключительно крестьянского мира вне его оппозиции городу и барству (см., например, «Власть тьмы»).

«Последний срок» построен на центрировании всей группы персонажей вокруг фигуры протагониста – умирающей старухи Анны. Налицо, впрочем, столько же центрирование героев «вокруг» старухи, сколько их противопоставление ей.

Это созвучно «собираанию» толстовских героев вокруг умирающего Ивана Ильича. Правда, ближе к финалу толстовской повести вместе с обнаружением некоей кажимости, ненастоящести внешнего мира, как бы тот не тщился представлять во всей своей дробности и мелочности, вскрывается и фантомность окружающих толстовского протагониста персонажей. Обнаруживается их неподлинность для него, «единственного» (в значении М. Штирнера), в кругозоре которого, как оказывается, только и существует внешний мир. (Правда, для Толстого фиктивна в конечном счете и смерть.)

Но ведь это примерно те идеи, к которым придет один из основателей феноменологического движения, поставившего проблемы взаимодействия человеческого сознания и мира, Э. Гуссерль. Ю. Хабермас справедливо пишет о субъективном идеализме Гуссерля⁵. Д. Орвин верно указала на солипсический идеализм Толстого⁶.

Его можно непосредственно возвести в том числе к указанному выше М. Штирнеру, а также – из тех, кого чтит Толстой, – к Монтеню, к Канту с его «ноуменом», истинная сущность которого якобы недоступна и тем самым «кажимостна», к вытекающей из философии Канта шопенгауэровской идее об одной из ипостасей мира как только человеческом «представлении». Менее всего толстовский солипсизм восходит к романтизму как школе, но он тесно связан с тем романтизмом, которым Гегель называл все христианское искусство начиная со Средних веков.

Распутин, в отличие от позднего Толстого и его протагониста, совершенно не покушается на права окружающего мира. У Распутина «мир» – как в «Войне и мире»: белый свет, во всей глубине значений этой мифологемы⁷.

⁵ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. М. М. Беляева и др. 2-е изд. М., 2008.

⁶ Орвин Д. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880 / Пер. А. Г. Гродецкой. СПб., 2006. С. 175.

⁷ См. анализ символики мира у Толстого: Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1963.

Внешняя реальность для Распутина неотделима от субъекта и наоборот. Предельным проявлением сращенности человека и хронотопа становится у Распутина описание дома Анны:

«Не верилось, что изба может пережить старуху и остаться на своем месте после нее – похоже, они постарели до одинаково дальней, последней черты и держатся только благодаря друг другу» (с. 15).

С точки зрения же Толстого, Ивану Ильичу необходимо разорвать – резко – эту сращенность своего существования с миром, со всем посюсторонним (=фальшивым). Распутин здесь ближе Хайдеггеру, осуждавшему солипсизм, резко критиковавшему тех, кто подвергает сомнению существование мира. И Распутин мог бы повторить слова Хайдеггера о том, что мир – это всегда духовный мир⁸.

Поскольку Распутин (и его нарратор) принимает действительность как таковую (а действительность, конечно, не только «реальный мир», но и духовное начало), он в определенной степени доверяет всем персонажам, не только умирающей старухе, пытается не только непредвзято оценить каждого, но так или иначе оправдать его. Выпивающие приготовленную для поминок Анны водку Илья и Михаил, а также другие дети Анны в их неприглядных поступках не только осуждены нарратором и старухой, но также в каком-то не бытовом смысле оправданы – и слабостью человеческой природы вообще, и серыми обстоятельствами жизни, и даже, может быть, «роком», воплощенным непосредственно в этих обстоятельствах. Если же не «роком», то, во всяком случае, некоей неведомой силой⁹.

Характерное для второстепенных персонажей толстовской повести скандальное нежелание замечать смерть и смертность человека находит не вполне принципиальную параллель у Распутина:

«Упоминание о смерти заставило их <выпивающих в бане. – С.Ш.> насторожиться, присмиреть, даже задышали с опаской, словно воздух уже был отравлен вьедливой потусторонней затхлостью, пускать которую живым в себя нельзя» (с. 9).

Смерть понята здесь как отрицательное потустороннее, которое хотя и не должно быть «впущено» в жизнь, но все же проявляется в ней.

⁸ Хайдеггер М. Введение в метафизику / Пер. Н. О. Гучинской. СПб., 1997. С. 126.

⁹ В связи с мотивом потусторонности ср. также описание охвативших Люсю в родной деревне воспоминаний: «Она подумала, что лучше идти полем, но не сошла с дороги, не могла сделать в сторону ни одного шага, подчиняясь чьей-то чужой воле, которую невозможно послушаться» (с. 34).

Но так это лишь для отдалившихся от «философско-народного» видения людей. В основном же дети Анны пытаются по-своему обратить внимание на феномен смерти, но они слишком заняты собой, чтобы всерьез пробиться к существенному.

В отличие от Анны, умирающий Иван Ильич не прощает ни себя, ни остальных, которые совсем не понимают протагониста. Однако в акте биологического отдаления от всех людей он все же принимает их – но только и именно в этом акте. Для примирения с миром Ивану Ильичу понадобилось уйти из мира. Анна же и жила, и, несмотря ни на что, умерла примиренной – стоически, философски примиренной. Но выживут ли ее дети без нее? Не спасуют ли перед жизненными, социальными трудностями, приближение которых для страны передал Распутин?

Анна, в отличие от своих детей, помнит о всей целостности и полноте привычного мужицкого уклада, образа жизни, шире – «первобытной» (это слово прямо употребляется Распутиным), мифологическо-фольклорной картины мира. (Несколько выделяющийся на фоне остальных детей образ Варвары воплощает только сугубо внешнюю, да и то отрывочную, сторону памяти.) Поэтому Анна, как и все толстовские крестьяне, не боится смерти.

Отличительной чертой мифопоэтики Распутина с необходимостью является ее аисторизм. Это также черта модернистская, как и внимание к проблеме сознания. Мы имеем в виду то, что мифологическо-фольклорная, «извечная» модель существования мыслится нарратором и автором «Последнего срока» всегда неизменной и неизменяемой. Как будто не было, например, советской ломки традиционного уклада. Однако эта трансформация была в известной мере реанимацией именно архаических «вневременных» моделей жизни¹⁰.

То, что у Распутина почти отсутствуют конкретизированные узко-социальные реалии, что советский порядок мыслится им как «вечный», свидетельствует столько же о мифопоэтике повести, сколько же о модернистском аисторизме.

Герои Распутина почти свободно говорят о Боге, будто это было разрешено делать в изображаемые времена и тем более писать об этом, но христианский Бог в «Последнем сроке» все же во многом отстывает

¹⁰ См.: Шульц С. А. Мифопоэтика социалистического реализма: М. Шолохов и И. Пырьев // Шолоховские чтения – 97. Ростов-на-Дону, 1997.

перед более древними архетипами, например образом Матери – Сырой Земли.

Дети Анны осознают смысл исконной «архаически-вечной» модели существования – тем самым она уже, впрочем, и не архаична, а современна – уже осколочно.

В отличие от практически полной одинаковости персонажей «Смерти Ивана Ильича» в их лицемерии и фальши, различающихся лишь в оттенках, окружение умирающей Анны индивидуализировано.

У каждого из детей, в том числе умерших или погибших на войне, свое лицо, своя судьба, свой путь. Все они, каждый как может, пытаются проявить искреннее сочувствие к участи Анны, но всем им не суждено до конца осуществить это. Распутин здесь, повторим, и строг к своим героям, но в какой-то степени оправдывает их перед уникально масштабной даже в самой своей простоте личностью Анны: слишком трудно детям стать подобным ей, это задача в современных им условиях невыполнима...

Единственное, чем могут они походить на мать, – участием в продолжении рода. «Последний срок» в определенном ракурсе – именно история рода, в том числе и человеческого рода как такового, что выводит повествование в широкий символический контекст, напоминающий и о библейском плане.

Повесть Распутина сопоставима с откровенно мифологизированным (уже прямо язычески, но также, однако, комически) рассказом Г.-Г. Маркеса «Похороны великой мамы», где умершая старуха, глава рода, отождествляется с великой богиней, матерью богов, и почести ей воздает, несмотря на языческие мотивы произведения, сам римский первосвященник.

И у Маркеса, и особенно у Распутина обращает на себя внимание предельный акцент на образе матери – при размытости, скупости рисунка образа отца. Отца словно бы и не было. Его образ не важен... Это – обращение к «матриархату», мыслящемуся обоими авторами, пожалуй, в виде «исторической инверсии» (М. Бахтин) – в виде возможного будущего. Однако более существенно то, что образ Анны в конечном счете представляет Россию: в нем есть и символические, и даже аллегорические черты.

Несмотря на то что Таньчора не появляется, а остальные дети уезжают, умирающая Анна проявляет, в отличие от Ивана Ильича, стоическое – практически в строгом философском смысле этого слова –

величие духа. Страхи же и переживания Ивана Ильича в тенденции толстовской повести абсолютно «извинительны» из-за того, что он не знает высших начал.

Умирая, Анна осознает, что жила только для рождения детей, их воспитания, их существования как такового. И неважно, позитивно было и есть это их существование или нет. Важно, что оно было и есть в принципе – но в значении простого «наличия» или же в значении экзистирования, бытийствования (как у Хайдеггера)? Ответ находится, видимо, посередине.

В смерти Анна остается отъединенной от детей. Теряя их в конце концов биологически и морально, Анна все же остается самой собой. Одна ее жизнь и одна ее смерть перевешивает важность всего остального, предстоящего перед этой смертью мелким, ничтожным.

В смерти Анна, подобно Ивану Ильичу, именно начинает видеть что-то главное в бытии, не только в будущем, но и настоящем и прошлом: что она все же (и именно) одна в мире, как и всякий другой человек, как Иван Ильич, и что это совсем не отменяет необходимости общения и диалога (в бахтинском значении), что она бессмертна.

По ходу развития сюжета дети Анны то приближаются к границам сознания умирающей, то удаляются от них. В целом же, однако, нарратор и автор отмечают, что дети проигрывают своей матери в масштабности, цельности, подлинности личности¹¹.

В «Последнем сроке» возникает ситуация, особенно характерная для Толстого: противопоставление восприятия героем самого себя изнутри (и своей жизни, и своей смерти, т. е. самосознание) – и перцепция героя извне, окружающими.

То, что открывается Ивану Ильичу в процессе умирания, понимает только он сам – и его союзник нарратор / автор. То, что вспоминает, воссоздает внутри своего самосознания Анна, ее колебания между миром живых и миром мертвых, ее прозрения в сущность жизни рода и индивида, жизни человечества в целом, ее путь в неизбежное – все это очень часто преподносится нарратором/автором как реанимация «коллективного бессознательного», мифологически-фольклорного «архетипа» (по Юнгу, которого Распутин на тот момент мог, впрочем, и не знать, как и Хайдеггера).

¹¹ Ср.: Kováčová M. Op. cit. S. 35.

Анна питает надежду встретить на том свете некоего «двойника» – такую же старуху, как и она. Это символизирует упование старухи на обретение абсолютного понимания на том свете. В реальности аналогом такого ожидаемого за гробом двойника, могущего все понять и принять, выступает Мирониха, чей образ среди других персонажей повести стоит особняком.

В «Последнем сроке» мотив двойничества несет позитивное значение. В более двусмысленном аспекте он мелькает в «Смерти Ивана Ильича», когда протагонист вспоминает детские годы, воспринимая себя в третьем лице, как нечто стороннее ему нынешнему:

«...Он был Ваня с мама, с папа, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожного полосками мячика, который так любил Ваня?» (с. 93).

В первом предложении приведенной цитаты персоним «Ваня» фигурирует в аспекте восприятия героя другими, причем этих других воспринимает также сам Ваня, воскрешая в памяти, какими они были «тогда». Во втором предложении цитаты намечается «двойничество» в несколько более точном смысле: герой оценивается в качестве постороннего по отношению к самому себе: «так любил Ваня» – это уже взгляд почти извне, хотя речь идет о самом же себе.

Умирая, старуха видит то «свет» (подобно Ивану Ильичу), то тьму, но главным для нее оказывается не просто воспоминание, но некий мистический «анамнезис» в духе Платона, воскрешение всей цепочки событий прошлого, связанных непосредственно и прежде всего с ее детьми. Внешний мир и дети – вот то, что, понимает Анна, останется после нее. В своем анамнезисе Анна «вспоминает» и свое будущее – протягивается нить из былого в видимое (посюстороннее) и невидимое (потустороннее)...

Как сложится дальнейшая «история бытия», «судьба бытия» (Хайдеггер) после Анны, после Ивана Ильича?

Список литературы

- Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1963.
 Орвин Д. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. СПб., 2006.
 Распутин В. Г. Последний срок. М., 1976.
 Семенова С. Г. Валентин Распутин. М., 1987.
 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 26. М., 1936.
 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2008.

Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997.

Шульц С. А. Мифопоэтика социалистического реализма: М. Шолохов и И. Пырьев // Шолоховские чтения – 97. Ростов-на-Дону, 1997.

Hajnady Z. Ivan Ilyich and Existence Compared to Death. Lev Tolstoy and Martin Heidegger // *Acta Litteraria Academiae Scientorum Hungaricae*. 1985. № 27.

Kováčová M. Valentin Rasputin a ruská dedina druhej polovice 20. storočia. Banská Bystrica, 2000.

Сведения об авторе: Шульц Сергей Анатольевич, доктор филологических наук, автор книг «Гоголь. Личность и художественный мир» (М., 1994), «Историческая поэтика драматургии Л.Н.Толстого (герменевтический аспект)» (Ростов-на-Дону, 2002). E-mail: s_shulz@mail.ru, shulcz-70@mail.ru

К.К.Бораганова

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КУМЫКОВ ПО ДАННЫМ КУМЫКСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В данной статье рассмотрены гендерные стереотипы во фразеологических единицах в кумыкском языке. Методом сплошной выборки фразеологических единиц, для которой критерием отбора являлся признак гендерной маркированности, автор проанализировал социополовую вариативность в рамках кумыкского языка. На основе установленных установленных в ходе данного анализа гендерных стереотипов уточняется социо-культурная характеристика представителей кумыкского народа.

Ключевые слова: кумыкский язык, фразеологизмы, гендерные стереотипы, пресуппозиция, феминность, маскулинность.

The article reviews gender stereotypes as expressed in phraseological units in Kumyk. Using the method of total selection where the principal indicator was gender markedness, the author analyzed the social and gender variety of Kumyk. The socio-cultural picture of Kumyk was drawn on the basis of gender stereotypes retrieved in the course of the analysis.

Key words: Kumyk, idioms, gender stereotypes, presupposition, femininity, masculinity.

В последние десятилетия в языкознании все более отчетливо вырисовывается новое направление исследований, основанных на социально и культурно маркированной специфике пола, именуемой гендером. Данное понятие порождает ряд других, находящих отражение как в лексике, так и во фразеологии. К их числу принадлежат гендерные стереотипы, т. е. «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов» [Кирилина, 1998 б: 98]. Стереотипы реализуются на всех уровнях языка, но наиболее ярко аксиологическая природа гендерных стереотипов проявляется во фразеологических единицах языка (далее ФЕ). Фразеологический фонд интересен в качестве материала для исследования ещё и потому, что ФЕ, в их широком понимании, представляя собой лексически неделимые, устойчивые в своем составе и структуре, целостные по значению словосочетания или предложения, являются наиболее чувствительными областями языка. В них быстрее всего (даже

в пределах одного и того же поколения) обнаруживается результат социально-экономических изменений, происходящих в обществе.

Исследование гендерных стереотипов на материале ФЕ получило широкое распространение и является одним из наиболее актуальных направлений в современной лингвистике. Существует ряд работ, посвященных данной проблематике, среди них такие, как [Никольская, 2005], [Кириллина, 1998а], [Ермолаева, 2011], [Соловьева, 2014а, 2014б] и др. Методом сплошной выборки ФЕ, где критерием отбора является формально-семантический признак, авторы данных работ исследуют, в каких фрагментах картины мира, фиксируемой языком, происходит означивание «второго пола»¹ и какое место на аксиологической шкале оно занимает.

На материале кумыкского языка² еще не проводилось подобных исследований. Однако в связи с появлением нового, дополненного кумыкско-русского фразеологического словаря [Гаджихметов, 2014] данное исследование стало возможным. В данной статье вслед за Н. Э. Гаджихметовым мы будем понимать не только собственно ФЕ (идиомы, эквивалентные слову), но и паремии (устойчивые фразеологизированные предложения дидактического содержания – пословицы и поговорки), видя общность фразеологизмов в традиционном понимании (по классификации В. В. Виноградова) и паремий в том, что они не создаются, а воспроизводятся в речи и имеют постоянный состав.

Кумыкско-русский фразеологический словарь Н. Э. Гаджихметова насчитывает 3300 ФЕ кумыкского языка. Среди них путем выборки было обнаружено только 12 ФЕ. с ключевыми словами *эр* в значении ‘мужчина’ и *къатын* в значении ‘женщина’³, например:

1 «Второй пол» – название книги Симоны де Бовуар, в которой она утверждает, что гендерные различия не являются естественными или биологическими, но в социокультурном пространстве легитимируются в данных категориях. Бовуар подробно описывает, каким образом конструируется неравенство полов в процессе социализации детей через культурные символы, взаимодействие с родителями и другими взрослыми, детьми. «Второй пол» – не биологический пол, а социокультурный.

² Кумыкский язык (самоназвание: кьумукъ тил) – язык кумыков, распространён в Дагестане, на севере Чечни и в Моздокском районе Северной Осетии. Относится к кыпчакской группе тюркских языков (в которую входят также карачаево-балкарский, ногайский и др. языки). Число говорящих на кумыкском около 450–500 тысяч человек. Кумыкский язык – один из шести литературных языков Дагестана.

³ В кумыкском языке, как и в некоторых других языках, слово со значением ‘мужчина’ имеет также значение ‘муж’, а слово, со значением ‘женщина’ имеет также значение ‘жена’.

(1) *Къатын хабар* (дешевые разговоры, сплетни, букв. ‘женские разговоры’);

(2) *Эрнине эр мыйыгъы битмеген* (молодой, не достигший совершеннолетия парень; безусый юнец).

Но для исследования гендерных стереотипов интерес представляет также анализ ФЕ со словами, обозначающими лицо не по его половой принадлежности в чистом виде, а содержащими помимо семы пола также семы возраста и / или степени родства (ФЕ с ключевыми словами *улан* «мальчик, сын», *къыз* «девочка, дочь», *ата* «отец», *ана* «мать», *гелин* «невеста / невестка», *гиев* «жених / зять», *абай* «тетушка», а также словами *эр* в значении ‘муж’, и *къатын* в значении ‘жена’). В этом случае можно говорить не только о различии социальных ролей и статусов мужчин и женщин, но и о дифференциации гендерных и возрастных ролей внутри семьи. Таким образом, методом сплошной выборки нами было отобрано 144 ФЕ, распределение которых по значениям ключевых слов отражает нижеследующая таблица:

мужчина					
мужчина	муж	отец	мальчик	сын	зять
6	2	37	5	9	3

женщина						
женщина	жена	мать	девушка, девочка	дочь	невестка	тетушка
6	9	44	13	9	9	1

Здесь нужно сразу оговорить, что в статье представлены все виды ФЕ (фразеологические сращения, сочетания, единства, а также выражения), так как все они представляют интерес для исследования гендерных стереотипов. Пословный перевод ФЕ приводится каждый раз, когда он расходится с литературным.

Существенная для выявления гендерных стереотипов информация может присутствовать в ФЕ разных тематических групп. Например, в группе «патриотизм» находим ФЕ:

(3) *Ана аявлу йимик, ана тилде аявлу* (как мать дорогá, так и родной язык дорог).

В данной ФЕ гендерным компонентом выступает пресуппозиция 'каждому человеку дорога́ его мать'. Для сравнения возьмем ФЕ с ключевым словом «отец»:

(4) *Атасын сатажакъ* (букв. отца родного продаст – о продажном человеке).

В последнем примере присутствует пресуппозиция 'только подлый и продажный человек предаст родного отца', характеризующая кумыков как народ, крепко держащийся за свой род, семью, Отчизну. Интересно, что наименованию «родной язык» в кумыкском языке соответствует атрибутивное словосочетание с именем *ана* «мать» – *ана тил*, а для обозначения «родное село, Отчизна» – с именем *ата* «отец»: *ата юрт*.

Очень ярко демонстрирует социальное положение мужчин и женщин в семье тематическая группа «семейное положение»:

(5) *Къазан асмакъ – къатынгъа, агъач ярмакъ – эркеге* (кастрюлю ставить на огонь – женщине, дрова колоть – мужчине);

(6) *Авлетингни яида уьйрет, къатынынгни баида уьйрет* (ребенка воспитывай с детства, а жену прежде того).

В первой и приведенных только что ФЕ с ключевыми словами «женщина» и «мужчина» можно увидеть четкое распределение обязанностей в семье. Во второй же ФЕ, со словом «жена», содержится имплицитная информация о том, что жену необходимо воспитывать, подстраивать под мужчину, что свидетельствует о доминантном положении мужчины, мужа. Однако, несмотря на казалось бы безусловную доминацию мужчин над женщинами, в семье роль жены далеко не так плачевна:

(7) *Къатын айтар, эр къайтар* (жена скажет, муж послушается).

В ФЕ (7) четко прослеживается линия эмансипации жены. Логичным и естественным результатом этого процесса, как можно предположить, является недовольство мужчины и нежелание вступать в пустую полемику, ср. ФЕ (1), а также (8 и 9):

(8) *Къатын балагъдан Аллагъ сакъласын* (Боже упаси от беды, связанной с женщиной);

(9) *Къатын алсанг, балта ал, аякъларынг чалт ал* (женился – шагай быстрее, букв.: 'если женился, возьми топор и прибавь шагу').

В примерах (8) и (9) с ключевым словом «къатын» женщина/жена представляется человеком, от которого стоит ждать беды, человеком, приносящим неприятности. В противовес «жене-неприятности» идет «жена-идеал»:

(10) *Къатын тюгюл, алтын* – не жена, а золото.

Для мужа главная добродетель жены, необходимая и основополагающая черта ее характера, по значимости превышающая внешность, заключается в умении вести хозяйство, в домовитости:

(11) *Къатыны аривлюгюн макътама, жигерлигин макъта* (хвалят жену не за красоту, хвалят за ее проворность);

(12) *Уьй жанлы къатын* (домовитая, хозяйственная женщина);

(13) *Къызы аривлюгю булан сув ичмессен* (красотой девушки сыт не будешь, букв.: ‘воды не напьешься’). В жене заключается счастье и жизнь мужа, если жена отвечает всем вышеприведенным требованиям, мужу большего и желать не надо. Данная пресуппозиция подтверждается следующей ФЕ:

(14) *Къатыны яхишы, къарт болмас* (у кого жена хорошая, тот не состарится).

О наличии гендерных стереотипов могут свидетельствовать также следующие ФЕ, в которых четко прослеживаются предрассудки носителей языка:

(15) *Етишген кыыз* (девушка на выданье, букв. ‘дошедшая девушка’), или же

(16) *Уьде къалгъан кыыз* (о девушке, которая не вышла замуж, букв. ‘дома оставшаяся девушка’); здесь содержится пресуппозиция ‘Девушка должна выйти замуж в определенный период’.

Несложно догадаться, что аналогичного выражения для мужского пола нет, а значит, мужчина может жениться в любом возрасте и это будет считаться приемлемым.

Стереотипизация коснулась и поведения мужчин:

(17) *Уьй гиев* («примак», с отрицательной коннотацией; букв. ‘домашний зять’)

Из последнего примера следует, что мужчине не подобает материально зависеть от родителей жены, а необходимо работать, чтобы добиться финансовой самостоятельности.

Для мужчины честь – это главная ценность:

(18) *Эрни эр оьлтюрмес, эрни намус оьлтюрер* (мужчину убивает не мужчина, а честь).

В ФЕ (18), с ключевым словом «эр» (мужчина), заключена пресуппозиция: мужчину (здесь слово «мужчина» не несет в себе значение «человек мужского пола», а скорее значение «носитель мужских качеств, мужественности») способна убить только честь, т. е. осознание того,

что он совершил что-то бесчестное, низкое, поступок, недостойный мужчины.

Мужчине не пристало сидеть постоянно дома, это воин, которого смерть настигнет не мирно сидящим возле домашнего очага, а вне его:

(19) *Эр уланлар уйде тувар, кьырда оьлер* (мужчины рождаются дома, а умирают не дома).

В примере (19) присутствуют два ключевых слова: «эр» (мужчина) и «улан» (юноша, мальчик), что свидетельствует о том, что данная пресуппозиция не имеет возрастных ограничений, будь то мужчина или безусый юнец, ему не пристало умирать дома.

У кумыков очень близкие и тесные отношения с родителями:

(20) *Ата-ана алтын къанат* (родители – золотые крылья);

(21) *Абурлу болмагъа сюйсенг, атанг-анангны абурла* (уважай родителей, если хочешь, чтобы уважали тебя).

Интересным также представляется различие в отношении к родственникам матери и к родственникам отца, представленное в следующей ФЕ:

(22) *Атам къардаш – къан къардаш, анам къардаш – джан къардаш* (отцовские родственники – родственники по крови, материнские родственники – родственники по душе).

В этом примере с помощью метафорических выражений имплицитно показано, что родственники по материнской линии оказываются ближе ребенку, чем родственники по отцовской линии, что доказывает наличие более тесной связи с матерью, чем с отцом:

(23) *Ана гёнгю балада, бала гёнгю гъавада* (мысли матери – о ребенке, а ребенка – о воздушных замках);

(24) *Ана къаз артдан учар* (гусыня взлетает после гусят);

(25) *Ана-бала болуп яшайбыз* (мы живем как одна семья, букв.: ‘мы живем как мать с детьми’).

Связь же матери с дочерью оказывается еще более тесной:

(26) *Анасы терекге минсе, кызы бутагъына минер* (яблоко от яблони далеко не падает, букв.: ‘если мать залезет на дерево, дочь залезет на ветвь’).

Не обошли гендерные стереотипы и рождение детей. Рождение сына в семье – это повод для радости:

(27) *Улан десе, уьй тола* (сын – это радость дома, букв.: ‘если сказать «сын», то дом наполняется радостью’).

Родить мальчика – повод для гордости, невозможность сделать – это позор:

(28) *Ондан улан тувмас* (от него никакого толку не будет, букв.: ‘от него мальчик не родится’).

Иное дело – рождение дочери:

(29) *Къыз сакълагъынча, къаз сакъла* – чем содержать дочь, лучше содержать гуся.

Подобное различие в отношении к детям разных полов можно связать с теми проблемами и хлопотами, которые возникают в процессе воспитания и определения будущего дочери:

(30) *Къыз узатсанг, къып-ялангъач къалырсан* (будешь выдавать дочку замуж – останешься голым);

(31) *Къызы барны назы бар* (у кого есть дочь, у того есть свои капризы).

К тому же дочь уже при рождении считается «чужим» человеком, который пойдет в другую семью и не будет жить с родителями:

(32) *Къызлар – гишини чырыны таишы* (девушки – камни чужой стены).

Для кумыков важным представляется момент взросления, становления личности, когда ребенок становится зрелым человеком:

(33) *Эр санына гирмек* (возмужать, букв.: ‘войти в сан мужчины’);

(34) *Къыз болмакъ* (повзрослеть, букв.: ‘стать девушкой’).

Особый интерес представляют ФЕ, в которых заложена информация об отношении к новым членам семьи: к зятю и к невестке. Здесь, как ни странно, наблюдается относительная симметрия в отношениях к мужчине и к женщине, и того и другую в равной степени недолюбливают:

(35) *Гелин турду – там аурду* (невестка встала – стена упала);

(36) *Гиевню ери – эшик арт* (место зятя – у дверей).

Однако наряду с отрицательной коннотацией наблюдается и положительная:

(37) *Гелини яхишыны уланы да яхишы, уланы яхишыны гелини де яхишы* (у кого невестка хорошая, у того и сын хороший, у кого сын хороший, у того и невестка хорошая).

Отрицательно воспринимается стремление вторгаться в семейную жизнь своего сына или дочери:

(38) *Гелинин чайнагъан уланын ашар, гиевюн чайнагъан къызын ашар* [кто невестку мучает (‘букв.: жуёт), тот сына проглотит, кто зятя мучает, тот дочь свою проглотит].

Нравственный облик кумыков, отраженный в ФЕ, предстает таким образом: кумыки – рассудительные и наблюдательные, со строгими понятиями о чести и верности данному слову, отзывчивые к чужому горю, любящие свой край, склонные к созерцанию и философским размышлениям, но умеющие и повеселиться с товарищами.

У кумыков очень развито чувство уважения к родителям, старшим, к своему народу, языку. В их менталитете, несмотря на доминирующую позицию мужчины в обществе, матери отводится ведущее положение, что подтверждается зафиксированными ФЕ.

Феминная гендерная роль предписывает женщинам быть заботливыми, эмоциональными, чувствительными к интересам и проблемам других людей.

Маскулинная гендерная роль требует от мужчин активности, агрессивности, доминирования, амбициозности.

Список литературы

- Гаджихамедов Н. Э.* Кумыкско-русский фразеологический словарь. Махачкала, 2014
- Ермолаева М. В.* Репрезентация гендерных стереотипов в русской фразеологии // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1.
- Кирилина А. В.* Гендерные стереотипы, речевое общение и деловая лексика // Имидж женщины-лидера. Иваново, 1998а.
- Кирилина А. В.* Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы. Материалы международной научной конференции. Иваново, 1998б.
- Кумыкско-русский словарь / Сост. Б. Г. Бамматов, Н. Э. Гаджихамедов; Под ред. Б. Г. Бамматова, Г. М. Оразаева. Махачкала, 2013.
- Никольская В. А.* Гендерные асимметрии и стереотипы в английской фразеологии: Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005.
- Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Соловьева Н. С.* Взгляд на образ руководителя сквозь призму гендерных стереотипов (на материале фразеологии) // The theory and practice of gender researches in world science: Materials of the V international scientific conference on May 5–6, 2014. Прага. 2014а.
- Соловьева Н. С.* Динамика гендерных стереотипов в английской и русской языковых картинах мира: на материале фразеологии. М., 2014б.

Сведения об авторе: *Бораганова Камила Камиловна*, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: boraganovakamila@mail.ru

К.П. Тарасова

ВЫКРИКИ УЛИЧНЫХ ТОРГОВЦЕВ КАК ВИД РЕКЛАМЫ

В статье исследуются лексические и грамматические особенности таких устных текстов, как выкрики уличных торговцев, записанных в России в начале XX века. Выкрик рассматривается как вид устной рекламы и как особый фольклорный жанр.

Ключевые слова: история рекламы, устные формы рекламы, ярмарочный фольклор, выкрики уличных торговцев,

The object of this article is the early 20th century Moscow street peddlers' cries as a part of puffing advertising. The article contains some special features of the Russian peddlers' cries and explains what they have in common with spoken advertising and as a specific folk genre.

Key words: puffing advertising, cries of Moscow street peddlers, history of advertising, folklore.

Выкрики – это присловья, которыми разносчики и уличные торговцы сопровождали продажу своего товара. Подобные тексты имеют долгую историю. В Древней Греции торговцы распевали на улицах рекламные песни: «Чтобы глаза сияли, чтоб щеки алели, чтоб надолго сохранилась девичья краса, разумная женщина будет покупать косметику по разумным ценам у Экслиптоса» [Панкратов, 2005: 24]. В Древнем Риме таким образом в специально отведенных местах продавали рабов, а также зазывали на бои гладиаторов, выступления жонглеров и уличных актеров [Панкратов, 2005: 23]. Философ Сенека в письмах к Луциллию жаловался на уличный шум: «Сейчас вокруг меня со всех сторон многочисленный шум: ведь я живу над самой баней <...>. К тому же есть еще и пирожники, и колбасники, и торговцы всякими кушаньями, каждый на свой лад выкликающие товар» [Панкратов, 2005: 23]. Первый сборник «Крики Парижа» Гильома де Вильнева появился в XIII веке, «Крики Рима» – в XIV, «Крики Лондона» вышли в 1608 году.

В России выкрики торговцев стали записывать гораздо позже (записи Е. П. Иванова относятся в основном к началу XX века, а В. И. Симакова – уже к послереволюционному времени), однако рассказы о выкриках московских разносчиков встречаются в мемуарах некоторых москвичей. Так, например, Петр Викторович Вистенгоф в 1842 г. в книге «Очерки

московской жизни» пишет следующее: «Бесчисленное множество разносчиков всякого рода наполняют московские улицы. Одни из них, разодетые в синих халатах, продают дорогой товар, другие, в серых товарах, торгуют товаром средней цены, наконец, мальчики и бабы разносят самые дешевые лакомства... Это особенный род разносчиков; они, обыкновенно, бывают старики и продают ягоды в лукошках, накладывая из них в чашечки и помазывая наложенную порцию медом. Продажа всегда сопровождается следующей песней: “По ягоду, по клюкву, володимирская клюкву, приходила клюкву издалека просить меди пятака, а вы, детушки, поплакивайте, у матушек грошиков попрашивайте, ах, по ягоду, по клюкву, крррупная володимирская клюкву!” Разносчик-спекулятор обыкновенно надевает шапку набок и старается смешить публику... он часто успевает в своей проделке и, если бывает забавен, то с ним почти не торгуются, и дешевый товар его продается славно, принося на обращающийся в торговле капитал процентов больше, чем выигрывают в косметиках на галантерейских товарах» [Вистенгоф, 2011: 113].

Выкрики уличных торговцев – это такой фольклорный жанр, который вместе с рядом других жанров принадлежит площадной, ярмарочной культуре [Некрылова, 1988: 92]. «Выкрики» – профессиональный термин, используемый фольклористами [Некрылова: 1988], [Булак: 1978], [Ковпик: 2009]. Наряду с ним встречается и термин «крик» [Муравьев: 2005], а подобный тип торговли самими зазывалами назывался «торговлей на крик» [Муравьев, 2005: 274], [Некрылова, 1991: 78]. Выкрики можно рассматривать, с одной стороны, как жанр фольклора, а с другой – как форму устной рекламы. Анализируемые в статье тексты выкриков извлечены из двух источников: это записи, сделанные Е. П. Ивановым и В. И. Симаковым в конце XIX – начале XX веков.

Выкрики уличных торговцев как жанр ярмарочного фольклора включаются также в понятие «народный театр» [Некрылова, 1991: 15]. По жанру к выкрикам ближе всего стоят заклички балаганных зазывал, звучавшие перед началом представления и служившие для привлечения внимания и возбуждения интереса публики к нему. Высшей степенью мастерства среди торговцев считалось краснобайство – способность сочинять импровизированное, достаточное развернутое повествование. Иногда действительно встречались талантливые импровизаторы, обладавшие определенными актерскими навыками, что было совсем не лишним: чем оригинальней и ярче форма, в которой подается информация

о товаре, тем больше шансов, что его купят. Отдельные продавцы могли «краснобайствовать» часами [Муравьев, 2005: 276]. Однако В. И. Симаков пишет, что среди уличных торговцев редко встречаются «истинные краснобай», которые могли рассказать длинную присказку, а чаще можно было услышать короткий выкрик. Впрочем, большая часть материала, записанного В. И. Симаковым, относится уже к послереволюционному времени, когда жанр постепенно начинал исчезать.

Импровизацию выкриков, как и остальных текстов фольклорных жанров, облегчали определенный набор рифм (*века – человека, народ – ворот, подмеса – веса, на меду – накладу, дна – (цена) одна, занятно – приятно* и т. д.) и устойчивые словесные формулы.

В выкриках, как и в других жанрах городского фольклора, набор стандартных рифм увеличен благодаря использованию новой лексики, которая неизбежно появляется в рекламных текстах и оправдана их содержанием. Перечислим основные пласты такой лексики.

1) Топонимы: *бежит, спешит народ/ от Красных ворот; И с Таганки, / И с Лубянки, / И с самой матушки Землянки; Эх, подваливай народ, / От Красных ворот, / С Курского вокзала, / С Земляного вала!; Вали валом, народ, / От Яузских ворот, / Со Сретенки, с Лубянки, / С Тверской, Моховой, / На товар дешевой!*

2) Названия марок товара и магазинов: *Папиросы есть «Трезвон», – / Подходи со всех сторон!; Папиросы «Дели» – / Кури две недели!; Папиросы «Узбек», / От которых сам черт убеет!; Вот спички Лапишина, – / Горят, как солнце и луна!; У нас дешевле! Мюра, Пассажа, / Гума и Мострикотажа!*

3) Лексика, отражающая актуальные реалии: *Товарищи и товарки, / Все рабочие и пролетарки! / Юные пионеры, / Бравые милиционеры; Конкуренция всем: / Трестам и синдикатам! / Частникам и спекулянтам!; Чистим-блистим, / Вновь полируем / Рабочим и буржуям!; Махорка – вырви глаз! / Подходи, рабочий класс!; Назло Гумам, / Назло трестам, / На радость барышням-невестам; В нашем тресте / Плати на этом месте – / Без карточек / И без очереди!*

4) Искаженная заимствованная лексика: *Каждому необходимо/ Проходящему мимо: / И антично (антик – прелесть, восторг [Булак, 1978: 53]), / И практично, / И гигиенично, / Розентабельно, / Контонабельно, / Сногибательно!; Кипит да преет, aticus-ов греет!; На базаре pessimus, а у нас optimus!*

5) Лексика, употребляющаяся в печатных объявлениях, обычно для создания иронии: *Льготные условия: / Двадцать месяцев кредит / И с доставкой на дом!* (здесь ирония создается за счет несоответствия ситуации и предложения); *Громадный выбор, / Колоссальная скидка / С четвертого этажа!* (здесь эффект достигается при помощи игры слов).

Встречаются и прямые пародии на газетные рекламные объявления: *От Френкеля Абрама / Получена срочная телеграмма: / «Хозяин помер, / Хоронить не на что, / Ликвидация дела», – покупай смело!* Рассказ о срочной распродаже в связи с закрытием компании или смертью владельца вещей – очень популярный в газетной рекламе прием, *ликвидация дела* – цитата из подобного текста (трудно сказать, когда именно это стало рекламным ходом, но объявления о распродаже вещей из-за смерти хозяина активно печатались в российских газетах уже в 20–30-х годах XVIII века, и тогда, судя по всему, сообщались достоверные факты). Пародировались и некоторые популярные рекламные приемы, например доверие покупателей к иностранному товару или продавцу: (торговец) *приехал из Америки на зеленом венике! Веник поистрепался, а я здесь остался!*

Среди устойчивых словесных формул встречаются общие с другими фольклорными жанрами: сказками (*Ай да шар-летун! / Вот он как взвизывается, / Вот как поднимается, – / Весь честной народ удивляется: / Выше леса стоячего, / Выше облака ходячего!*) и закличками балаганщиков (*торопись, торопись, у кого денежки завелись!* – ср. с закличкой балаганщика *веселись, веселись, у кого деньги завелись!*; *стой, прохожий, стой! Стой и удивляйся!* – ср. с закличками балаганщика: *представление начинается, / Сюда! Сюда! Все приглашаются! / Стой, прохожий! Остановись! / На наше чудо подивись*).

В текстах выкриков широко представлены и следующие языковые формулы:

1. Местоимение сам в сочетании с глаголом в спрягаемой форме: *Сам ловил, / Сам солил / И сам продавать принес!*; *Сам выбирай, / Сам и денежки подавай!*; *Сама летит, / сама свищет, / Сама и покупателя ищет! / Сама клюет, / Сама питается, / Сама и с деточками забавляется!* Иногда такие высказывания усиливаются повторением слова *сам* и добавлением местоимения *все*: ***Все сам делаю:*** */ Сам разбираю, / Сам раскладываю, / И сам за денежки*

продаю! / Все сам, все сам! / Сам ношу, сам вожу, / Сам размечаю, / Сам и денежки получаю.

А. Е. Кибрик и Е. А. Богданова в статье «“Сам” как оператор коррекции ожиданий адресата» [Кибрик, Богданова: 95] пишут о том, что все разнообразие значений этого слова выполняет одну коммуникативную задачу: при его посредстве говорящий пытается обратить внимание (слушающего) на то, что информация об объекте, к которому относится *сам* в данном сообщении, противоречит ожиданиям слушающего об этом объекте, а значит, эти знания требуют уточнения. В приведенных выше контекстах *сам* указывает на то, что все действия, вопреки ожиданиям, были выполнены без посторонней помощи, и может в этом контексте нести два дополнительных значения: продавец отвечает за высокое качество продукта и за такую работу продавец заслуживает большей платы.

2. Ай да + существительное: *Ай да сбитень-сбитенек!; Ай да квас! / С медком, с ледком!; Ай да махорка, вырви глаз!; Ай да мыло-мыльце!; Ай да веселый дроздок!; Ай да подсолнышки! Ай да каленые!; Ай да пироги, / Только рыло береги!* Такие конструкции обычно начинают текст, одновременно и объявляя предмет продажи, и указывая на высокую степень его положительных качеств.

3. Кому + (надо) существительное: *Кому дрожжи, свежие дрожжи?; Кому «Пушку», веселую «Пушку»?!; Яблоки ранеты, яблоки! Кому яблоки?; Мармелад, шоколад! / Кому надо мармелад? / Кому надо шоколад?; Кому пирожки, горячие пирожки?*

4. Двустийшия, построенные при помощи синтаксического параллелизма и антитезы: *Купцы мы московские, / Товары ростовские!; Сами мы рязанские! / Сельди – астраханские!; Мед казанский, / Сбитеничик астраханский!; Товары французские, / А ребята русские!* Важно, что подобные строки не только привлекают внимание, но и сообщают важную информацию о товаре: *товары французские* несет информацию о качестве товара, а *сельди астраханские* использовалось в качестве названия для всех видов сельди, которые в конце XIX – начале XX веков добывались на Волге, что делает подобное название с топонимом торговой маркой, заслуживающей доверия.

Из устойчивых лексических формул часто используются синтагмы *давать даром* и *отдавать по дешевке*: *Они в долг не дают, / А по дешевке продают. / Дешево здесь продается, / Чуть не даром отдается!; Он не дорого берет, / По дешевке продает!; Мы не только продаем – / Бывает и даром даем!; Я сегодня продаю, / Чуть не даром отдаю!;*

Разузнал народ, / Кто по дешевке продает! Нередко употребляется восклицание вот оно!, которое может как начинать текст, так и заканчивать его: Вот они! Вот они! / Детские подарки / Красивы и ярки!; Выбирай, забирай / Вот они! Вот они!; Вот она, вот она – / Из Парижа везена!; Вот она! Вот она! / Только что сработана! <...> / Вот так пушка, / Детская хлопушка!.

Как и заклички балаганных «дедов» и раешников, выкрики торговцев и разносчиков используют раешный стих, т. е. акцентный стих с парной рифмовкой, в котором рифмованные строчки обычно представляют собой законченную мысль. При этом одинаковое количество ударных слогов даже в рифмующихся строках необязательно (*Приехали с клюквой из города Ростова / от дедушки Толстого!*), рифмы может и не быть (*Ай да блины! / Три дня как испечены, / А посейчас кипят!*), а также рифмоваться могут не две, а больше строк (*А вот шоколад! / Купил плитку, будешь рад, / Покупай шоколад!; Стакан – гривенник цена, / Накладываем всем сполна, / Высыпаем всем до дна, / И цена будет одна*).

По своей цели и содержанию выкрики уличных торговцев практически идентичны нашей современной рекламе, поскольку цель выкрика – привлечь покупателя и убедить его приобрести товар (т. е. превратить потенциального потребителя в реального покупателя). Выкрики можно поделить на информационные (такие играли роль вывески и просто сообщали, что можно купить у этого человека) и рекламные, рассчитанные на то, чтобы привлечь внимание покупателей. Информационные выкрики были короткими и обычно стандартными, т. е. многие товары имели свое типичное присловье, которым мог воспользоваться любой: *Огурчиков, огурчиков! Зелененьких огурчиков!; Яблоки ранеты, яблоки! Кому яблоки?; Кому «Пушку», веселую «Пушку»?; Кому дрожжи, свежие дрожжи?* В этих текстах товар только называется и ему дается какая-либо простая характеристика. Более длинные выкрики содержали подробное описание положительных свойств товара, цену и призыв немедленно его купить, а значит, играли роль и рекламы. Тип выкрика, который выбирал торговец, зависел не только от его мастерства, но и от наличия рядом конкурентов. «Если в месте, где нет конкурентов, папиросник объявлял: “Папиросы “Дели”, “Узбек”!”, то при появлении конкуренции выкрик уже не тот, а с особенкой: “Папиросы “Дели” – кури две недели!”, “Папиросы “Узбек” – от которых сам черт убеги!”»

[Муравьев, 2005: 282]. Различия между этими двумя типами можно рассмотреть на примере выкриков торговцев семечками.

В информационных выкриках (собственно выкриках [Некрылова, 1988: 93]) (*Есть семечки жареные! Кому семечки?!*) товар только именуется. В рекламных выкриках (прибаутках [Некрылова, 1988: 93]) (*По воробью, по воробью / Полный карман набью! / Торгуем без обмана, / накладываем полные карманы!*) перечисляются и положительные качества торговцев (честность), и большое (возможно, большее, чем в других местах) количество товара. Сам товар при этом мог и не называться, поскольку покупателю было видно, кто и чем торгует: *Семечки калены / Продают Алены / Нюркам и Шуркам! / Сашкам и Пашкам! / Варюшкам, Манюшкам! / Наташкам, Парашкам! / Тимкам и Мишкам! / Ванёнкам, Васёнкам! / Гришуткам, Мишуткам! / Ганькам и Санькам! / Всем, всем продаем! / И всем сдачи даем! / стакан – гривенник цена, / Накладываем всем сполна, / Высыпаем всем до дна, / И цена будет одна. / Во как тут! / Покупай, не ленись! / И плати, не стыдись!* Этот выкрик торговца семечками примечателен тем, что в нем представлено большое количество антропонимов. Это частый прием, встречающийся и у балаганщиков. Он создает иллюзию личного обращения и одновременно увеличивает целевую аудиторию. Такой эффект иногда усиливается обобщением *всем, всем продаем!*. Обычно в рекламе эту же функцию выполняют словосочетания *каждая женщина* и т. п.

Помимо указанных выше приемов, в выкриках часто используются:

1. Гипербола: (*пирог*) *Сколь горячий – / Губки жжет. / Одно масло – / К ручкам льнет! / С сахарным примесом, / С полпуда весом!; Ай да блины! / Три дня как испечены, / А посейчас кипят!; Небось / Этот квас затирался, / Когда белый свет / зачинался!; Вот где дешево! / Фунтами! Пудами! Вагонами! Эшелонами!*

2. Антитеза: *В тресте кража, / А у нас веселая распродажа!; Назло Гумам, / Назло трестам, / На радость барышням-невестам; Заходи сюда, народ! / Дорогие, милые, / Корявые и сивые, / Старые, молодые, / Толстые и худые, / Большие, малые, / Тихие и удалые!; Даром не даем, / а по дешевке продаем!; Не по старому шаблону – / Живи по новому фасону!; Хоть сам я не пригож, а товар привез хорош!; Товары французские, / А ребята русские!;*

3. Императив: *Стой, товарищ, стой! / Стой и удивляйся!; Глядите, не моргайте, / Рты не разевайте, / Ворон не считайте, / По дешевке покупайте!*

4. Синтаксический параллелизм (этот прием особенно важен для устной речи, так как помогает ее упорядочить): *Давай – покупай! / Забирай – выбирай!; Покупай, не ленись! / И плати, не стыдись!*

5. Ложная presupпозиция (обычно для этого используется восклицание *Вот оно!*, которое, будучи поставленным в начало текста, вносит смысл ‘покупатель искал именно тот товар, который здесь продается’): *Вот она! Вот она! / Только что сработана; Вот она! Вот она! / Из Парижа везена!*

Уличные торговцы прибегали к тем же психологическим приемам, которые активно использовались и используются сейчас в печатной рекламе. Это **ссылка на авторитеты** (*Ай да пирог! Этот пирог! Сам Лаврушечка пек!*), на **иностранное производство** товара (*Вот она! Вот она! / Из Парижа везена!; Новейшая игрушка! Заморская зверушка!; Американская обезьянка Фока! Танцует без отдыха и срока!*), на его **новизну** (за технические чудеса часто выдавались достаточно примитивные заводные игрушки: *Чудо двадцатого века! / Мышь убегает от живого человека!; Чудо двадцатого века! / Лягушка прыгает на живого человека!*), на **единственную возможность приобрести товар** (*Завтра придешь, / да нас уже не найдешь. / Мы торговлю кончаем / да в Америку жениться уезжаем*).

Чем менее необходима и дефицитна была продаваемая продукция, тем изощреннее могла становиться реклама. Торговцы рассказывали целые истории, доводя описываемую ситуацию до абсурда, представляя свой товар как то единственное, что может предотвратить скандал в семье, вернуть в дом спокойствие и гармонию. Вот фрагмент из выкрика торговца ножами: *Наши хозяйки три часа на кухне толкаются, а потом пять часов с мужем ругаются, отчего обед не готов. Купите заграничного изобретения нож для шинкования капусты и перестаньте быть грустны!* А вот что рассказывает торговец пятновыводящим средством: *Ехали вы верхом, / Шли ли вы пешком, / Везли ли вас на паровозе, / Катили ли вы на самовозе, / Были ли вы в бане, / Летели ли вы на аэроплане, / Были ли вы на эпадроме, / Кушали ли вы в Моссельпроме – / И вот нечаянно сделали / На хорошем костюме пятно. / Приходите вы домой, / Заводите дискуссию с собственной женой, / Она вас укоряет, / А чем помочь, не знает. / А после вашего с пятном прихода / Дело доходит чуть ли не до развода!*

С одной стороны, описанная ситуация практически универсальна, так как в тексте представлено много способов сделать это. С другой –

пятно становится деструктивной силой, способной разрушить семью, и в таком случае рекламируемое средство, благодаря которому *ваша материя / Принимает прежний вид. / И таким образом улаживаете с женой конфликт!*, становится единственным, что может справиться с надвигающейся катастрофой.

Следующий выкрик начала века одесского торговца пятновыводящим средством (из архива Л. О. Чернейко) использует двусмысленную шутку на грани допустимого приличиями. С одной стороны, это испытанное средство привлечения внимания, с другой – продолжение традиции низового юмора, свойственного ярмарочному фольклору: *И вот вы стоите, и вот вы хотите, и вот вы не можете. А не можете вы потому, что у вас нет жены или любовницы. Тогда вы берете волшебную палочку доктора Финкельштейна, берете, трете и... пятно уходит.*

А так стремится завлечь покупателей торговец планами Москвы: *Необходимо иметь на стене, чтоб мухам не заблудиться!*. Наконец, Е. П. Иванов фиксирует и такое высказывание: *Устал кричать, покупайте так!* [Иванов, 1989: 112].

В настоящее время традиция уличных выкриков практически исчезла, и зазывалы на улицах, чтобы привлечь внимание покупателей, пользуются мегафонами и говорят стандартные прозаические рекламные тексты. Но встречаются и исключения. Следующий выкрик в разных вариациях был записан осенью 2013 и 2014 года у станции метро «Фрунзенская» в Москве: *Милости просим, скорей заходите, / шубу себе поскорее купите. / Отличные меха у нас, / шубы «Elena Furs» для каждого из вас! Шубы на все времена!; Милости просим, скорей заходите, / шубу себе поскорее купите. / Отличные меха у нас, / шубы «Elena Furs» только для вас!; Огромная коллекция меха — это у нас, / шубы «Elena Furs» для каждого из вас!; Изысканная коллекция, поистине изысканная коллекция из меха, шубы «Elena Furs» только в МДМ!; Самая огромная меховая коллекция, поистине изысканные изделия из меха только у нас, отличные шубы для каждого из вас!; Самая огромная, самая большая меховая коллекция поистине изысканных изделий только у нас, отличные шубы только для вас, меховая коллекция «Elena Furs»!*

Как хорошо видно из приведенных выкриков, зазывала каждый раз варьирует и по-разному соединяет несколько основных идей: 1. «Elena Furs» предлагает огромную меховую коллекцию; 2. Все изделия в ней – изысканные; 3. Все меха – отличного качества; 4. Такую шубу можно купить только у «Elena Furs»; 5. Шубы «Elena Furs» продаются

только в МДМ; 6. Эти шубы – для каждого покупателя. Создание текстов облегчают рифмованные строки (*Милости просим, скорей заходите, / шубу себе поскорее купите; Отличные меха у нас, / шубы «Elena Furs» для каждого из вас!*) и использование приема, который часто встречался как у прежних уличных торговцев, так и у современных: именование товара, за которым следует повторное его именование, но распространенное дополнительным признаком. Для сравнения: *кому дрожжи, свежие дрожжи?; огурчиков, огурчиков, зелененьких огурчиков!* (выкрики из архива В. И. Симакова); *пирожки, горячие пирожки!; чебуреки, горячие чебуреки!* (выкрики современных торговцев, которые не так давно можно было услышать на рынках); *изысканная коллекция, поистине изысканная коллекция из меха* (фрагмент из приведенного выше текста).

Ритмическая организация рифмованных строк полностью соответствует возможным вариациям ритмики раешного стиха: *мíлости прóсим, скорéй заходíте, / шу́бу себé поскóрее купíте* (в каждой строке по 10 слогов, по 4 ударных слога, интервал между ударными 2 слога, 2 рифмованные строки представляют собой законченное высказывание, которое в дальнейшем можно вставлять в любое подходящее место выкрика); *отлíчные мехá у нáс, / шу́бы «Elena Fúrs» то́лько для вáс!* (в первой строке 8 ударных слогов, во второй – 9, в первой 3 ударных слога, во второй – 4, в первой строке интервалы между ударными 3 и 1 слог, во второй – 4, отсутствие интервала и 2).

Проанализированный материал позволяет сделать следующие выводы. Выкрики уличных торговцев являются особой разновидностью рекламы, так как выполняют ту же функцию, что и рекламные тексты: привлечь внимание покупателя и убедить его приобрести товар, – и, как следствие, пользуются теми же лингвистическими (гипербола, антитеза, ряды однородных членов, синтаксический параллелизм, создание ложной пресуппозиции) и психологическими (ссылка на авторитеты, иностранное производство товара, его новизну и единственную возможность приобрести) приемами. Устная форма существования выкриков, их содержание, манера подачи и желательные для продавца способности к импровизации и краснобайству роднит их с другими фольклорными жанрами (выкриками раешников и балаганщиков), которые, в свою очередь, продолжают традиции уличного народного театра.

Список литературы

- Богатырев П. Г.* Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре // Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Булак Т. Г.* Красноречие русского торжка. Материалы из архива В. И. Симанова // Из истории русской фольклористики. Л., 1978.
- Вистенгоф П. В.* Очерки московской жизни. М., 2011.
- Гаспаров М. Л.* Русские стихи 1890-х – 1925-х годов в комментариях. М., 1993.
- Иванов Е. П.* Меткое московское слово. М., 1989.
- Ковтик В. А., Кулагина А. В.* Традиционная и виртуальная торговая реклама // Интернет и фольклор: Сб. статей / Сост. А. В. Захаров. М., 2009.
- Муравьев В. Б.* Московские слова и словечки. М., 2005.
- Некрылова А. Ф., Савушкина Н. И.* Народный театр. М., 1991.
- Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX века. Изд. 2-е, доп. Л., 1988.
- Панкратов Ф. Г., Баженов Ю. К., Шахурин В. Г.* Основы рекламы. М., 2005.
- Сенека Л. А.* Нравственные письма к Луцилию. М., 1977.

Сведения об авторе: *Тарасова Ксения Павловна*, выпускница кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: kp.tarasova@yandex.ru

Е.В.Кобелева

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БИЗНЕСМЕНА-МАГНАТА В РОМАНЕ Ф.С.ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ПОСЛЕДНИЙ МАГНАТ»¹

Данная статья ставит своей целью показать репрезентацию образа бизнесмена-магната в американском художественном дискурсе начала XX в. на примере главного героя романа Ф.С.Фиджеральда «Последний магнат». В работе рассматриваются и анализируются общие и отличительные черты магната в сравнении с рядовым бизнесменом, а также изучаются языковые средства, используемые автором для репрезентации данного образа. В работе выстраивается иерархическая шкала а merchant – just a businessman – а magnate – а tycoon. Работа выполнена в свете культурологического подхода.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурологический концепт, бизнесмен, деньги, магнат, лидер, звезда.

This article aims to show a representation of the “tycoon businessman” in the early twentieth century American literary discourse on the basis of the novel by F.S. Fitzgerald “The Last Tycoon” and its protagonist. The paper discusses and analyzes the common and distinctive features of the tycoon in comparison with an ordinary businessman, studies the stylistic devices used by the author to present the given character’s image. The paper constructs a hierarchical scale: a merchant – just a businessman – а magnate – а tycoon. The work is carried out in terms of the cultural approach.

Key words: cultural linguistics, linguistic and cultural concept, businessman, money, tycoon, leader, star.

В современной лингвистике, где новой научной парадигмой является антропоцентризм, особый интерес представляет человек – не только как носитель языка, но и как носитель определенного знания в различных областях деятельности.

Одним из широко разрабатываемых в настоящее время направлений является лингвокультурология [Волкова, 2011; Залесова, 2009; Комова, 2000; Комова, 2005], поскольку именно она «соединяет наши знания

¹ Все цитаты из романа даются по изд.: *Fitzgerald F.S. The Last Tycoon*. Penguin Books, 1977 (с указанием в скобках номера страницы).

о языке с нашим знанием о человеке, носителе языка» [Комова, 2000: 3]. «Лингвокультурологические» концепты изучаются на основе различных дискурсов, из которых наиболее важным и интересным, на наш взгляд, является художественный дискурс, так как именно в художественной литературе наиболее полно отражается жизнь определенного общества в конкретную историческую эпоху.

Большой интерес в современном мире вызывает бизнесмен-предприниматель, о чем свидетельствует целый ряд исследований, проводимых в таких гуманитарных науках, как лингвокультурология, политология, социология, психология, философия. Эти научные дисциплины рассматривают личностные качества бизнесмена, его роль в обществе, политике и других сферах деятельности.

Интересен образ делового человека, профессионала в сфере бизнеса и для лингвистов-филологов, изучающих его как с точки зрения носителя языка, так и с точки зрения участника деловой коммуникации, что подтверждается многочисленными публикациями, появившимися на эту тему за последнее время [Иванова, Хен, 2013; Илюхина, 2012; Михайлова, 2005; Чекаева, 2012]. В свете лингвокультурологического подхода «бизнесмен» рассматривается как определенный культурно-исторически обусловленный и национально значимый концепт.

Мы исходим из того, что полнее и ярче всего репрезентация образа бизнесмена нашла свое выражение в американском художественном дискурсе, что вполне объяснимо – именно Соединенные Штаты считаются страной бизнеса и бизнесменов.

В данной работе будет рассмотрен и проанализирован образ американского бизнесмена, финансового магната 30-х гг. XX века в романе Ф. С. Фицджеральда «Последний магнат» – «The Last Tycoon» (1940), выявлены его общие и отличительные черты в сравнении с рядовым бизнесменом, а также изучены языковые средства, используемые автором для репрезентации данного образа.

«Последний магнат» – это роман о киноиндустрии и Голливуде. «Голливуд в романе – это также и производство, фабрика, коммерческое предприятие, главная цель которого – “делать деньги”. Фицджеральд дает нам почувствовать это буквально с первой же страницы книги» [Горбунов, 1974: 132].

Сесилия Брэди, от лица которой ведется повествование, «сразу же как бы мимоходом говорит о своем отце, тоже одном из крупных маг-

натов Голливуда: “Мой отец делал бизнес на кинофильмах, подобно тому, как другой делал бы его на хлопке или стали”...» [Горбунов, 1974: 132].

Главным героем романа является продюсер-бизнесмен Монро Стар. «Раскрывая смысл заглавия романа, Эдмунд Уилсон заметил, что Стар был прообразом последнего киномагната так называемого патриархального типа. Этим полунаучным термином в Америке называют предприимчивых «капитанов индустрии» времен свободной конкуренции, своими руками создавших собственные предприятия. Там они были полновластными хозяевами и лично вникали не только в сферу производства, но и в жизнь своих служащих. К началу XX века патриархальные предприниматели такого рода были, как известно, в большинстве своем вытеснены правлениями трестов и монополий» [Горбунов, 1974: 137].

Рассмотрим же образ этого «последнего магната», опираясь на авторский контекст и характерные или ключевые лексические единицы, его репрезентирующие, для чего вначале необходимо дать определение понятию ‘магнат’, которому в английском языке соответствуют лексемы *a magnate* (синоним *a mogul*) и *a tycoon*. С этой целью обратимся к толковым словарям. «Your Dictionary Online» приводит следующие толкования данных лексем:

a magnate – someone who is influential and powerful in a specific field;
mogul – a powerful or rich individual;

tycoon – an industry leader or a person who is extremely successful in business.

Как видно из приведенных определений, *a tycoon* – это необычайно успешный бизнесмен, лидер в своем деле. Он – гений. Таким образом, можно выстроить иерархическую шкалу, в которой *tycoon* занимает наивысшую позицию: *a merchant* – just *a businessman* – *a magnate* – *a tycoon*. Именно таким бизнесменом-гением, лидером в своем деле и был главный герой романа Монро Стар, что объясняет употребление автором в оригинале этого ярко выраженного американизма.

Так как данная работа выполнена на примере американского художественного дискурса, необходимо также обратиться к одному из наиболее авторитетных словарей по американскому варианту английского языка. «American Heritage Dictionary of the English Language Online» приводит такое толкование лексемы ‘*tycoon*’:

- a tycoon – 1. a wealthy and powerful businessperson or industrialist; a magnate;
2. used formerly as a title for a Japanese shogun.

Исходя из данного определения, ‘a tycoon’ – это выделяющийся своими незаурядными качествами businessperson – бизнесмен, человек, занимающийся бизнесом. Рассмотрим вначале признаки этого родового концепта. Очевидно, что концепт ‘бизнесмен’ должен включать в себя основные составляющие концепта ‘business’, которыми, как показано в ряде работ [Гусева, 2011; Кобелева, 2013; Крюков, 2012] являются ‘money’ (= profit) – ‘деньги’ (= прибыль) и ‘work’ – ‘работа’ (как правило, ради получения прибыли). Текст романа дает этому подтверждения.

1. Money / Profit (Деньги и прибыль)

a) <...> Stahr was the youngest of the group – not by many years at this date, though he had first sat with most of these men when he was a boy wonder of twenty-two. Then, more than now, he had been *a money man* among *money men* (p. 56).

Обратим внимание на использование автором прилагательного ‘young’ в превосходной степени. Писатель хочет показать становление и преобразование Монро Стара как бизнесмена – будучи самым младшим из своих коллег (the youngest), он сумел превратиться из рядового бизнесмена в крупного магната (a money man).

b) ‘How about the South America picture idea, Monroe?’ <...>

‘We’re going ahead with it’, said Stahr. <...>

‘But your budget? <...> your expectations only add up to that without *profits*’. <...>

It had dawned on them all now, but they still felt there was a trick in it. Stahr really thought it would *make money*. No one in his senses <...> (p. 57, 58, 59).

В приведенном примере мы видим, как бизнесмены обсуждают кинокартину, которая, по их общему мнению, должна быть убыточной и лишить их прибыли.

Однако, в то же время они чувствовали, что Стар делает это неспроста. Поэтому обратим внимание на лексему ‘trick’. Среди значений данной лексики нужно выделить следующие: 1. sth that deceives sb (something you do in order to deceive someone); 2. clever method (a way of doing something that works very well but may not be easy to notice) [Longman Dictionary of Contemporary English Online]. Как правило,

ради получения прибыли люди бизнеса готовы идти на любые хитрости и разные уловки или ухищрения.

Следовательно, мы можем дополнить разработанную ранее схему концепта 'business' [Кобелева, 2013] еще одной составляющей – лексемой 'trick' (хитрость, обман, профессиональная ловкость), так как основная цель бизнеса всеми путями получать прибыль (to make money), а не терпеть убытки (to lose money).

Бизнесмен – это в первую очередь человек, извлекающий прибыль (profit) из своего предприятия (a money man; to make money). Не является исключением и Монро Стар: «В изображении автора Монро Стар – прежде всего финансовый магнат. Ему лучше других знакома и понятна деятельность Голливуда как гигантской, оборудованной по последнему слову фабрики, которую он сумел подчинить своей железной воле. И в то же время он не обычный предприниматель, он творец духовных ценностей и ему нужно быть и самому художником. А Стар-художник хочет возродить искусство Голливуда, подняв уровень его стереотипно обезличенных фильмов» [Горбунов, 1974: 135]. Таким образом, в самой личности героя происходит столкновение человека и бизнесмена, показанное в романе как столкновение Стара-художника со Старом-финансистом. На первый взгляд может показаться, что в этом столкновении художник, живущий в Старе, побеждает – он действительно хочет сделать престижную (It's a quality picture), но убыточную картину, выполняя таким образом свой нравственный долг перед публикой (a certain duty to the public) и в то же время вызывая недоумение у своих коллег:

'It's a quality picture', said Stahr with assumed innocence. <...> 'For two years we've played safe <...> It's time we made a picture that'll lose some money. <...> But we have a certain duty to the public <...>'.

Some of them (Stahr's colleagues) still thought he meant it was a flyer and a favourable one, but he (Stahr) left them in no doubt. 'It'll lose money', he said <...> (p. 59).

Выражение 'a quality picture' подчеркивает тот факт, что для таких людей, как Монро Стар, дело, которому они служат и которому отдают себя целиком, качество создаваемой продукции и мнение публики – потребителя данной продукции – крайне важно, несмотря на убытки. Однако бизнес есть бизнес, и Стар-финансист все же одерживает верх – ведь, умея просчитывать далеко вперед, он надеется со временем извлечь прибыль: 'Write it off as good will – this'll bring in new customers.

<...> It's a good thing for the production schedule to slip in a picture that'll lose money' (p. 59).

Эта убыточная картина должна будет, по мнению Стара, привлечь новых зрителей (bring in new customers), а также улучшить план постановок (It's a good thing for the production schedule), что в конечном итоге положительно скажется и на бизнесе. Следовательно, можно выделить такие составляющие концепта 'business', как умение планировать и уверенность в успехе.

Таким образом, проанализировав приведенные выше примеры, мы можем дополнить концептуальное поле 'business' – 'businessman' такими новыми составляющими, как 'trick' – хитрость, обман, профессиональная ловкость, 'budget' – планирование, финансирование и 'success' – уверенность в успехе, установка на успех.

2. Work (Работа)

a) Occasionally, less often than five years ago, Stahr would *work all through the night* on a single picture (p. 46).

b) You couldn't persuade a man like Stahr to stop and lie down and look at the sky... He would much rather die. He said differently, but what it added up to was *the definite urge towards total exhaustion* that he had run into before. Fatigue was a drug as well as a poison, and Stahr apparently *derived some rare almost physical pleasure from working lightheaded with weariness* (p. 131).

c) 'No, Mr Stahr <...> I've heard you're *one of the hardest working and most efficient men in the entire West* (p. 147).

d) 'I *enjoy working* most', he (Stahr) said. '*My work is very congenial*' (p. 96).

Монро Стар – бизнесмен, работающий с полной отдачей. Он работает так много, что потребность доводить себя до полного изнеможения (total exhaustion) становится его жизненной необходимостью. Из приведенных примеров видно, что для описания данной основной составляющей концепта 'business' автором используются следующие слова и выражения, как нейтральные, так и стилистически окрашенные:

work all through the night;

the definite urge towards total exhaustion – derived almost physical pleasure from

working;

lightheaded with weariness;

one of the hardest working men;

work is very congenial.

В работе «Лексема ‘Business’ как имя концепта ‘Businessman’ в американском художественном дискурсе» [Кобелева, 2013] нами было показано, что концепт ‘business’, помимо двух основных составляющих ‘money’ и ‘work’, включает в себя такие составляющие, как ‘merchandise’ – торговля (=купля, продажа), ‘will and character’ – воля и характер, ‘war’ – война, ‘fight’ – борьба, ‘shrewdness’ – проницательность, предвидение, ‘creativity’ – творчество и еще ряд других. Они присутствуют и в контексте романа «Последний магнат». У Фицджеральда можно найти следующие примеры:

Merchandise (Торговля=купля-продажа)

– покупка и оплата умственного, интеллектуального труда работников:

a) ‘<...> why do you pay me?’

‘That’s a question of *merchandise*’, said Stahr. ‘I’m a *merchant*. I want to buy what’s in your mind’ (p. 21).

– сделка:

b) ‘I never thought’, he (Stahr) said, ‘that I had more brains than a writer has. But I always thought that *his brains belonged to me* – because I knew how to use them. Like the Romans – I’ve heard that they never invented things but they knew what to do with them. Do you see? I don’t say it’s right. But it’s the way I’ve always felt – since I was a boy’ (p. 150–151).

Таким образом, бизнесмен классического периода – это торговец, для которого предметом купли-продажи является все, что угодно, в том числе другой человек, либо в качестве рабочей силы, либо, как в данном случае, его интеллект. При этом самому бизнесмену необязательно даже иметь высшее образование, необходимо лишь быть достаточно умным, чтобы, имея деньги, покупать на них нужных специалистов. Так и в случае с Монро Старом – в прошлом у него всего лишь вечерние курсы стенографии: “Though Stahr’s education was founded on nothing more than a night-school course in stenography, he had a long time ago run ahead through trackless wastes of perception into fields where very few men were able to follow him” (p. 22).

Вполне естественно, что ум Стара, благодаря которому он и сумел добиться того, чего добиваются лишь немногие, не может не вызывать восхищения у окружающих: ‘Dear Monroe, <...> I have always admired your *mentality* <...>’ (p. 20).

Исходя из данного примера, мы можем выделить такие важные черты для характеристики успешного бизнесмена, как особый склад ума (*mentality*) и признание окружающими (*public recognition* и *admiration*).

Will and character (Воля и характер)

Однако и ум, и интеллект – это еще далеко не все. Чтобы быть настоящим бизнесменом, необходима также деловая сметка и рассудительность (*judgement*), сильный характер и твердость воли (*the character; will; to fake will*):

a) ‘Adams was probably a sourbelly’, said Stahr. ‘He wanted to be head man himself, but he didn’t have *the judgement* or else *the character*’.

‘He had brains’, said Wylie rather tartly.

‘It takes more than brains’ (p. 21).

Автор подчеркивает, что Стар обладает этими качествами, поскольку он отмечает их отсутствие у конкурента (утверждение через отрицание).

b) ‘They (the writers) are not equipped for authority’, said Stahr. ‘There is no substitute for *will*. Sometimes you have to *fake will* when you don’t feel it at all. <...> You have to say, ‘It’s got to be like this – no other way’ – even if you’re not sure. A dozen times a week that happens to me. Situations where there is no real reason for anything. You pretend there is’ (p. 145–146).

Воля помогает Стару использовать правильную тактику и политику в бизнесе – употребленная в данном примере лексема ‘pretend’ говорит об его умении произвести должное впечатление и добиться своего.

War (Война)

– стратегия и тактика в бизнесе, знание психологии своих конкурентов:

a) It made his work secret in part, often devious, slow- and hard to describe as *the plans of a general*, where the psychological factors become too tenuous and we end by merely adding up the successes and failures (p. 35–36).

b) At this point *the tortuous manoeuvre* was staged and in suspension – there were *reports from the battle-line* (p. 65).

c) <...> Stahr like Lincoln was *a leader carrying on a long war on many fronts* <...> (p. 128).

В данном примере обратим внимание на сравнение автором Монро Стара с генералом Линкольном. Данным сравнением автор делает ссылку на авторитет успешного лидера и ставит своего героя в один ряд с ним.

d) 'Typical organizational trouble', agreed Brimmer.

'Typical', said Stahr. 'It's *an endless battle* <...>' (p. 149).

Как видно из приведенных примеров, бизнесмен – это еще и своего рода стратег, который должен уметь обыграть и победить своего противника, в нашем случае – своих конкурентов. Не случайно, поэтому, и уподобление занятия бизнесом ведению военных действий (метафоры: *the tortuous manoeuvre*; *reports from the battle-line*; *carrying on a long war on many fronts*; *an endless battle*), и сравнение работы самого бизнесмена с планами генерала (*the plans of a general*), от правильности которых зависит исход битвы – успех или поражение. Не случайно и сравнение с национальным лидером в приведенном примере.

Fight (Борьба)

He (Stahr) looked spiritual at times, but he was a fighter <...> (p. 20).

Бизнесмену просто необходимо быть настоящим бойцом, чтобы уметь противостоять своим конкурентам. Вполне закономерно, что автор называет бизнесмена 'всесокрушающим бульдозером', 'паровым катком', подминающим под себя все и вся (образная авторская метафора *steam-roller*)¹:

'There would be quite a crash <...> if *steam-roller* Brady met *steam-roller* Smith'. Smith=Stahr (p. 18).

Shrewdness (Проницательность)

a) 'Suppose you were a railroad man', he (Stahr) said. You have to send a train through there somewhere. Well, you get your surveyors' reports, and you find there's three or four or half a dozen gaps, and not one is better than the other. You've got to decide – on what basis? You can't test the best way – except by doing it. So you just do it'.

'How do you mean?'

'You choose some one way for no reason at all – because that mountain's pink or the blueprint is a better blue. You see?' (p. 24, 25).

b) Proof of his (Stahr's) leadership was the spying that went on around him – not just for inside information or patented process secrets – but spy-

¹ В англо-русском словаре профессора В.К. Мюллера находим следующие значения лексемы 'steamroller': 1. паровой каток; 2. (перен.) непобедимая сила. Данному контексту, на наш взгляд, наиболее точно соответствует вариант, предложенный переводчиком О. Сорокой – 'всесокрушающий бульдозер', которого мы здесь и придерживаемся. [Фицджеральд, 1991: 18].

ing on *his scent* for a trend in taste, his guess as to how things were going to be (p. 35).

Бизнесмен, по мнению, Фицджеральда, подобен проходчику, которому нужно проложить трассу на основе одного из предложенных топографических отчетов. При этом все они в равной мере неудобны, и испытать лучшую трассу можно, только построив ее. Так же и в бизнесе: бизнесмену порой приходится принимать решения, полагаясь лишь на свое чутье (*scent*) и догадку (*guess*), и правильность решения будет зависеть исключительно от его проницательности и интуиции. Наличие этих качеств делает его лидером (*leadership*) в своем деле.

Creativity (Творчество)

– создание творческой атмосферы на разных этапах производства:

a) <...> almost single-handed he (Stahr) had moved pictures sharply forward through a decade, to a point where the content of the 'A productions' was wider and richer than that of the stage. Stahr was *an artist* only, as Mr Lincoln was a general, perforce and as a layman (p. 128).

b) Suddenly they were at work again – taking up this new theme in turn like hepcats in a swing band and going to town with it. They might throw it out again tomorrow, but life had come back for a moment. <...> Stahr had *re-created the proper atmosphere* – never consenting to be a driver of the driven, but feeling like and acting like and even sometimes looking like a small boy getting up a show (p. 129–130).

– творческий подход к решению поставленных целей и задач своего дела и предприятия:

c) As a 'free lance' writer Wylie had failed from lack of caring, but here was Stahr to care, for all of them. The effect would not wear off when he left the office – nor anywhere within the walls of the lot. He felt a great purposefulness. *The mixture of common sense, wise sensibility, theatrical ingenuity, and a certain half-naïve conception of the common weal* which Stahr had just stated aloud, inspired him to do his part, to get his block of stone in place, even if the effort were foredoomed, the result as dull as a pyramid (p. 52–53).

Чтобы преуспеть в бизнесе и обойти конкурентов, бизнесмену необходимо не просто быть лучшим в своем деле, но и постоянно придумывать и изобретать что-нибудь новое, чтобы было чем привлечь и заинтересовать публику-покупателя, поэтому он сам в первую очередь должен быть креативной личностью. Так, например, Стару приходилось по роду деятельности не только быть художником (*artist*), но и уметь соз-

давать творческую атмосферу для своего персонала (re-created the proper atmosphere; the mixture of common sense, wise sensibility, theatrical ingenuity, and a certain half-naïve conception). Он прекрасно понимал, что, отказавшись от роли «понукаателя»-надсмотрщика (driver of the driven), он намного быстрее добьется нужных результатов, вдохновив (inspire) работников на новые идеи. Фицджеральд как бы косвенно сравнивает Стара с дирижером, управляющим оркестром – он подбрасывал идею, а остальные тут же подхватывали ее подобно музыкантам (taking up this new theme in turn like hepcats in a swing band).

Проанализировав и суммировав приведенный выше материал, дадим характеристику бизнесмену «прошлого». Итак, бизнесмен первой трети XX в. – это не только человек, ‘делающий деньги’ (moneyman), вся деятельность которого направлена на достижение успеха и получение прибыли, но и человек умный, проницательный, обладающий деловой хваткой и сильной волей, своего рода стратег, боец, а также человек, способный не только создавать творческую атмосферу, но и быть «всесокрушающим бульдозером» (a steam-roller), то есть, не останавливаясь ни перед чем, идти к своей цели.

На данном этапе изучения языковой репрезентации главного героя в романе мы можем теперь наряду с общими чертами делового человека, проанализированными выше, подчеркнуть то особенное, что выделяет Монро Стара среди других представителей его бизнеса.

Как следует из заглавия романа, Монро Стар – не простой бизнесмен, а финансовый магнат, ‘a tycoon’. И так как целью данного исследования является выявление отличительных особенностей магната от других представителей мира бизнеса, рассмотрим и проанализируем эти характерные отличия, которые даны в тексте романа.

Поскольку у лексемы ‘tycoon’ помимо значения ‘businessperson’ есть и второе значение – ‘shogun’, то можно предположить, что, помимо размера капитала, между магнатом и другими типами бизнесменов должны существовать некоторые отличия. Чтобы определить происхождение у лексемы ‘tycoon’ второго значения, необходимо обратиться к словарям. В Etymology Dictionary Online приводятся следующие данные:

tycoon (n) 1857 – title given by foreigners to the shogun of Japan (said to have been used by his supporters when addressing foreigners, as an attempt to convey that the shogun was more important than the emperor, from Japanese taikun “great lord or prince”, from Chinese tai “great” + kiun “lord”. Transferred meaning “important person” is attested from 1861, in reference

to U.S. president Abraham Lincoln (in the diary of his secretary, John Hay); specific application to “wealthy and powerful businessman” is post-World War I. (Отметим, что упоминание американского президента Линкольна заложено в словарной статье и используется писателем для того, чтобы подчеркнуть безусловный авторитет и личностные качества в выбранной сфере деятельности.)

Как можно заметить, более позднее, производное значение в современном языке приобрело статус основного. Однако, для понимания образа магната, этимологически исходное значение не менее актуально. Как следует из приведенного выше объяснения, *tycoon* – это необычайно важная, «царственная» особа, человек наделенный большой властью, правитель. У Фицджеральда находим следующие тому подтверждения:

a) Obviously Stahr had put the pilots right up on the *throne* with him and let them rule with him for a while (p. 24).

b) He (Stahr) spoke and waved back as the people streamed by in the darkness, looking <...> a little like *the Emperor* and the Old Guard. There is no world so but it has its heroes, and Stahr was the hero. <...> he was their man, the last of *the princes* (p. 34).

c) ‘You see, I ran away from a king. <...> It wasn’t the King of England’, she (Kathleen) said, ‘My king was out of a job as he used to say. There are lots of kings in London’. <...>

‘What was he king of?’

She told him – and Stahr visualized the face out of old newsreels.

‘He was a very learned man’, she said. ‘He could have taught all sorts of subjects. But he wasn’t much like a king. Not nearly as much as you. None of them were’ (p. 136).

Метафоры и сравнения, используемые автором (*throne*; like the Emperor; the prince; like a king) призваны подчеркнуть царственность и значимость Стара, его «звездность». Думается, здесь имеет место «говорящая фамилия», и автор не случайно наделяет своего героя фамилией Stahr – ведь в английском языке его фамилия будет произноситься одинаково со словом ‘star’ – ‘звезда’.

Таким образом, *tycoon* – это великий бизнесмен, лидер (a leader), но не просто лидер, а кормчий, «путеводный маяк» (the helmsman; a marker), личность в своем деле. Он – гений (a genius).

a) ‘Monroe is our production *genius*’, he (Marcus) said. ‘I count upon Monroe and lean heavily upon him. <...>’ (p. 57).

Монро Стар способен найти выход из любой ситуации. '<...> I never saw a situation where you didn't know a way out. <...>' (p. 44), – говорит о нем один из актеров-звезд. Поэтому, он – гений, на которого всегда можно положиться и опереться как на каменную стену (count upon; lean heavily).

b) '<...> Stahr like Lincoln was a leader carrying on a long war on many fronts <...>' (p. 128).

Следует отметить, что Линкольн не был военным генералом, он был военным политиком. Данным сравнением автор подчеркивает авторитет и личностные качества своего героя как бизнесмена в избранной им сфере деятельности. Монро Стар – личность в бизнесе.

c) He (Boxley) checked himself. He knew that Stahr, *the helmsman*, was finding time for him in the middle of a constant still blow – that they were talking in the always creaking rigging of a ship sailing in great awkward tacks along an open sea (p. 127).

d) He (Stahr) was a *marker* in industry, like Edison and Lumiere and Griffith and Chaplin (p. 35).

Автор не случайно ставит своего героя в один ряд с великими и выдающимися людьми своего времени (Lincoln, Edison, Lumiere, Griffith, Chaplin), показывая тем самым воплощение так называемой «Американской мечты» или установки на успех, когда любой человек, независимо от своего происхождения и социального статуса, но благодаря исключительно своей работоспособности и творческой энергии может добиться высокого положения в обществе. Именно для таких людей в американском варианте английского языка появилось выражение 'a self-made man', происхождение которого The Oxford English Dictionary Online относит к 1832 году, то есть к тому периоду, когда в обиход вошло слово 'businessman' в его современном значении.

Таким образом, заглавие романа «The Last Tycoon» выступает ключом к пониманию характера героя и представляет собой развернутую метафору: последний боец, последний генерал такого престижа.

Проанализировав приведенный выше материал, можно прийти к следующим выводам:

1) Для репрезентации образа магната автором используются различные языковые средства, как нейтральные, так и стилистические окрашенные, в основном метафоры (включая образные и авторские) и сравнения.

2) Далеко не каждый бизнесмен магнат, и, следовательно, в синонимическом ряду, выстроенном по принципу возрастающей величины а ‘merchant – just a businessman – a magnate – a tycoon’, последний занимает позицию, обозначающую высшую степень проявления признака. Магнат, обозначаемый как a tycoon, – это не только бизнесмен; он подобен царственной особе, он – звезда, он – лидер, кормчий, путеводный маяк, он – личность, он – гений.

Список литературы

- Волкова С. Б. Формирование концепта воинской службы и особенности его репрезентации в англоязычном историческом художественном дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Горбунов А. Н. Романы Френсиса Скотта Фицджералда. М., 1974.
- Гусева Э. Ю. Языковая репрезентация концепта «бизнес» в американской лингвокультуре: Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2011.
- Залесова Н. М. Формирование и восприятие образа джентльмена в языке и культуре США: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Иванова Д., Хен Ю. Лингвокультурные типы «русский бизнесмен» и «английский бизнесмен» // Международное право и межкультурная коммуникация: современные стратегии взаимодействия: Сб. науч. ст. Волгоград, 2013.
- Илюхина М. С. Параметрические характеристики лингвокультурного типажа «Английский бизнесмен» // Гуманитарные исследования (Астрахань). 2012. № 2 (42).
- Кобелева Е. В. Лексема «Business» как имя концепта «Businessman» в американском художественном дискурсе // Современный учитель в Современном мире. Астана, 2013.
- Кобелева Е. В. Образ бизнесмена-дельца в американском художественном дискурсе 40-х гг. XX-го века // Ахмановские чтения 2012: Сб. мат-лов конф. М., 2013.
- Комова Т. А. Концепты языка в контексте истории и культуры: Курс лекций. М., 2005.
- Комова Т. А. Основы сопоставительной культурологии. М., 2000.
- Крюков И. А. Смысловое наполнение концепта «бизнес» и его репрезентация в русском языке на современном этапе: Дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012.
- Михайлова А. Г. Лингвокультурный типаж «Английский бизнесмен» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: Сб. науч. трудов. Волгоград, 2005.
- Фицджеральд Ф. С. Последний магнат / Пер. с англ. О. Сороки // Фицджеральд Ф. С. Последний магнат. Рассказы. Эссе. М., 1991.

Чекаева В. В. Лингвокультурный типаж «Американский бизнесмен»: ценностные характеристики // Молодежь и наука: сборник материалов VIII Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К. Э. Циолковского. Красноярск, 2012.

Словари

Мюллер В. К. Англо-русский словарь. М., 2007.

American Heritage Dictionary of the English Language Online

Etymology Dictionary Online

Longman Dictionary of Contemporary English Online

The Oxford English Dictionary Online

Your Dictionary Online

Сведения об авторе: *Кобелева Елена Владиславовна*, старший преподаватель, соискатель кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: serega1962k@yandex.ru

М.В.Новикова

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО СОВЕРШЕННОГО ВИДА В СЕВЕРНОРУССКИХ БЫЛИНАХ

В статье обсуждается употребление в былинах настоящего исторического совершенного вида, отсутствующее в литературном языке. Принято считать, что оно выражает подчеркнутое предшествование одного действия другому, но это значение относится к области таксисных отношений. Специфика же значения указанной формы лежит в плоскости временной и видовой семантики. Наличие аналогичного употребления презенса в летописных и других гибридных текстах XIV–XVII вв. позволило предположить, что былины сохраняют архаичное употребление этой формы.

Ключевые слова: praesens historicum, настоящее историческое, совершенный вид, древнерусский язык, былины.

The central issue of the article is the meaning of perfective praesens historicum in bylinas which is absent in contemporary Russian. As it's considered these forms are used to term emphatic antecedency of events, but this meaning is due to taxis. A specific character of this form is determined by its tense and aspect semantics. The same usage of perfective present in chronicle and other hybrid texts of XIV–XVII centuries enable me to come to the conclusion that bylinas conserve the archaic feature.

Key words: praesens historicum, perfective aspect, Old-Russian language, bylinas.

Известно, что в русских былинах и сказках глаголы совершенного вида (СВ) во временном плане настоящего исторического могут достаточно широко употребляться для обозначения завершённых однократных событий в прошлом, в то время как в литературном языке единственной возможностью выражения этого значения посредством презенса СВ являются экспрессивные обороты типа *вдруг как прыгнет*. Например, в былинах:

- *Наезжает тут Добрынюшка на сырой дуб,
Как ударит тут Добрынюшка во сырой дуб,
А росишь же дуб да весь по ластиням* (Онежские былины, 141).

А. А. Потебня, первым отметивший более широкое употребление настоящего исторического СВ в былинах, приписывал этой форме зна-

чение предшествования [Потебня, 1941: 109]. Соглашаясь с такой интерпретацией, А. В. Бондарко полагает, что «это, несомненно, основное значение рассматриваемой формы», встречающейся не только в былинах, но также в современных русских говорах и памятниках XVI–XVIII вв., и в подобных случаях «речь идет не просто об обозначении естественного порядка следования действий, а о подчеркнутом, специальном выражении предшествования одного действия по отношению к другому, тесно связанному с ним как по смыслу, так и синтаксически» [Бондарко, 1959/2005: 461]. Однако сам А. В. Бондарко отмечает, что выделенные им условия употребления презенса СВ имеют исключения и эта форма может обозначать единичные действия в прошлом «иногда при отсутствии каких-либо условий» [Бондарко, 1959/2005: 457]. Попытаемся выделить такие факторы, которые позволяли бы учесть все имеющиеся примеры, в том числе и относящиеся к числу «исключений».

Наше исследование выполнено на материале Онежских былин, записанных А. Ф. Гильфердингом в 1871 г. на территории, охватывающей юго-восточную часть Карелии и юго-запад Архангельской области. В качестве дополнительного источника рассматриваются сказки, собранные в 1884 г. в том же регионе А. А. Шахматовым и опубликованные в сборнике Н. Е. Ончукова, а также сказки, записанные В. И. Чернышевым в 1920-е гг. на территории современных Псковской и Нижегородской областей.

Данные этих фольклорных источников сопоставлялись с материалом московской Никоновской летописи за XIV–XV вв. (НЛ), Московского летописного свода конца XV в. в записях XIV–XV вв. (МС), а также севернорусской Холмогорской летописи (ХЛ). Кроме того, мы обращаемся к нелетописным текстам XVII в., широко допускающим черты живого языка, – некнижным житиям, а также в значительной степени отражающим ориентацию на фольклорную традицию повестям – это Видения Евфимия Чакольского, Житие протопопа Аввакума, Повесть о Горе-Злосчастии, Повесть о Фоме и Ереме, Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского.

Поскольку настоящее историческое является переносным употреблением формы презенса, строгих условий, которые могли бы считаться необходимыми и достаточными для его появления в нарративе, не существует: употребление этой формы целиком подчинено воле говорящего и его намерению построить повествование так, а не иначе. Соответственно, мы можем лишь выделить условия, в которых настоя-

шее историческое СВ более частотно, и на этом основании заключить, чем оно отличается от настоящего исторического НСВ и прошедшего обоих видов, а также в чем заключается специфика былинного употребления этой формы по сравнению с литературным и как оно соотносится с употреблением той же формы в старовеликорусских источниках.

Основанием для того, чтобы выделять значение подчеркнутого предшествования одного действия другому в качестве основного для презенса СВ, является частотное употребление этой формы в составе предложений с двумя (или более) однородными сказуемыми (или простых предложений, являющихся частями сложного), обозначающими следующие друг за другом действия, причем второе действие обусловлено первым и тесно с ним связано. Например:

- *Его мутное тут око помутилоси,
А разбойническое сердце розгорелоси,
Как тяпне он копье да бурзамецкое
И сколол же тут он князя Карамышенска
А во той было во ложни да во теплыи (Онежские былины, 219).*
- *Скочил же царь неверныи,
Тяпне в руки саблю вострую,
Отсек царици буйну голову (Онежские былины, 102–103).*

Однако, во-первых, в рассмотренных фольклорных текстах презенс СВ может употребляться не только в первой, но и во второй части, обозначая таким образом уже не предшествование, а следование, ср.:

- *<...> Эта старая калика да седатая,
Седатая калика да плешатая,
Налагает еще руки на белый горячий камешок
И здымае камешок через плечо,
Спустит этот камешок через плечо,
Спустит камень о сыру землю (Онежские былины, 175).*

Аналогичные примеры находим и в сказках:

Вот приехали разбойники с разбою, ходят и видят, что кто-то был. Искали, искали – найдут. Стали они говорить: «Если добрый молодец, выходи – братцем будешь; если старая старушка – будешь матушкой; если красная девица – будешь нам сестрица!» Она услышала и выходит к ним (Северные сказки, «Спящая девица»).

Во-вторых, в былинах обнаруживается множество контекстов, которые, как и приведенные выше, представляют цепочку последовательных действий и отличаются от них лишь тем, что вместо презенса СВ содержат формы прошедшего СВ или прошедшего НСВ, ср:

- *Как это тут Илья да Муромец,
Как все это Ильюшенка повыслушал,
Скочил он как Илья на резвы ноги,
Ударил кулаком во дубовый стол,
А розлетелся стол на вси стороны* (Онежские былины, 417).
- *Хватал он тележку ордынскую,
Выхватывал он осийё железное,
Зачал он осийём тут помахивать,
Прибил он сорок царей, сорок царевичев*
(Онежские былины, 228).

Подобного рода контексты со сменой точки зрения посредством переключения с одного видового и / или временного значения на другое являются в былинах одним из наиболее регулярных способов организации нарратива, и те же смысловые отношения (причинно-следственные и временные), которые характеризовали примеры с употреблением презенса СВ, обнаруживаются и в других группах контекстов: отношения частей между собой с изменением временной формы не изменяются. Можно заметить лишь, что глаголы СВ, в отличие от глаголов НСВ, добавляют некоторой динамичности описанию ситуации, однако это одинаково справедливо по отношению и к презенсу, и к прошедшему СВ, поскольку связано исключительно с видовым значением глагола.

Можно заключить в этой связи, что сами по себе видо-временные формы (в том числе презенс СВ) никакого специального значения предшествования одного действия другому не выражают. Будучи повествовательными формами, они обозначают лишь последовательные завершённые действия, в то время как эффект «подчеркнутого предшествования» является не чем иным, как результатом контраста видовых или временных значений глаголов. Контраст этот сохраняется и в тех случаях, когда презенс СВ обозначает не предшествующее, а, напротив, последующее действие или просто одно из событий в нарративной цепочке. Соответственно, как кажется, нет оснований считать значение предшествования ни основным значением презенса СВ, ни даже просто свойственным ему в большей степени, чем другим нарративным формам.

В ряде случаев мы находим в фольклорных текстах цепочку последовательных действий, выраженных формами презенса СВ, ср.:

*Потом голыш научил ее: “Проси зайцева молока. Ево зайцы раз-
верзают”. <...> Он принес молоко. Она не выпье, а возьме за кровать
и вылье. Потом голыш ее научил: “Проси теперь лисичьего, лисицы
ево разверзают”. <...> затем волчье, потом медвежье, потом львово.
Пошел в лес; лежит львица. <...> Он кинул ей пузыречек. Она надоила.
Говорит: “Возьми моево львенёночка, он тебе пригодится”. Вот он
принес домой молоко. Он подал ей. Она не выпье, а за стенку вылье*
(Сказки пушкинских мест, «Иванушка и Настенька»).

Включаясь в цепь других нарративных форм, презенс СВ выделяет определенный ключевой, «поворотный» момент. Обозначенное им событие обращает на себя внимание читателя или слушателя, обязательно предполагая продолжение, развитие действия.

В этой связи в качестве некой общей характеристики, описывающей все примеры с употреблением презенса СВ, нам кажется наиболее подходящим определение Е. А. Мишиной (Горбуновой): «подчеркнутое, специальное выделение одного действия в ряду других», «форма презенса совершенного вида фиксирует внимание на этом действии, одновременно создавая ощущение ожидания дальнейшего развития событий» [Горбунова, 1998: 268, 271]. Возражение вызывает только утверждение, что выражение предшествования, выделенное А. В. Бондарко, – это «частный случай более широкой возможности выделения одного действия на фоне других» [Горбунова, 1998: 273]. Как уже говорилось, на наш взгляд, значение «предшествования» в подобных контекстах лежит в области таксисных отношений.

Нельзя не заметить, что достаточно широкое употребление презенса СВ в значении однократных событий в прошлом не является уникальной особенностью фольклорных текстов. По данным разных исследователей, аналогии обнаруживаются в целом ряде славянских языков и их диалектов. Ср. примеры употребления настоящего исторического в словенском языке, приведенные А. В. Бондарко:

Rekši izgine v temi. Ti pa ostanejo na mestu in zro v nočni dol (Тав., 41). – Сказав, он исчезает (букв.: исчезнет) в темноте. Они же остаются (букв.: останутся) на месте и смотрят в ночную долину.

... Kristo Koblentz leže nazaj v posteljo in opazuje s topim praznim pogledom možaka, ki brskata po sobi ter naposled sedeta za mizo in jameta bolščati v njegove papirje (Kalan, 365). – Кристо Кобленц ложится (букв.:

ляжет) опять в постель и наблюдает тупым, пустым взглядом за двумя мужчинами, которые обыскивают комнату и наконец садятся (букв.: сядут) за стол и начинают (букв.: начнут) таращить глаза на его бумаги [Бондарко, 1959/2005: 562].

Сходное более широкое употребление СВ характеризовало также план настоящего исторического в древнерусском языке: как показала Е. А. Мишина, видовое распределение в настоящем историческом в исследованных ею ранних восточнославянских текстах «скорее напоминает ситуацию последовательного видового противопоставления в настоящем историческом» [Мишина, 1999: 160, 183]. По ее мнению, одиночная форма настоящего исторического СВ в ряду форм прошедшего времени «почти всегда выполняет выделительную функцию: акцентирует внимание на обозначенном ею действии, представляя его совершение живо и наглядно, что вносит экспрессию и динамичность в повествование» [Мишина, 1999: 183]. Ср. приведенный Е. А. Мишиной пример из Киевской летописи по Ипатьевскому списку:

и тогда оубиша • половецького князя • Козла Готановича • и Блатоуга • Кончакова брата • и • Бѣ • Кончаковича ша и Тотоугра • и Бжкобуг • и Коначюка Батого • и Чюгага • и своѣ ѿполониша • поганьгѣ • и тако поможетъ Бѣ Роуси • и возвратишася во свои (Ипат., л. 219, 1181 г.).

Совершенно аналогичное употребление презенса СВ для обозначения завершенных однократных действий в прошлом мы находим и в памятниках XIV–XVII вв. Ср., например, контексты, обнаруженные в Холмогорской летописи:

Идуцу же царю Костянтину из церкви, се едино слово прорек: «Аще кто хочет пострадати за веру христьянскую, да поидет со мною». И всед на фарис свои, поедет ко Златым вратом, чаяше бо встретити безбожнаго Махмета. Всех же вои собрався с ним 3000. И обретоша у врат множество турков, стрегущих его (ХЛ, л. 366 об.–367, Повесть о взятии Царьграда турками, 1453 г.);

Патриарх же взем благовернаго царя главу, вложи ю в ковчег сребрян, и позлати ю, и скрыв ю в великую церкви под престолом. От иных же тако слышахом, яко оставиши от сущих со царем Костянтином у Златых врат украдоша его мощи, и отнесоша его в Салутни, и сохраниша. О царици же бывишу велику испытанью, и сказаши Махметю, яко великии дукаси и велии domestик и анактос и простратого сын Андреи <...> отпустиши царицу в кораблех. Царь же Махмет много ис-

тязав их и казниша их смертию. А беззаконнии Махмет сядет на столе Царяграда, благороднеиши всех градов, иже под солнцем, изобладаша владеющих двема частьми вселенней, сице свершаемым грех ради наших (ХЛ, л. 370 об., Повесть о взятии Царьграда турками, 1453 г.).

При этом в московской Никоновской летописи в том же рассказе мы находим формы аориста – *поиде* и **сѣде** соответственно (НЛ, т. 12: 97).

Интересно, что в обоих московских сводах (МС и НЛ) настоящее историческое СВ не встречается вообще. Исключением является включенное в текст Никоновской летописи Хождение Пимена в Царьград, где встречается такой контекст с настоящим историческим СВ:

И по патриарховѣхъ глаголюхъ никтоже можаше и смѣаше преже пристѹпити ко царю и глаголати ему о здравіи, ни князи, ни бояре, ни вон, но точію пристѹпятъ (СВ) къ нему мраморницы и гробоздательіе, принесше, показꙋютъ ему мраморы и каменіе отъ различныхъ лицъ, и внидꙋтъ (СВ) къ нему и глаголютъ: «которымъ лицемъ велитъ быти дръжава твоя гробꙋ твоемꙋ?», притчею возпоминающен глаголюще: «человѣкъ еси смертенъ и тлѣненъ <...>». И сице симъ изглаголавшимъ, якоже тамо въ уставѣ писано естъ, и потомъ идоша князи и стратилаты, и паты и вон, и вси велможы, глаголюще ему по обычаю ихъ (НЛ, т. 11: 103–104, Хождение Пимена в Царьград).

Отсутствие настоящего исторического СВ, обозначающего однократные события в прошлом, в московских сводах может объясняться их большей книжностью – для книжного языка подобное употребление нехарактерно. В Хождении же и в севернорусской Холмогорской летописи, по сравнению с московскими сводами в языковом отношении более свободных, презенс СВ, возможно, появляется под влиянием живого языка: как было показано выше, в фольклорных текстах это употребление настоящего исторического СВ сохраняется до самого позднего времени.

Среди текстов XVII в. подобное более широкое употребление презенса СВ в повествовании о прошлом отличает прежде всего произведения, демонстрирующие явную ориентацию на устную фольклорную традицию, тогда как в памятниках, написанных на церковнославянском языке, настоящее историческое СВ для обозначения однократных событий не встречается. Ср. контекст из Повести о Фоме и Ереме:

И тот понамарь осердился на них: Ерему в шею, Фому в толчки, Ерема в двери, Фома в окно, Ерема ушел, а Фома убежал. Отбегиши они да оглянутся и сами они друг другу говорят: «Чего нам бояться, заодно мы бежим». У Еремы были гусли, у Фомы орган. Разглядя

они усы да на пир пошли. Стали они пиво попивать: Ерема наливает и Фома подает, сколько пьют, а больше на землю льют, чужаго добра не берегут (Повесть о Фоме и Ереме, 222).

Можно предполагать в этой связи, что севернорусские былины отражают более архаичное употребление презенса СВ, характерное для настоящего исторического на более ранних этапах развития русского языка.

Возвращаясь к вопросу о значении презенса СВ в повествовании о прошлом, мы можем заключить, что эта форма используется в фольклорных текстах фактически так же, как и настоящее историческое НСВ, – для обозначения неповторяющегося действия, совершившегося в прошлом. Общая черта, характерная для глаголов в настоящем историческом вне зависимости от их видовой принадлежности, – это то, что Е. В. Падучева называет эффектом «ожидания продолжения». Анализируя литературное употребление, Е. В. Падучева, естественно, приводит пример с глаголом НСВ: «*Порылся в кармане и достает двугривенный* – мы ждем, что будет дальше» [Падучева, 1996: 290]. Настоящее историческое может быть употреблено вместо прошедшего СВ «только при условии, что описание ситуации составляет фон для дальнейшего развития событий» [Падучева, 1996: 289]. Эта характеристика, как кажется, применима и к настоящему историческому СВ с той лишь поправкой, что описанная этим глаголом ситуация является здесь не фоном, но отправной точкой для последующих событий, поскольку представление ситуации как фона не соответствует категориальной семантике СВ. Таким образом, «выделительная» функция презенса СВ напрямую вытекает из общей особенности, характерной для плана настоящего исторического, – собственно создаваемого им эффекта «ожидания продолжения».

Разница же в употреблении НСВ и СВ в плане настоящего исторического вполне ожидаемо должна лежать в плоскости видовой семантики. Если действие, выраженное настоящим историческим НСВ, мы привыкли описывать как разворачивающееся на глазах слушающего/говорящего, то применительно к настоящему историческому СВ эта характеристика требует уточнения, поскольку действие, выраженное этой формой, не «разворачивается» – в силу своего видового значения глагол представляет действие с фокусом на результате, итоге, а не на процессе его протекания.

Смещение фокуса с медиальной, «неопределенной» фазы действия на максимально конкретную, завершающую ожидаемо дает в результате «ускоренное» развитие событий (особенно в том случае, если формы презенса СВ образуют цепочку из двух-трех форм) и более «выпуклое» их представление на фоне остальных, выраженных менее динамичными (как презенс или прошедшее НСВ) или менее «изобразительными», наглядными (как прошедшее СВ) формами.

Что касается значения «подчеркнутого предшествования», то, хотя оно действительно присутствует в контекстах подобного рода, оно не является ни основным значением презенса СВ, ни даже просто свойственным ему в большей степени, чем другим нарративным формам. По-видимому, указанное значение лежит в области таксисных отношений и представляет собой результат контраста видовых и/или временных значений глаголов, являющихся однородными сказуемыми или сказуемыми соседствующих друг с другом простых предложений.

Тот факт, что в контекстах с СВ в коммуникативном фокусе оказывается именно завершающая фаза, итог или результат, как кажется, обуславливает своеобразный «перескок» точки отсчета и создает дополнительный экспрессивный эффект ускорения движения событий. Соответственно, настоящее историческое СВ в фольклорных текстах, а также в рассмотренных нами памятниках XIV–XVII вв. является повествовательной формой, сочетающей в себе динамичность СВ и экспрессивность, «наглядность» переносного употребления временного плана непрошедшего действия, т. е. настоящего исторического. Севернорусские былины, как мы видим, в этом пункте сохраняют архаичное употребление презенса СВ, известное по древнерусским и старорусским памятникам.

Список литературы

- Бондарко А. В.* Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках // Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. М., 2005.
- Горбунова Е. А.* Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI–XV вв. // *Annali dell'Istituto universitario Orientale di Napoli (Dipartimento di studi dell'Europa orientale. Sezione Slavistica)*. 1997–1998.
- Мишина Е. А.* Типы употребления презенса совершенного вида в восточнославянских памятниках XI–XV вв. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. М.; Л., 1941.

Источники

Васенко П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903–1904 году.
Видения Евфимия Чакольского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. СПб., 2006.
Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полн. собр. русских летописей. Т. 11. СПб., 1897.
Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полн. собр. русских летописей. Т. 12. СПб., 1901.
Московский летописный свод конца XV в. // Полн. собр. русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.
Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. М.; Л., 1949.
Повесть о Горе-Злочастии. Л., 1984.
Повесть о Фоме и Ереме // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырков Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.
Протопоп Аввакум. Житие. Челобитная к царю: Переписка с боярыней Морозовой. Париж, 1951.
Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению этнографии. Т. XXXIII. СПб., 1908.
Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исследования В. И. Чернышева. М.; Л., 1950.
Холмогорская летопись // Полн. собр. русских летописей. Т. 33. Л., 1977.

Список сокращений

МС – Московский летописный свод конца XV в. // Полн. собр. русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.
НЛ – Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полн. собр. русских летописей. Т. 11. СПб., 1897.
ХЛ – Холмогорская летопись // Полн. собр. русских летописей. Т. 33. Л., 1977.

Сведения об авторе: *Новикова Мария Валерьевна*, аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: gashneva@gmail.com

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**КРИВОНОСОВА. Т. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА. М.;
НЬЮ-ЙОРК: АЗБУКОВНИК, 2012. 787 с.**

Монография А. Т. Кривоносова¹ «Философия языка» посвящена проблеме природы языкового знака и сущности языка. Книга структурирована по десяти главам, каждая из которых содержит параграфы с внутренней тематической иерархией разделов и подразделов. Представлены такие главы, как «О природе языкового знака», «О природе языка», «Взаимоотношения языка, мышления, сознания, памяти», «Взаимоотношение языка и логики», «Взаимоотношение языка, речи, текста», «Взаимоотношение языка и действительности», «Философские вопросы языка», «Отжившие парадигмы теоретического языкознания», «Как понимается язык в теоретическом языкознании», «Аксиомы теоретического языкознания». Список литературы включает 683 наименования отечественных и зарубежных авторов.

Пафос автора направлен на разработку и решение «вечной» проблемы «сущности» языка, места языка в соотносительном ряду отраслей знания: «действительность – мышление – сознание – язык – логика – речь – текст».

Автор подчеркивает, что только сопоставление точек зрения, вскрытие сущности различных теорий ведет к постижению истины и что вне связи со всеми смежными науками о мышлении раскрытие сущности природы языка невозможно, тем более опираясь исключительно на чисто лингвистическую экспертизу.

Содержательной доминантой монографии является обзор работ и концептуальный анализ различных подходов к понятию «философия языка». «Главное в книге – теоретико-философские размышления о том,

¹ Кривоносов Алексей Тимофеевич – доктор филологических наук, профессор, известный российский языковед, специалист в области германистики и общего языкознания. Научно-исследовательская направленность – философские проблемы языкознания, логический анализ естественного языка. Автор таких монографий, как: *Кривоносов А. Т. Естественный язык и логика*. М.; Нью-Йорк, 1993; *Кривоносов А. Т. Язык. Логика. Мышление. Умозаключение в естественном языке*. М.; Нью-Йорк, 1996; *Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового познания (Философские основы теоретической грамматики)*. М.; Нью-Йорк, 2001.

что языка в принятом, обычном его понимании, не существует...», – отмечает сам автор. И далее: «чтобы разобраться в теории языка, надо прежде всего вскрыть его первоосновы и связи с другими науками и их проблемами».

В поддержку своей основополагающей концепции автор приводит точки зрения различных исследователей, например Л. Витгенштейна, Ю. С. Степанова и др., приходя к выводу, что «...подлинные философские сокровища, лежащие в тайниках языка, все еще остаются скрытыми, о которых мы имеем весьма смутные, разрозненные представления».

Концепция автора зиждется на двухуровневом процессе мышления в виде двух абстрактных форм: семантической и логической. При этом основой концепции является анализ природы языкового знака как продукта общественной практики человека, характеризующегося различной протяженностью (от фонемы – к тексту). При этом, как справедливо указывает автор и в чем мы полностью с ним солидарны, фонема является фундаментом строения и функционирования языка, ибо сущность фонемы – это отражение взаимоотношения материального и идеального, что соответствует основному закону диалектики о взаимодействии материального и идеального (от субстанции – к форме в ее трансформации «звук – буква» и «буква – звук»).

Интерес представляет основная, с нашей точки зрения, глава монографии «Взаимоотношения языка, мышления, сознания, памяти», в которой представлены не только глубокий и разносторонний концептуальный анализ различных подходов к данной проблеме, но и авторская «выношенная» и «выстраданная» в полемической борьбе концепция четырехуровневой природы языкового знака и концепция двухуровневого процесса мышления как взаимодействия семантических и логических форм мысли. «Этих законов не может не быть, иначе не мог бы осуществляться процесс мышления, коммуникации, познания и, следовательно, не было бы человека: только он обладает соответствующим мозгом, а, значит, мышлением, а мышлением не может существовать без материальных знаков, условно, ассоциативно закрепленных за всеми известными человеку понятиями. На основе этих знаков и осуществляется знаковое, языковое (разрядка А. Т. Кривоносова. – *Р. II.*) мышление, отражающее специфику семантической (разрядка А. Т. Кривоносова. – *Р. II.*) формы мышления. Но в структуру и системе условных знаков, т. е. в «языке», в семантических формах мысли закодирована также структура логических (разрядка А. Т. Кривоносова. – *Р. II.*) фонем,

графем, морфонемам, понятий, суждений, умозаключений, которая лежит в основе (разрядка А. Т. Кривоносова. – *Р. П.*) всего нашего языкового семантического мышления. Эта логическая структура мышления и есть инструмент отражения (разрядка А. Т. Кривоносова. – *Р. П.*) мира, обобщения единичных фактов, перехода от простого к сложному, от частного к общему, от явления к сущности. В основе теории познания, а это значит – в основе теории, обеспечиваемой материальной знаковой системой, лежат законы физиологии мышления как взаимодействие идеального и материального. Это и есть философия языка (разрядка наша. – *Р. П.*), так как в ней «решаются и доказываются наиболее фундаментальные проблемы взаимоотношения материи и сознания»².

Таким образом, автор монографии стоит на позиции междисциплинарного подхода в лингвистике, которая активно и последовательно разрабатывалась нами в области речеведения и нашла отражение в ряде публикаций³ (например, [Потапова, 2001; Потапова, Потапов, 2006; Потапова, Потапов, 2012; Potapova, Potapov, 2011]).

Мы полностью согласны с утверждением А. Т. Кривоносова, согласно которому «...чтобы разобраться в теории языка, надо прежде всего вскрыть его первоосновы и связи (разрядка – А. Т. Кривоносов) с другими науками и их проблемами» [Кривоносов, 2012: 13]. Не менее перспективно и замечание автора рецензируемой книги относительно того, что недостатком многих современных работ по теоретическому языкознанию является разобщенность при разработке ряда проблем вне логики, психологии, философии. Мы бы еще добавили к этому ряду биологию, физиологию, нейрофизиологию, а в ряде случаев и акмеологию, в рамках которой изучаются закономерности и механизмы реализации потенциала человека как индивида, личности, субъекта деятельности (в том числе совокупного, группового).

Таким образом, по мнению А. Т. Кривоносова, данная книга является обобщающим критическим исследованием работ по теории языка, опирающимся на достижения различных наук и их лучших представителей. При этом автор выступает за активное пополнение теоретического

² Кривоносов А. Т. Философия языка. М.; Нью-Йорк, 2012. С. 740.

³ См., например: Потапова Р. К. Речь: Коммуникация, информация, кибернетика. М., 2001; Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М., 2006; Потапова Р. К., Потапов В. В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М., 2012; Potapova R. K., Potapov V. V. Kommunikative Sprechttätigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln; Weimar; Wien, 2011.

языкознания знаниями, соотносящимися опосредованно и непосредственно с рядом других наук, ибо отрыв от смежных знаний о человеке превращает решение языковых проблем в узкоцеховую задачу.

Рецензируемая книга, несомненно, будет полезна для всех, кто не только профессионально заинтересован в решении проблемы соотношения философии и теории языка, но также и для тех, кто готов применять теоретические знания в прикладных областях современной лингвистики.

Р. К. Потапова

Сведения об авторе: *Потапова Родмонга Кондратьевна*, доктор филол. наук, профессор, директор института прикладной и математической лингвистики, зав. кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). E-mail: RKPotapova@yandex.ru

**BELIAVSKIM. ČEŠTINA UNCENSORED. PRAHA:
POWERPRINT, 2015. 216 s.**

В Праге в издательстве Powerprint вышла книга с вынесенным на обложку пояснением: «Слова и фразы, не вошедшие в словари». Основную часть книги составляет содержащий около 5 000 расположенных в алфавитном порядке лексических единиц словарь «Чешских нелитературных слов», снабженных русскими соответствиями (страницы 15–172), который предваряют параграфы об общих принципах построения словника, о некоторых чертах чешского обиходно-разговорного койне (в терминологии автора издания «разговорные особенности произношения») и об использованных условных обозначениях и сокращениях, а сопровождают 23 параграфа, организованных по тематическому признаку и обозначенных соответственно как «Чешские имена», «Сленговые географические названия», «Чуваки и чувихи», «Молодежные и уличные приветствия» и т. д. Завершает книгу «Постскрипtum», предостерегающий читателя от «(зло)употребления любых слов, словосочетаний или выражений, почерпнутых из данного сборника», так как именно читатель, а не автор будет нести полную ответственность за все возможные в результате использования данных слов последствия.

Следует всячески приветствовать появление данной публикации, которая заполняет собой определенную лакуну в продаваемой литературе: в рассчитанном на широкого потребителя и регулярно переиздаваемом словаре¹ с декларируемым объемом в 40 000 слов и словосочетаний, как показало наше пилотажное исследование, представленная в рецензируемом издании нелитературная лексика действительно отсутствует (из первых 100 представленных в [Beliaovski, 2015] лексем в [Длуги, 2007] мы обнаружили только 7 лексем, причем во всех случаях речь шла лишь о **литературном** значении соответствующей лексемы, ср.: arab – 1) араб 2) *устар.* старый велик **также** *bajk, bifák, marlajka* [Beliaovski 2015] :: Arab *m* араб [Длуги 2007]; asphalt – 1) асфальт 2) *вульг.* черный, черномазый *см. černoch* [Beliaovski 2015] :: asphalt *m* асфальт [Длуги 2007]; bahno – 1) пиво *брне[н]ский диалект* 2) *жарг.* гаш, гашиш *см.* Наркотики :: bahno *n* жидкая грязь; ил *m* [Длуги, 2007].

¹ См.: Длуги Д. А., Раевский Б. Г., Буравцева Н. Р. Чешско-русский. Русско-чешский словарь: около 40 000 слов и словосочетаний. М., 2007. 731 с.

Тем не менее мы не можем удержаться от ряда замечаний и дополнений, которые, как нам представляется, способны придать данной работе в случае ее возможного переиздания, большую методологическую целостность и последовательность.

По его собственному признанию, автор «исходит из отсутствия каких-либо систематизированных материалов» о том, что в русском тексте предварительных замечаний на странице 7 названо «разговорным чешским языком» (*hovorová čeština*), а в параллельном ему чешском тексте на странице 8 – «нелитературным чешским языком» (*nespisovná čeština*), а также из невозможности ознакомиться с данным феноменом ни в академической среде университетов, ни на курсах чешского языка в Чешской республике либо за ее пределами.

Однако и в Чехии, и за ее пределами как описание, так и преподавание «нелитературного» чешского, конечно же, ведется. Например, в вышедшем третьим изданием «Словаре нелитературного чешского языка»² мы находим не только 17 000 соответствующих словарных статей, но и историю изучения нелитературных регистров чешского языка в двадцатом веке, характеристику основных чешских сленгов (тюремный и воровской сленг, военный сленг, технический сленг, сленг железнодорожников, сленг работников городского общественного транспорта, спортивный сленг, цирковой сленг, театральный сленг, музыкальный сленг, журналистский сленг, школьный и студенческий сленг, сленг наркоманов и т. д.), а также литературу вопроса из почти ста наименований. При этом читателям предлагается присылать свои соображения по данной проблематике на адрес info@slangy.cz, чтобы данные соображения могли быть учтены при последующих переизданиях словаря.

Ведущий советский богемист, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широкова, поддержавшая 65 лет назад чешского исследователя Петра Сгалла в его взглядах на важность изучения так называемого обиходно-разговорного (букв. «обычного») чешского языка (*obecná čeština*) и способствовавшая переносу соответствующей дискуссии на страницы журнала «Вопросы языкознания»³, настаивала на том, чтобы специализирующиеся по лингвистике студенты-богеми-

² *Hugo J. Slovník nespisovné češtiny*. 3. vyd. Praha, 2009. 500 s.

³ См.: Сгалл П. Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания. 1960. №2. С. 11–20; Белич Я., Гавранек Б., Едличка А., Травничек Ф. К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания. 1961. № 1. С. 44–51.

сты посвятили нелитературным формам чешского языка хотя бы одну из написанных ими за период обучения квалификационных работ (обычно это была курсовая работа за третий курс, но дело могло дойти и до работы дипломной). А.Г.Широкова основала существующую на филологическом факультете МГУ до сих пор традицию основательного знакомства студентов с «обычным» чешским языком в рамках обязательного для всех богемистов курса «История чешского языка» (четыре часа в неделю в течение двух семестров).

Подчеркнем, что с нелитературными формами чешского языка студенты-богемисты филологического факультета МГУ начинают знакомиться лишь после того, как его литературная форма уже была ими хорошо усвоена (достаточно хорошо, чтобы, например, успешно работать гидами-переводчиками во время каникул). В продолжающем оставаться лучшим отечественным учебником чешского языка для русских⁴ материал по обиходно-разговорному чешскому языку помещен в **последнем**, тридцать третьем уроке рассчитанного на два года курса.

Точно так же и на языковых курсах в Чехии знакомство с нелитературными вариантами чешского языка недоступно отнюдь не для всех слушателей в принципе, а лишь для начинающих. Безусловно, изучающий чешский язык иностранец должен иметь представление также и о его нелитературных формах, однако на начальном этапе обучения приоритет должен отдаваться языку литературному, в поддержку чего директор Института богемистики (Ústav bohemistických studií) при Карловом университете в Праге и один из ведущих чешских специалистов по преподаванию чешского языка иностранцам М.Грдличка отмечает следующее.

Во-первых, в сложившейся мировой практике преподавания языка иностранцам базовым является наиболее социально престижный идиом (трудно себе представить, чтобы, например, подготовка зарубежного германиста началась с изучения баварского диалекта или берлинского просторечья). Далее, от иностранца, как правило, ожидается следование литературной норме (включая произносительную), любые отклонения от которой воспринимаются большинством рядовых носителей языка однозначно негативно. Наконец, использование литературного языка в целом ряде ситуаций официального общения обязательно⁵.

⁴ Чешский язык: Учебник для I и II курсов / А.Г.Широкова, П.Адамец, Й.Влчек, Е.Р.Роговская. 2-е изд., испр. и доп. М., 1988. 544 с.

⁵ Ср.: Hrdlička M. Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň, 2010. 248 с.

При этом, если отклонения от литературной нормы в речи бегло говорящего по-чешски гостя воспринимаются большинством обычных чехов как простительный для иностранца недостаток (в то время как сам иностранец наивно полагает, что восхищает окружающих своей компетенцией в области нелитературного чешского), обращение к нелитературным средствам того, кто недостаточно работал или не работал вообще над весьма непростым для русского чешским произношением, вполне может поставить его в положение персонажа романа «Кирза» В. Чекунова – призванного в советскую армию эстонца, сослуживцы которого далеко не сразу сообразили, какое именно слово («русское, и “отчен хароошее”») тот имеет в виду, произнося «шааэпешшь» («с эстонским акцентом, делая ударение на «а» и растягивая слоги»).

В рецензируемой книге в параллельных (чешском и русском) текстах чешской надписи «Sbírka slov a výrazů pouliční a hovorové češtiny» соответствует русская надпись «Сборник слов и выражений уличного и разговорного чешского языка», а сочетанию «o nespisovné (tzv. pouliční) češtině» – сочетание «о разговорном (тнз. *уличном*) чешском языке» [Beliavski, 2015: 2–3, 6–7], при этом аббревиатуры «tzv.» / «тнз.» имплицитно существуют термина «pouliční čeština» / «уличный чешский язык». Однако мы не только не встречали в лингвистической литературе подобного термина, но и не смогли найти сочетание «pouliční čeština» ни в чешском Интернете, ни в Чешском национальном корпусе. Что же касается сочетаний *hovorová čeština* (269 контекстов употребления в подкорпусе SYN) и *spisovná čeština* (1551 контекст употреблений в SYN), то это устоявшиеся термины с весьма специфическим наполнением.

В 30-е годы XX века богемистами Пражского лингвистического кружка была сформулирована «теория языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*) является высшей формой существования языка чешской нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», то есть не получивших такого формального образования чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном [букв. ‘обычном’] чешском языке» (*obecná čeština*), сформировавшемся на базе собственно-чешских диалектов⁶. Помимо «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чеш-

⁶ См.: *Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura* // *Spisovná čeština a jazyková kultura* / Eds. B. Havránek, M. Weingart. Praha, 1932. S. 32–84.

ского» «теория языковой культуры» оперирует понятием «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), который предназначен для использования в неофициальных сферах общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский»⁷. Этот «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), будучи свободным как от чересчур книжных, так и от просторечных элементов, был призван, по замыслу его пропагандистов, выступать в роли своего рода фильтра, через который элементы «обычного чешского» должны проникать в «литературный чешский», пополняя и обогащая его⁸. В отечественной богемистике чешский термин *hovorová čeština* принято переводить как «разговорный стиль литературного чешского языка». Схема *spisovná čeština – hovorová čeština – obecná čeština* продолжает использоваться до сих пор.

Оставаясь в рамках сложившейся в богемистике терминологии, следует отметить, что предлагаемый словарь «Чешских нелитературных слов», содержит лексику, относящуюся не только к нелитературным, но также и к литературным формам существования чешского языка, ср. стилистические пометы (или их отсутствие), которыми в нашем словаре⁹ снабжены некоторые лексемы из [Beliavski, 2015]:

[Beliavski 2015]	[Изотов 2012]
<i>abst'ak – разг.</i> 1) абстиненция, ломка из-за отказа от сигарет/алкоголя 2) <i>жарг.</i> абстыга, ломка, синдром отмены наркотика с.м. Наркотики	abst'ák, -u m slang. абстинентный синдром <i>spis.</i>
<i>akne/akné – прыщи, угри с.м.</i> <i>beďary</i>	akné neskl. ž med. угревая сыпь
<i>amik – разг.</i> америкос, америкашка	Amík, -a m hovor. expr. американец <i>m</i>
<i>asák – ассистент</i>	asák, -a m ob. ассистент <i>m</i>
<i>atrapa – муляж, бутафория</i>	atrap a, -y ž бутафория <i>ž</i>
<i>bachař – жарг.</i> вертухай, надсмотрщик в тюрьме также basman	bachař, -e m arg. тюремный надзиратель <i>spis.</i>

⁷ См.: Bělič J. Bojujme za upevňování a šíření hovorové češtiny // Český jazyk a literatura, 9. 1959. S. 433–441.

⁸ См.: Bělič J. Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné // Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha, 1958. S. 59–71.

⁹ Изотов А. И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М., 2012. 1024 с.

Как мы видим, первая, четвертая и шестая лексемы действительно относятся к нелитературной лексике (*slang*. – сленг; *ob.* = *obecná čeština* – общо-разговорный чешский язык; *arg.* – арг), однако вторая, третья и пятая лексема вполне литературны (*med.* – медицинская терминология; *hovor.* = *hovorová čeština* – разговорный стиль чешского литературного языка; отсутствие пометы – чешский общелитературный язык). (При составлении словника [Изотов 2012] мы исходили не из литературности/нелитературности соответствующих лексических единиц, а из качественного и количественного аспектов их представленности в современном чешском дискурсе, оценить которые современный уровень развития корпусных технологий вполне позволяет.)

Мы никак не можем одобрить стремление автора словаря переводить чешские нелитературные слова и выражения русскими нелитературными же. Подобные попытки уже предпринимались ранее¹⁰; в результате, например, дискотека (*disko*) оказалась *монтодroomом*, наркоман (*drogista*) – *торчком*, детективный роман или фильм (*krvák*) – *убивашкой* и т. д. Однако для некоторого количества пользователей словаря непонятным может оказаться не только исходное слово, но и предлагаемый эквивалент. Кроме того, сленговая лексика отнюдь не отличается стабильностью и однозначностью. Например, в соответствии со словарем Т. Г. Никитиной¹¹, *торчок* – не только ‘наркоман’, но и ‘фанат, поклонник какой-л. рок-группы’, а также ‘молодой солдат, подвергающийся притеснениям и эксплуатации со стороны старослужащих’. Какое значение выберет для себя пользователь словаря, если он знаком со всеми тремя русскими сленговыми значениями? А если только со вторым и / или третьим?

И уж совсем никуда не годится заявленный в [Beliavski, 2015: 8] принцип «дословно, т. е. матом» переводить «чешские матерные слова» по той простой причине, что **чешская obscene лексика не является матерной**, даже если речь идет о прямых заимствованиях из русского языка в период совместного построения социализма. Мат – это феномен русского obscene дискурса, в основе которого лежит концепт размножения, тогда как в основе obscene дискурса чешского лежит концепт пищеварения, что иногда характеризуется как *Sex-культура*

¹⁰ См.: Sádliková M. a kol. Velký česko-ruský slovník / Большой чешско-русский словарь. Voznice, 2005.

¹¹ Никитина Т. Г. Словарь молодежного сленга 1980–2000 гг. СПб., 2003. 704 с.

брани и Scheiss-культура соответственно¹². Кроме того, как убедительно показал Б. А. Успенский, исторически русский мат развивался как способ контакта с нечистой силой, поэтому в европейских языках ему функционально соответствуют формулировки, содержащие не названия детородных органов и их функций, а различные способы богохульства и/или кощунства¹³.

К сожалению, в тексте книги немало неточностей, например, **čus** – не «искажение приветствия **čau**» (с. 183), а немецкое **tščüs(s)**, не очень грамотно записанное «чешскими буквами»; **bytná** – это не «букв. живущая в квартире со мной» (с. 184), а «букв. квартирная хозяйка»; словосочетание **atlas hub** (с. 18) означает «Справочник грибника» и существовало задолго до появления Facebook’a, каламбурное же переосмысление стало возможным в результате совпадения в форме род. падежа мн. числа слова **houba** ‘гриб’ и слова **huba** ‘рот’ (а также ‘морда, рыло’ в контекстах типа **rozbít hubu** ‘разбить/набить морду/рыло’); одно из пейоративных обозначений русского выглядит не как **azbuka** (с. 18), а как **Azbuk** (во множественном числе **Azbuci**), в тематической группе «Девушка» (с. 182) отсутствует **žába**, а в группе «Фаллос» (с. 209) – **pták**, при этом в число «разговорных обозначений» попал медицинский термин **pyj**, и т. д.

Немало в издании и погрешностей технического характера: например, слово **bambitka** (с. 20, 209) должно писаться с «а» (а не «о») на конце, слово **brácha** (с. 184) – с долгим «á» в корне, а слово **brach** (с тем же значением) – с кратким; слово **hůl** (с. 60) – с долгим «ů», а слова **kafe** и **jdeme** (оба на с. 10), наоборот, с кратким «е»; алфавитный порядок следования статей не раз нарушается, есть повторы статей и лексем и т. д.

Подводя итог, повторим, что мы имеем дело с весьма полезным сочинением, возможное переиздание которого после определенной переработки с учетом сказанного выше мы бы сочли не только возможным, но и желательным.

А. И. Изотов

Сведения об авторе: *Изотов Андрей Иванович*, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: a.i.izotov@mail.ru

¹² См.: Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика (Берлин). 1994. №1/2. С. 50–73.

¹³ Ср.: Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избр. труды. Т. 2. М., 1994. С. 53–128.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ВЕЛИКИЕ КНИГИ И ШКОЛЫ КРИТИЧЕСКОГО ПРОЧТЕНИЯ

ПО СЛЕДАМ XVIII ГУМАНИТАРНОЙ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ В МГУ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

В центре внимания очередной международной гуманитарной летней школы в МГУ (она традиционно проводится при поддержке программы Фулбрайта, бессменный организатор и координатор – заведующая кафедрой теории дискурса и коммуникации филологического факультета МГУ проф. Т. Д. Венедиктова) оказались проблемы преподавания классической литературы на современном этапе. Особая злободневность этой темы объясняется двумя, казалось бы, взаимоисключающими факторами: с одной стороны, непреходящей, по умолчанию, актуальностью классики, с другой – спорностью ее современного статуса и состава. Двойственность эта обусловлена рядом обстоятельств, разнообразных и зачастую неожиданных, – это, в частности, и многонациональный состав современной студенческой аудитории, и необходимость, принимая вызовы междисциплинарности, выходить за рамки чисто литературной классики, подключать корпус социально-философских сочинений. Особую актуальность приобретает сегодня рецептивный аспект классики, авторитет которой теряет былую бесспорность и нуждается в постоянном подтверждении, аргументированном обосновании. Классика требует обсуждения и нового понимания не как самоочевидно ценный объект, – скорее, как коммуникативный акт, диалог между прошлым и остро проблематичным настоящим. Этот диалог сопряжен с трудностями перевода – в самом широком, шлейермахеровском смысле этого слова, т. е. языкового, культурного и медийного.

Сфокусированная (уже традиционно) на инновационных методологиях и методиках преподавания, Школа изначально задумывалась как поиск ответа на вопросы: чем обеспечивается эффективность университетского преподавателя-гуманитария как посредника в коммуникации поколений, в контактах локального и всемирного, в коллизиях эстетики и политики? Какие формы работы с образами «себя» может общегуманитарный литературный курс предложить нынешним поколениям студентов? На какие типы чтения и на какие типы читателей

ориентирует нас глобальная интеллектуальная повестка дня? Как она может быть реализована не в ущерб, а с учетом самобытности национальных культур?

Как и все предшествующие семнадцать лет, Школа действовала как дискуссионная площадка, где актуальная проблематика рассматривалась в поле диалога российской и американской научной мысли. Известный бахтиновед Майкл Холквист (Йельский / Колумбийский университет), представший, скорее, как историк и философ науки, в своих блестящих лекциях говорил не столько о литературе, сколько о литературоведении как науке и о поисках выхода из современной кризисной ситуации. Первый день работы Школы прошел в обсуждении социальных и институциональных контекстов классики. Опираясь на концепцию Т. Куна, Майкл Холквист определил современное состояние филологии как длящуюся научную революцию: объект изучения литературоведения словно бы утерять четкость очертаний, что привело не только к появлению новых методов обучения, но и к открытию неведомых ранее университетских институций: кафедр культурных и гендерных исследований, экокритики и др. Однозначно определяя современную ситуацию в литературоведении как кризисную, Холквист главной стратегической задачей ученых-гуманитариев видит поиски того, как сделать свою науку максимально привлекательной и интересной для современного студенчества. Будущие существенные парадигматические сдвиги он связал с двумя возможными подходами: 1) с использованием новых технологий, в частности с цифровыми гуманитарными исследованиями; 2) с обращением к изучению мировой (всемирной) литературы. Так или иначе, на современном этапе мы оказываемся перед необходимостью поиска нового канона и должны приспособиться к его неожиданно протеистической природе.

С. Н. Зенкин (РГГУ), акцентируя природу классики как синекдоху по отношению к литературе в целом, раскрыл идеологическую природу этого института и социологические механизмы его функционирования. Классика как механизм подражания сопоставима с модой, которая, по его пронизательному наблюдению, представляет конкурента классики в литературной эволюции. В соответствии с общей науковедческой направленностью Школы С. Н. Зенкин остановился на проблеме классики в гуманитарных науках и подчеркнул ее связь с идеей наследия. Была предложена уходящая корнями в прошлое формула: культура = канон + постоянно обновляемые комментарии к нему. Соответственно, класси-

ки – это самые комментируемые авторы. Такая диспозиция сохранялась до XVII–XVIII веков, когда появилась новая экспериментальная наука, не зависящая от традиции, – она проповедует *безличное* знание и смотрит не назад, а вперед. Меняется смысл понятия научной классики: в естественных науках классики – это гении, которых чтят без непосредственного контакта с их творчеством. Однако гуманитарные науки, науки о культуре всегда связаны с традицией. Они генерируют не узко дисциплинарный, но мировоззренческий интерес, и не случайно выдающиеся гуманитарии из «специалистов» превращаются в философов (как Ю. М. Лотман или М. М. Бахтин). Прозвучала важная мысль о создании в XX веке новой плюралистической модели классики.

И. М. Савельева (НИУ—ВШЭ) рассмотрела научную классику как ресурс академической корпоративной памяти. Ученые, являясь высоко рефлексивной группой, вольно или невольно формируют корпоративную память, которая опирается на устные, визуальные и письменные источники. Среди последних особенно продуктивными для анализа являются, по наблюдению И. М. Савельевой, учебники, именные указатели в них. Доклад навел на размышление о механизмах корпоративной памяти в литературоведческой науке, – увы, серьезные исследования в этой области, как выяснилось в дискуссии, отсутствуют.

Доклад профессора Пенсильванского университета Питера Стайнера представил своего рода практический пример к вышеизложенным теоретическим рассуждениям. Специалист по русскому формализму, он говорил о том же, что наметил в своем выступлении С. Н. Zenкин, который объяснил достаточно редкое ныне в литературоведении использование идей формалистов и ОПОЯЗа тем, что они вошли в состав более разработанных и фундированных теорий (нарратологии). П. Стайнер определил русский формализм как интерпарадигматическую стадию науки о литературе, – и сегодняшняя ситуация в литературоведении также ощущается им как интeпарадигматическая. Последний тезис не мог не привести к поискам аналогий между началом XX века и началом века XXI, и аудитория услышала, что современные цифровые гуманитарные исследования являются типологическим аналогом позитивизму, господствовавшему на рубеже XIX–XX вв., а социолога литературы Франко Моретти (громкое сегодня «трансатлантическое» имя) можно рассматривать как своего рода Веселовского наших дней.

Темой следующего дня стала национальная политика как фактор «изобретения» литературной традиции. Размышляя о роли националь-

ной доминанты в литературной культуре, М. Холквист предложил брать отсчет в истории национализма с конца Тридцатилетней войны в Европе (1648 год), когда «национальная идея начала играть роль в общественном сознании, которую прежде играла религия». Национализм для него — это внерелигиозный, секулярный способ осмысления судьбы народа и культуры. Развивая эти идеи применительно к культуре США, Джеймс Верч (университет Вашингтона, Сент-Луис) предложил свое видение американской национальной идеи, аналогичных формирований в других культурах и релевантных для их изучения аналитических практик.

Логическим образом, во второй половине того же дня в центре внимания оказалась ситуация в российском образовании. На круглом столе «Национальная классика в школе: борьба за литературный канон в России 2000-х годов» разговор перешел в сугубо практическую плоскость, что нашло живейший отклик среди учителей русского языка и литературы, в эти же дни повышавших квалификацию в МГУ. Магистральной стала тема несовершенства нынешнего положения дел с преподаванием литературы при всеобщей убежденности в необходимости ее преподавания (без привитых на всю жизнь навыков чтения человек вряд ли сможет социализироваться). Приветствуя возвращение сочинений в программу школьных экзаменов, выступающие, сокрушенно признавали, что обычный человек не может освоить школьный курс литературы — в силу объема текстов, смены медийных приоритетов и массы других причин. В качестве практических рецептов предлагалось работать с сокращенными текстами художественных произведений («Война и мир» — в 1-м томе?) и предусмотреть для учителей возможность самим формировать списки изучаемых произведений, т. е. стать сотворцами национального канона. Последнее предложение предсказуемо вызвало полемические возражения тех, кто полагает, что для современной России важно сохранить единство образовательного пространства, а пестрота списков изучаемых книг может расшатать единство Российского государства. В выступлении Л. Клейна (РАНХиГС) объектом иронически-парадоксалистской атаки стал школьный канон классической русской литературы, изучаемой в школе: он не дает образцов для подражания в плане достижения жизненных успехов и не богат образами положительных героев. Встречно прозвучало полемическое предложение о том, что школьный канон должен быть подчинен не поискам образцов, а принципу соответствия литературы жизни.

Богатый содержательными дискуссиями день закончился просмотром фильма канадского режиссера Д. Васику «Девушка в белом пальто» (2011), навеянного повестью Н. В. Гоголя «Шинель». В связи с увиденным выступающие говорили о том, что классика работает с читательским опытом, но сам он далеко не всегда становится предметом рефлексии. Попытка обсудить Гоголя в новом образе – «между Триером и Феллини» – оказалась по-хорошему провокативной и в целом очень успешной.

Третий день работы Школы был посвящен осмыслению ставшего в последнее время очень популярным в США понятия «всемирной литературы». Майкл Холквист проследил историю этого понятия от И. В. Гете через Эриха Ауэрбаха (с его статьей «Филология всемирной литературы», 1952) к недавним разработкам и публикациям (Паскаль Казанова, Эмили Аптер и др.). Обозначив укорененность идеи «всемирной литературы» в истории немецкой философской мысли, в частности в философии И. Канта, Майкл Холквист представил интереснейший очерк недавнего возрождения интереса к этой теории в США и ее институциональных последствий. Кафедры сравнительной литературы, ставшие необыкновенно модными в 1960–1970-е годы, в 1990-е начали уступать первенство институциям, формирующимся «под знаменем» всемирной литературы. Обновленный и безгранично расширившийся объект исследования породил целый ряд сложностей, основная из которых была связана с невозможностью читать все изучаемые произведения в оригинале. Нереальность этой задачи для рядового студента, как, впрочем, и для преподавателя достаточно очевидна, и это с особой остротой поставило проблему изучения сравнительных переводов, а также отбора текстов для изучения. С точки зрения М. Холквиста, «тексты должны отбираться с точки зрения того, насколько ярко они отражают понимание литературности в той или иной культурной традиции». Особая сложность ситуации в университетах США обуславливается тем, что в этой стране никогда не было унифицированной программы изучения литературы, там существует около 4000 академических литературоведческих программ. В этом – существенное отличие от российской ситуации. Есть, впрочем, и явное сходство: по оценке американских коллег, до 30 процентов курсов университетского цикла сейчас носит коррекционный характер, вызванный необходимостью обучать студентов навыкам, которые они «не успели» приобрести в средней школе, – в частности, навыкам письма, организации письменных текстов.

Отечественная рецепция идеи всемирной литературы была прослежена А. Борисенко (МГУ) с неосуществленного горьковского замысла «Всемирной литературы» в 1500 томах и представлена в тесной связи с развитием российской переводческой школы. А. Я. Ливергант осветил роль журнала «Иностранная литература» в знакомстве отечественного читателя с зарубежной классикой и отметил серию «Библиотека всемирной литературы» (1970-е гг) как удачную попытку создания классического канона всемирной литературы в нашей стране. Биргит Манцель (Университет Гутенберга, Майнц) представила западноевропейский взгляд на ту же проблему, анализируя английский и немецкий переводы «Бесов», – ей удалось убедительно подтвердить мысль Б. Дубина о том, что хороший перевод изменяет язык-реципиент, является активным фактором развития принимающей культуры.

В ходе дискуссии об уроках чтения в высшей школе был представлен интересный опыт преподавания в РАНХиГС четырехгодичного курса «Великие книги», включающий как художественные, так и научно-философские тексты. Были подробно освещены принципы формирования списка изучаемых произведений, нетрадиционные формы ведения занятий (исключительно семинарских, которые ведут совместно два преподавателя), нетривиальные методические приемы (экспликация собственного непонимания текста преподавателем, написание диалогических эссе и т. д.). Любопытно, что работа с объемными текстами подается педагогами РАНХиГС как действенный инструмент воспитания навыков управления большой организацией. Весьма актуальными и созвучными структуре момента показались и методики превращения чтения «великих книг» в часть личного опыта студентов. Тонко отрефлексированное представление о разнообразии практик чтения (профанное, экспертное, аналитическое, «медленное» и «быстрое» и т. д.), использование их плюсов и минусов дополняется опытом преподавания курсов академического письма. Все это в совокупности оставляет впечатление настоящего прорыва в преподавании гуманитарных дисциплин. Эксперименты коллег, трудно представимые в провинциальных университетах, но будящие методико-педагогическую мысль, вызвали живейший интерес слушателей Школы.

В четвертый день работы Школы ее участники сконцентрировали свое внимание на роли новых технологий в реформировании литературного канона. Майкл Холквист в своей лекции сделал обзор трансформаций исторических концепций языка в тесной связи с развитием

точных наук. Было наглядно показано, как с развитием математики и статистики, менялись статус и инструментальное значение языка, что не могло не сказаться на роли и составе филологии как научной дисциплины (Холквист напомнил, что впервые степень по филологии была получена в 1774 году Ф. А. Вольфом, который применил статистические методы к текстам Гомера). Со временем важнейшей тенденцией в развитии лингвистики стал поворот от исторического изучения языков к статистическому, в котором особая роль была уготована компьютерным технологиям, начиная с Клода Шеннона. Сведение языка к формальному коду чревато и серьезными гуманитарными издержками, – осознавая это обстоятельство и помогая другим его осознать, филологи осуществляют ответственнойшую социальную миссию.

Работа Школы завершилась итоговым круглым столом о том, какие новые возможности открывает внедрение курсов всемирной литературы на уровне высшей школы и какие проблемы это за собой влечет. Адепт преподавания всемирной литературы, основатель института мировой литературы в Гарварде, главный редактор шеститомной Лонгмановской антологии мировой литературы Дэвид Дэрош продемонстрировал свою методику преподавания. Главная установка для него — смотреть на текст не изнутри традиции, в которой он создавался, но с точки зрения других традиций. Дэрош соположил в своем анализе анонимное английское стихотворение XVI века, четверостишие аргентинской поэтессы Алехандры Писарник и санскритское любовное стихотворение, продемонстрировав глубинное различие западного и восточного поэтического самоощущения: в «западных стихах» лирической герой — всегда одинокое лицо, эта поэзия доносит до нас голос индивидуума, в то время как в индийская поэзия исходит из радикально иных культурных предпосылок.

Заведующий кафедрой сравнительной истории литератур историко-филологического факультета РГГУ, профессор И. О. Шайтанов сформулировал наиболее острые, на его взгляд, проблемы сегодняшней компаративистики и шире – литературоведения как академической дисциплины. Среди наиболее болезненных – потеря преемственности между школой и университетом (вспомнились слова Холквиста о 30 процентах коррекционных курсах в американских университетах!). Для компаративистики наиболее важными вопросами представляются вопрос о том, в каких условиях слово языка становится поэтическим? Что, как и зачем сравнивать? Как осваивать методики сравнения, по ка-

ким образцам? Как решать переводческие проблемы в свете культурной непереводимости?

Подводя некоторые предварительные итоги и осмысляя опыт, которым делились американские коллеги, захотелось уточнить для себя, является ли радикальным новшеством *для нас*, российских ученых, преподавания курсов мировой литературы. Общий курс зарубежной литературы, построенный на изучении иностранных текстов в переводах, является краеугольным камнем нашей системы преподавания. Правда, цивилизационные границы между Западом и Востоком остаются у нас менее проницаемыми, чем того требует современная геополитическая ситуация. Захотелось уточнить, в чем состоит специфическая методика преподавания всемирной литературы, чем она радикально отличается от компаративистских штудий «первого поколения», получивших широкое распространение в отечественном литературоведении.

Содержание лекций и дискуссий стало мощным стимулом для размышлений о путях преодоления кризиса, в котором, бесспорно, находится преподавание литературы и у нас, и в США. Как сказал один из преподавателей курса «Великие книги» в РАНХиГС, студенты должны уходить с его занятия с вопросами, а не с готовыми ответами. 18-я Международная гуманитарная летняя школа, безусловно, выполнила подобную задачу выявления острых проблемных узлов. И, что особенно ценно, на ней было создано особое научно-культурное пространство солидарных поисков выхода из кризиса.

О. Ю. Анцыферова

Сведения об авторе: Анцыферова Ольга Юрьевна, доктор филол. наук, профессор кафедры зарубежной литературы Ивановского государственного университета. E-mail: Olga_antsyf@mail.ru

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС» (МГУ, 19–20 МАРТА 2015 Г.)

Конференция «Текстология и историко-литературный процесс» проводится на филологическом факультете МГУ уже в четвертый раз. В этом году в ней приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Одинцова, Тарту и Венеции; удалось продемонстрировать, насколько эффективным является сочетание историко-литературного и текстологического подходов. Собственно текстологических докладов в этом году было много даже по сравнению с предыдущими; это можно понять как проявление все возрастающего стремления участников давать точные ответы на вопросы, которые ставит перед ними объект исследований. Ряд выступлений показал, что конференция, не теряя своего статуса теоретической площадки для молодежи, становится своеобразной лабораторией по обсуждению живых издательских проектов.

Организаторы представили очередной сборник работ, написанных по итогам конференции прошлого года¹⁴.

В программу была включена лекция специальных гостей: старшего преподавателя факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ А. С. Бодровой и сотрудника ИРЛИ РАН, старшего преподавателя кафедры истории русской литературы СПбГУ К. Ю. Зубкова, посвященная вопросам взаимоотношений редакторов толстых журналов XIX в. и их цензоров. В частности, Бодрова на материале дневника редактора «Москвитянина» М. П. Погодина и его переписки с цензорами Н. И. Крыловым и В. П. Флеровым продемонстрировала, какие сложности могли возникать у обеих сторон при цензуровании журнала. Так, период сотрудничества с Флеровым был одним из самых тяжелых в редакторской практике Погодина, из-за постоянных претензий со стороны цензора Погодин даже думал о том, чтобы перенести издание своего журнала

¹⁴ Текстология и историко-литературный процесс: III Международная конференция молодых исследователей. Сборник статей / Под ред. Л. А. Новицкас, А. Н. Першкиной, А. С. Федотова. М., 2015. 160 с. Полная электронная версия сборника доступна на сайте конференции «Текстология и историко-литературный процесс» (<http://tekstologia.jimdo.com>) и на сайте кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ (<http://www.philol.msu.ru/~istlit>).

из Москвы в Петербург. Цензор Крылов, благожелательно относившийся к Погодину и его «Москвитянину», сам неоднократно испытывал трудности при чтении журнала. Ему было тяжело совмещать должность профессора римского права в Московском университете и работу цензора, на что он неоднократно, но тщетно пытался намекнуть Погодину. Зубков на нескольких примерах пытался показать, что в журнале XIX в. отдельные роли (редактора, цензора, критика и автора) соотносились самым разным образом. Так, цензоры могли принимать решения на основании не соответствующих законов, а мнения литературных критиков. Например, цензорское заключение об одной из статей Ап. Григорьева представляет собою почти дословную цитату из резко критической статьи П. Н. Кудрявцева о другом сочинении Григорьева. В другом примере речь шла о том, как редактор «Москвитянина» М. П. Погодин напечатал резкий отзыв о стихотворении того же Григорьева «Искусство и правда», впервые опубликованном в том же самом журнале. В реальном литературном процессе издание толстого литературного журнала определялось не выполнением отдельными людьми предписанных им в структуре этого журнала ролей, а постоянным развитием и сменой этих позиций.

Традиционно первыми из участников выступили специалисты по Древней Руси.

Дарья Манежина (Москва) обратилась к краткому переводному хронографу «Летописец вскоре» патриарха Никифора, дошедшему в составе Синодальной Новгородской кормчей 1282 г. В центре внимания докладчицы оказалась оригинальная славянская часть памятника, в частности ее соотношение с переводной. Сравнив языковые особенности обеих частей, исследовательница показала, в чем русский книжник следует греческому образцу, а в чем отходит от заданной оригиналом структуры.

В докладе Натальи Демичевой (Москва) были проанализированы тексты Псковской II и Псковской III летописей о новгородском походе Ивана III 1471 г. и выявлена специфика псковской точки зрения на события. В центре повествования оказываются посольства москвичей и новгородцев по Псков, поход Ивана III не легитимизируется (в отличие от московских произведений), внимания внутренним разногласиям новгородцев уделяется мало (в отличие от новгородской повести). Докладчица отметила, что псковские авторы придерживаются нейтральной манеры, поскольку псковичи, выступившие в московско-новгородском

конflikте на стороне Ивана III, стремились все же сохранить хорошие отношения с Новгородом.

Основным объектом исследования Натальи Котовой (Москва) стало Пересопницкое Евангелие. После краткого экскурса в теорию библейского перевода от античности до XVII в. ею были рассмотрены литургическое оформление рукописи, лексический состав основного текста, глоссы, в которых сводятся воедино несколько чтений. Докладчица доказала, что на каждом из этих уровней церковнославянские элементы оригинала вступают во взаимодействие с элементами других систем – некнижной (украинской) и книжной (западнославянской, отражающей в конечном итоге латинский текст): переводчики делали текст «функционально» близким читателю.

Ольга Кузнецова (Москва) предприняла попытку историко-литературного комментария к виршам Петра Самсонова, автора, относимого к приказной школе стихотворства. Удалось реконструировать неизвестные эпизоды его биографии (связь со стихотворцем Михаилом Роговым, с Григорием Отрепьевым, опала), круг общения — имена учеников, друзей и покровителей. Особое внимание в выступлении было уделено трем неопубликованным посланиям, одно из которых исследователи ошибочно считали редакцией изданного ранее. Докладчица отметила новаторство П. Самсонова в использовании стихотворных формул, их переработке и в свободной интерпретации категорий средневековой культуры.

Андрей Соловьев (Петербург) рассказал о документе из наследия И. А. Второва, писателя рубежа XVIII–XIX вв. Рукопись, хранящаяся в РГАЛИ, представляет собой подшивку сочинений (автографов и копий) самого Второва и его друзей самарского периода биографии писателя (А. Ф. Фурмана, Ф. И. Германа, Н. А. Литвинова), содержит разнородный, но не механически собранный материал, насыщенный сквозными темами и образами. Возникновение документа, как показал докладчик, можно связать с разными традициями рукописной литературы: от литературных сборников XVIII в. до формировавшейся альбомной культуры. Самопрезентация провинциального литературного сообщества строилась в рамках общих тенденций развития литературы первой половины XIX в. Привлечение возможно большего числа подобных источников необходимо для изучения провинциальной литературной жизни этого времени, поскольку она еще в меньшей степени, чем столичная, сводится к печатной форме бытования.

Доклад Марии Дорожкиной (Одинцово) был посвящен вопросам сотрудничества беллетристки Е. А. Ган (1814–1842), известной под псевдонимом Зенеида Р-ва, с редактором журнала «Библиотека для чтения» О. И. Сенковским. Последний часто радикально перестраивал сочинения своих сотрудников, в том числе, как убедительно показала исследовательница, и Ган. Анализ повести «Идеал» позволил установить, что именно в тексте журнальной публикации написано Ган, а что — Сенковскому. Исследовательница пришла к выводу, что правка редактора не меняла сути произведения, была направлена на детализацию, но в некоторых случаях создавала комический эффект, неуместный в романтической повести.

Наталья Сарана (Москва) попыталась реконструировать литературный и публицистический контекст, в котором создавался роман М. М. Филиппова «Осажденный Севастополь»: были учтены главным образом русские и английские сочинения о Крымской войне. Основным источником романа, написанного в конце XIX в., стали газетные и журнальные публикации, мемуары участников, а также личные беседы писателя с ветеранами. Определенное влияние на М. М. Филиппова, как убедительно было продемонстрировано, оказали «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» Толстого.

Алексей Козлов (Новосибирск) в докладе «Травелоги “Русского вестника” 50-х годов: динамика и прагматика» представил анализ сравнительно короткого периода в истории журнала: показано, что именно определяется характер издания. Наряду с программными статьями Каткова в это время большую роль играют путевые очерки задача которых заключается не только в расширении читательских горизонтов, но и формировании идеологических альтернатив. Сравнение травелогов П. Н. Кудрявцева и Н. В. Берга позволило продемонстрировать своеобразную динамику, определяющую дальнейшую историю путевых очерков и тяготеющих к ним форм «Русского вестника».

Анна Грачева (Петербург) говорила о личной библиотеке А. Ф. Вельтмана и показала, как она отражает разносторонние интересы писателя: в ней 1500 томов, из них сочинений на иностранных языках (шестнадцати) около 400. Обращение к инскриптам, маргиналиям, рисункам, пометам пояснило некоторые факты биографии Вельтмана.

Елена Шкапа (Петербург), сравнивая трилогию Лескова «Отборное зерно» с его рассказом «Московское приведение», установила, что у образа «барина» из «Отборного зерна» и «первача» из «Московского

приведения» был один прототип – Генрих Шлиман, немецкий археолог-самоучка и предприниматель, который составил большое состояние, в том числе за счет торговых махинаций во время Крымской войны. Внимание Лескова к деятельности Шлимана подтвердила записная книжка писателя, свидетельствующая о том, что Лесков был возмущен публикацией в 1891 г. в детском журнале «Игрушечка» статьи об открытиях Шлимана.

Ольга Овчарская (Петербург) в докладе «"Малая пресса" как массовая литература: шаблон, повтор, автоповтор» продемонстрировала механизмы появления общих мест в юмористической журнальной и газетной прозе второй половины XIX в.: это было обусловлено как внешними (цензура, уровень читательской аудитории, стремление к актуальности, «календарная» тематика), так и внутренними причинами (ограниченный набор жанров, построенных по четкой схеме, устойчивый репертуар приемов создания комического). Особым случаем повтора является автоповтор: постоянное воспроизведение шаблонного выражения и повторение характерных шуток и авторских «словечек», по которым можно даже атрибутировать текст.

Кристина Сарычева (Москва) описала принципы создания посмертных изданий стихотворений Тютчева, вышедших в период с 1879 по 1900 гг.: «Новонайденные стихотворения Ф. И. Тютчева» (под ред. И. С. Аксакова, 1879), «Стихотворения Ф. И. Тютчева» (под ред. П. И. Бартенева, 1883), «Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи» (подгот. Эрн. Ф. Тютчева, 1886), «Стихотворения Ф. И. Тютчева» (под ред. П. И. Бартенева, 1886), «Стихотворения Ф. И. Тютчева» (под ред. П. И. Бартенева, 1899), «Сочинения Ф. И. Тютчева. Стихотворения и политические статьи» (подгот. И. Ф. и Д. Ф. Тютчевы, 1900). Согласно наблюдениям исследовательницы, принципы изданий произведений Тютчева демонстрируют различия в восприятии его поэзии: Аксаков, Эрн. Ф. Тютчева, И. Ф. и Д. Ф. Тютчевы следовали «пушкинской» линии восприятия, предложенной еще в 1850-х гг. Некрасовым и Тургеневым, а П. И. Бартеньев встраивает поэта в иной литературный ряд, сравнивая его с Шиллером, Гете, Гейне. Этой линии впоследствии придерживался Брюсов, сотрудничавший с П. И. Бартеньевым в конце 1890-х и начале 1900-х гг.: рассуждения о поэзии Тютчева Брюсов строил, соотнося ее с немецкой поэтической традицией.

Доклад Елены Глуховской (Петербург) был посвящен сотрудничеству поэта Эллиса с символистским книгоиздательством «Муса-

гет» (1909–1917): неопубликованные письма Эллиса, Э.К. Метнера и Н.П. Киселева позволяют уточнить историю последнего года существования книгоиздательства и пояснить некоторые подробности эмигрантской жизни Эллиса этого периода и его участия в отстаивании интересов «Мусагета» и защиты русского символизма от антропософии.

Александра Пахомова (Петербург) выступила с докладом «Как (не) издавать Игоря Бахтерева». Согласно наблюдениям исследовательницы, отличительной особенностью творчества И. Бахтерева (участника группы ОБЭРИУ и других авангардных объединений) является наличие большого числа рукописей, каждая из которых представляет собой самостоятельную версию произведения. На примере стихотворения «<Варвара>» была поставлена проблема текстологии авангардных произведений. К ее особенностям Александра Пахомова отнесла изменение отношений между текстом и его материальным источником, исчезновение (нерелевантность) понятия «основной текст», а также вариативность текста, возведенную автором в принцип.

В докладе «“Каменный цветок”, “Горный мастер” и “Хрупкая веточка” П.П. Бажова как объект текстологического анализа» Александра Комадей (Екатеринбург, Петербург) рассказала о работе над Академическим собранием сочинений писателя. В ходе анализа черновых и беловых автографов, рукописных и машинописных копий, а также прижизненных и посмертных публикаций сборника «Малахитовая шкатулка» были установлены механизмы развития и претворения художественного замысла. Изначально Бажов задумывал рассказать историю становления одного мастера-малахитчика, а получилась хроника семьи. Сводные таблицы, в которые были включены варианты финалов сказов из «Малахитовой шкатулки», помогают увидеть, на каком этапе Бажов задумывает «продолжение истории».

В сообщении Артема Шели (Тарту) рассматривался мотив ядовитого запаха «горького миндаля», повторяющийся в ряде текстов Блока 1909–1910 гг. Реальный комментарий позволил прояснить двусмысленность концовки стихотворения «Здесь в сумерки в конце зимы»: упоминающийся в его финале «горький» запах – это одновременно и духи ушедшей героини, и яд (цианистый калий). Ядовитый запах миндаля актуализируется у Блока в связи с кометами 1910 г.: Большой январской кометой и майской Галлеей. Под впечатлением от слухов о циане, обнаруженном в их хвостах, Блок модифицировал образа кометы-Незнакомки в своей поэзии.

Доклад Аллы Бурцевой (Москва) «Особенности стилизации в историческом романе Андрея Платонова» был посвящен неоконченной рукописи «Македонский офицер» с подзаголовком «Роман из ветхой жизни»: транскрипция рукописи указывает на общую тенденцию к архаизации повествования, что вполне соответствует замыслу романа, исторически и культурно не имеющего никакого отношения к СССР. Ряд конструкций, которые традиционно считаются специфичными для прозы Платонова, оказываются также средством архаизирующей стилизации. Этой тенденции противостоит иная – типичный для Платонова стилиевой сбой, в частности, наслоение советизмов. За счет столкновения двух тенденций происходит стилиевой сбой, неясно, сознательный или нет.

В сообщении Алсу Акмальдиновой (Москва) «Об одном структурном принципе английской поэзии, посвященной Кромвелю» были разобраны два стихотворения: «Панегирик» Эдмунда Уоллера и «Элегия, написанная на сельском кладбище» Грея. Созданные с интервалом в столетие, относящиеся к разным жанрам, они, однако, объединены общим структурным принципом, который можно определить как принцип концентрического усложнения. Его использование напрямую связано с темой, возникающей в обоих текстах, – темой необычной судьбы Кромвеля. В стихотворениях Уоллера и Грея, прославляющих героическую, исключительную участь и тихое, незаметное существование соответственно, обращение к одному принципу преследует противоположные цели.

Доклад Алессандро Фарсетти (Венеция) был посвящен интерпретации стихотворения «Меркаба» футуриста Ивана Аксенова, эллиптические стихи которого обычно построены подобно внутреннему монологу: это коллаж из наблюдений лирического героя, без явных причинно-следственных связей. Такая структура господствует в его первом сборнике «Неуважительные основания» (1916). Особое место в нем занимает «Меркаба», посвященная трагическим событиям Первой мировой войны. Хотя способ изложения здесь существенно не отличается от других текстов сборника, семантическая стратегия несколько иная: алогичность речи не только передает особенности внутреннего монолога, но и передает парадоксальность веры в конечную победу Российской империи в войне, несмотря на критическую ситуацию 1915 г. Бредящий лирический герой вспоминает о Ярославе Мудром, потерпевшем поражение от Святополка, но год спустя победившем

«окаянного» брата; так русские войска, проигравшие немцам сражение на Буге в 1915 г., ждет успех.

В докладе «Ф. Сологуб и В. Брюсов – переводчики П. Верлена: сотрудничество или соперничество?» Вера Филичева (Петербург) представила историю взаимовлияния двух мастеров, проходившую без выраженной явно полемики или взаимодействия. Оба автора начали работу над переводами стихов Верлена независимо друг от друга, почти одновременно (в 1893 г.) и подходили к ней с разными стратегиями. Оба издали по две книги переводов французского поэта с большими перерывами (Брюсов – в 1894 и 1911; Сологуб – в 1908 и 1923), что дало основания предположить влияние опыта «соперника» на изменение структуры книг. Сологуб дважды предлагал свои услуги Брюсову, однако тот избегал сотрудничества – и при редактировании Сологубом второй книги переводов Брюсова в 1911 г., и в предложенном им же сборнике Верлена для «Всемирной литературы» в 1918 г. Однако, как показал докладчик, Брюсов и Сологуб не могли не учитывать опыт друг друга и реакцию критики, что отразилось в построении книг 1911 и 1923 гг.

Петр Будрин (Москва, доклад «“Щедры ли мы, как другие бывают могущественны”: “Сентиментальное путешествие” Лоренса Стерна в переводах Надежды Вольпин и Адриана Франковского») сравнивал методы работавших примерно в одно и то же время переводчиков, сопоставляя наборные экземпляры двух переводов «Сентиментального путешествия» (РГАЛИ, фонд Гослитиздата) и английский подлинник. При подготовке своего перевода для печати А. Франковский вынужден был сверять сделанную работу с уже вышедшим переводом Н. Вольпин, чтобы избежать прямых совпадений. При этом, как выясняется, принципы, которыми руководствовались переводчики, отличались: Н. Вольпин пыталась «оркестровать» сумбур и невнятицу, о которых любили и любят рассуждать интерпретаторы Стерна, а А. Франковский, напротив, старался придать тексту большую рассудительность и «абстрактность».

Анастасия Сысоева (Петербург) в докладе «Судьба повести И. Ф. Кратта о Дороге жизни» рассказала о работе писателя и военного корреспондента, участвовавшего в трех войнах, жителя блокадного города, над повестью «Суровый берег» (ранний вариант названия — «На Ладогге»), начиная с записей бесед с бойцами, датированных зимой – весной 1945 г., и заканчивая тремя изданиями произведения в 1947 г.

Судя по правке, внесенной в машинопись и последнее переиздание, писатель последовательно смягчал звучание повести, сокращая сложные с цензурной точки зрения моменты — описание страданий осажденного города, мародерства и проч. Но Крафт не убрал все упоминания о голоде и множестве потерь, а тема блокады в свете сформированного в 1949 г. «Ленинградского дела» стала неудобной. Именно поэтому, по соображениям исследовательницы, книга попала в число запрещенных и изъятых из библиотек. После 1947 г. она не перепечатывалась.

Любовь Лукашенко (Москва) говорила о стихотворении Пастернака «Вакханалия», своего рода «поэтическом памятнике», где, в частности, переданы впечатления от репетиций мхатовской постановки «Марии Стюарт» Шиллера в пастернаковском переводе (1957); предложенная интерпретация произведения сближает его с основными идеями «Доктора Живаго».

Екатерина Деревяга (Петербург) описывала сохранившиеся в римском архиве Вяч. Иванова рукописные материалы, связанные с работой над сборником «Свет вечерний» (опубл. в 1962 г.), и в особенности циклом «Римский дневник». Рассматривалась авторская правка двух стихотворений — шестого и седьмого текста сентября, были проанализированы варианты и основной текст с точки зрения поэтики Вяч. Иванова, его стилистической манеры и важных для него контекстов.

Екатерина Кузнецова (Москва) представила результаты изучения концепта «чаша из черепа» в языке русской поэзии XIX–XX вв.: он впервые зафиксирован в авторской сноске к стихотворению А. Ф. Мерзлякова «Мячковский курган» 1805 г., в дальнейшем к нему обращались такие авторы, как Рылеев, Батюшков, Пушкин, Бенедиктов, Некрасов, Брюсов, Зенкевич, Хлебников, Гумилев, Мандельштам, Маяковский, Кузнецов и др. Были выявлены четыре группы основных источников образа: сказание об обычае скифов почитать своих предков в «Истории» Геродота, повествование о смерти князя Святослава, ставшее общеизвестным благодаря Карамзину, «Гамлет» и стихотворение Байрона «Надпись на чаше из черепа», скандинавская традиция.

В докладе Полины Федотовой (Москва) было предложено сопоставление произведений современного писателя-деревенщика Б. П. Екимова «Гнедой» (1994) и «Охота на хозяина» (2002) с рассказом Шукшина «Думы» и «Царь-рыбой» Астафьева соответственно: осуждается сопоставимость стиля, сюжета и мотивов.

Л. А. Новицкас, А. Н. Перикина, А. С. Федотов

Сведения об авторах:

Новицкас Любовь Александровна, кандидат филол. наук. E-mail: novitskasla@mail.ru

Першкина Анастасия Николаевна, кандидат филол. наук. E-mail: dostoevsk@mail.ru

Федотов Андрей Сергеевич, кандидат филол. наук, преподаватель кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: anfed86@gmail.com.

ДЕНЬ НАУКИ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ – 2015

15 и 16 апреля 2015 года на филологическом факультете проходила Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» – традиционный День науки, объединяющий начинающих исследователей из разных вузов и стран. Секция «Филология» по общей тенденции последних лет привлекла внимание многих участников Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2015». Она остается одной из самых популярных секций гуманитарного направления в рамках Международной конференции «Ломоносов».

В этом году для участия в работе секции «Филология» было подано 638 заявок из 100 вузов и научных институтов, в том числе и от иностранных участников: из Азербайджана (из Баку), Армении (из Еревана, Аштарака), Беларуси (из Минска, Несвижа), Литвы (из Ионишкиса), Казахстана (из Астаны, Караганды, Петропавловска), Польши (из Варшавы), Сербии (из Белграда), Узбекистана (из Ташкента, Нукуса), Украины (из Донецка), а также от обучающихся на филологических факультетах российских университетов аспирантов из Таиланда, Турции, Китая и Кореи. Пришло много заявок от студентов различных российских вузов. Из отобранных работ наибольшее количество приходится на Северо-Кавказский федеральный университет (17). Значителен был вклад Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (12 работ), Российского государственного гуманитарного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Томского государственного университета (по 8 работ каждый), Южного федерального университета (7 работ), Высшей школы экономики и Кемеровского государственного университета (по 5 работ).

Всего по результатам работы экспертных комиссий было отобрано 389 заявок на участие в конференции в секции «Филология». Тезисы этих участников были опубликованы в электронном виде¹. Возможность опубликовать статьи по материалам докладов в рецензируемом мультиязычном научном журнале «Stephanos» (электронном проекте

¹ Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов – 2015» / Отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. М.: МАКС Пресс, 2015. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод CD-ROM; Adobe Acrobat Reader. ISBN 978-5-317-04946-1 СЕКЦИЯ «Филология».

филологического факультета) была предоставлена авторам лучших выступлений на конференции.

Работа более чем 40 подсекций была разбита на два дня – 15 и 16 апреля. В рамках секции «Филология» в этот раз было проведено заседание трех межкафедральных подсекций, также 16 апреля был проведен круглый стол «Чтение – критика – теория – история: режимы работы с художественным текстом (к столетию Ролана Барта)», в котором приняли участие профессора и преподаватели кафедры истории зарубежной литературы, кафедры теории дискурса и коммуникации, научные сотрудники Института мировой литературы РАН имени А. М. Горького.

Традиционно чрезвычайно популярная у молодых исследователей межкафедральная секция «Филологическое исследование переводов текста» (руководитель – к.ф.н. доц. А. В. Уржа), на этот раз собрала филологов не только из Москвы, но и из Баку, Перми, Рязани и Ставрополя. Десять докладов были разнообразны по материалу и подходу исследователей: сообщения были посвящены как переводам произведений русских классиков Ф. М. Достоевского, Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, так и переводам зарубежных авторов – Уильяма Блейка, О. Генри, Адама Мицкевича, Марка Твена, Герберта Уэллса, Уильяма Шекспира; одна работа была посвящена переводам «Лунь Юй». Исследователей в первую очередь интересовал лингвистический анализ текста и способы датировки, проблемы семантики и синтаксиса, жанровое своеобразие. Подробного рассмотрения удостоились средства воздействия на читателя, а также переводческие ошибки и проблемы передачи лексических единиц. Работа секции продолжила плодотворный процесс обмена результатами и опытом научного исследования языка переводного текста между различными научными школами и направлениями в рамках данной секции конференции «Ломоносов».

Другой межкафедральной секцией по уже сложившейся традиции стала секция «Язык и языки в интернет-коммуникации» (руководитель – д.ф.н. проф. О. В. Дедова). В рамках данной секции было прочитано семь докладов, значительная часть которых была сделана иногородними участниками – докладчиками из Архангельска, Кемерово, Минска, Санкт-Петербурга, Челябинска. Были затронуты различные сферы и аспекты функционирования языка в Интернете: язык блогов, социальных сетей, интернет-СМИ, форумов и другие диалогические формы рассматривались с лексической, стилистической, прагматической, когнитивной, синтаксической точек зрения, затрагивались и проблемы

публичности, многоязычности и различий между русскоязычными и англоязычными источниками.

Проводимая в течение уже многих лет юбилейная секция «Язык и литература XVIII века» (руководители – к.ф.н. ст. преп. Е. И. Кислова, к.ф.н. ст. преп. А. Е. Беликов) приобрела статус межкафедральной и расширила свой тематический охват и на XIX век, объединяя работу кафедры истории русской литературы и кафедры русского языка по исследованию языка и культурных особенностей памятников XVIII–XIX веков. В этом году данная секция, продолжающая направление, заданное аналогичной секцией в прошлом году, была представлена двенадцатью докладами преимущественно лингвистической проблематики: рассматривались особенности орфографии, грамматики, пунктуации, но также затрагивались и стилистические, и переводоведческие, и жанровые вопросы.

Большим количеством выступлений были отмечены секции английского языкознания (17 докладов), секция византийской и новогреческой филологии (20 докладов, четыре подсекции), секция иберо-романского языкознания (19 докладов), секция истории зарубежной литературы с четырьмя подсекциями (40 докладов), секция истории русской литературы с тремя подсекциями (26 докладов), секция истории русской литературы XX–XXI вв. с пятью подсекциями была представлена 60 докладами, две подсекции кафедры теории литературы объединили 26 участников, секция «Русский язык как иностранный» состояла из двух подсекций с общим числом докладов 32, секция «Теория дискурса и коммуникации» – 27 докладов в двух подсекциях. Наибольшим количеством выступлений традиционно была отмечена секция «Русский язык», объединившая в шести подсекциях 71 молодого ученого из Москвы и других городов (Владимир, Ростов-на-Дону, Ставрополь, Томск и др.).

Всего в работе секции «Филология» приняло участие около 460 участников, выступивших с сообщениями перед своими молодыми коллегами и руководившими заседаниями преподавателями-экспертами. Дипломом ректора за лучший доклад была отмечена Светлана Александровна Колпакова (Новосибирский национальный исследовательский государственный университет) за доклад «Акустический образ Великой Отечественной войны в концепции И. Грековой»; также жюри секции особо отметило Светлану Анатольевну Кожину (Российский государственный гуманитарный университет) за доклад «Полемика с соцреалистическим каноном в ранней прозе Б. Грабала и Й. Шкворецкого» и Уз-

бекову Гузель Филаесевну (Башкирский государственный университет) за доклад «Традиции балаганного искусства в русскоязычных романах В. Набокова». Около 150 участников были награждены грамотами декана и книгами, еще 33 доклада было рекомендовано к публикации в рецензируемом мультиязычном научном журнале «Stephanos» (электронном проекте филологического факультета).

А. Е. Беликов

Сведения об авторе: **Беликов Алексей Евгеньевич**, кандидат филол. наук, старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова. E-mail: belikov.smu@gmail.com

ПАМЯТИ...

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВНА ЗАВЬЯЛОВА (03.01.1942—30.06.2015)

30 июня 2015 г. после тяжелой болезни ушла из жизни заслуженный преподаватель Московского университета, доцент кафедры классической филологии, кандидат филологических наук Валентина Петровна Завьялова.

В.П.Завьялова родилась 3 января 1942 г. в Москве в семье рабочей-фрезеровщицы и водителя. Ее детство прошло на севере Москвы, на Войковской. Там же она получила первоначальное образование в средней школе (теперь гимназии) №201 имени Зои и Александра Космодемьянских, которые в свое время также закончили эту школу.

В 1959 г. В.П.Завьялова поступила на отделение классической филологии филологического факультета МГУ. После окончания университета с 1964 по 1966 г. она работала инженером в Московском инженерно-экономическом институте имени С.Орджоникидзе. В 1966 г. по приглашению заведующей кафедрой классической филологии проф. А.А.Тахо-Годи В.П.Завьялова вернулась на родной факультет и с этого времени начала свою преподавательскую работу на кафедре классической филологии. Тогда же окончательно сформировалась и сфера научных интересов В.П.Завьяловой – ею стала раннеэллинистическая поэзия в разных ее аспектах – и определился круг античных авторов, исследованием наследия и взаимного влияния которых Валентина Петровна занималась всю свою жизнь, – это в первую очередь Каллимах и в меньшей степени Аполлоний Родосский, Феокрит и Александр Этолийский. В 1977 г. под руководством А.А.Тахо-Годи В.П.Завьялова

защитила кандидатскую диссертацию «Функционально-стилистическое значение тропов в гимнах Каллимаха». Впоследствии интерпретации произведений этого автора и других эллинистических поэтов и рецепции их творчества в русской литературе В. П. Завьялова посвятила более 50 статей, опубликованных в отечественных и зарубежных научных журналах и сборниках. Итогом же многолетнего изучения творческого наследия Каллимаха стала вышедшая в 2009 г. монография «Каллимах и его гимны» (М.: ГЛК), одна из очень немногих в данной области современных русскоязычных книг, содержащая как исследовательскую часть, так и издание всех гимнов этого автора с комментариями.

Научные интересы В. П. Завьяловой оказали большое влияние и на её педагогическую деятельность. На классическом отделении В. П. Завьялова много лет читала подготовленный ею лекционный курс «Эллинистическая поэзия» и вела спецсеминар «Поэзия Каллимаха». В 2002 г. в качестве практического приложения к этим курсам она опубликовала учебное пособие «Каллимах. Гимн “К Артемиде”» (М: ГЛК), научным редактором которого был проф. А. А. Россиус. В это пособие были включены греческий текст гимна, его перевод и подробный филологический комментарий. Кроме указанных выше учебных курсов В. П. Завьялова многие годы читала общий курс истории античной литературы на дневном и вечернем отделении филологического факультета МГУ и в филиалах МГУ в Севастополе и Астане. Она также вела практические занятия по древнегреческому и латинскому языкам в группах разных отделений филологического факультета МГУ, в том числе начальный курс древнегреческого языка на первом курсе классического отделения. В последние годы В. П. Завьялова читала на классическом отделении лекционный курс «Методика преподавания древних языков и античной литературы». Этот важный для специалистов курс благодаря Валентине Петровне стал замечательно живым и интересным. В. П. Завьялова предлагала своим слушателям большой материал по истории и теории преподавания классических языков, она освещала все перипетии, различные точки зрения, дискуссии, подходы и взгляды на роль латыни, греческого, античной литературы и классики в целом для развития европейской культуры и образования.

Валентину Петровну отличала неизменная порядочность, честность, открытость и отзывчивость. Ко всем своим ученикам она относилась с большой заботой, вниманием и умела быть и доброжелательной, и строгой. Для многих студентов классического отделения, у которых

Валентина Петровна была первым преподавателем древнегреческого языка, она становилась «второй мамой». Валентина Петровна жила недалеко от университета, ее дом всегда был открыт для учеников и коллег, и они всегда будут помнить ее с благодарностью за то тепло и любовь, которые она им дарила...

Э. В. Янзина

**ОЛЕГ ДМИТРИЕВИЧ НИКИТИНСКИЙ –
HELIGUS NIKITINSKI MOSCUENSIS
(14.09.1967–06(07?).06.2015)**

Преждевременный уход Олега Дмитриевича Никитинского на 48-м году жизни застал его коллег и учеников врасплох: еще весной он приходил на классическую кафедру МГУ, рассказывал молодым ученым о возможностях стажировки в университете Мюнстера, куда он в очередной раз отправлялся, и, как и всегда, обещал вернуться. 7 июня 2015 года он перестал отвечать на звонки – позднее его нашли бездыханным за рабочим столом.

Когда великие мэтры, прожившие долгую и насыщенную жизнь, уходят, часто говорят о конце эпохи и значительной потере для науки. Но сколь большей потерей должен считаться уход без сомнений выдающегося филолога в тот период, который принято считать самым продуктивным для этой области знаний! Причем потеря эта ощутима не только для отечественной, но и в полном смысле этого слова для мировой науки. Для иллюстрации того значения, которое имела деятельность Олега Дмитриевича за рубежом, прежде чем перечислять его многочисленные регалии и заслуги, я позволю себе небольшое личное воспоминание. В 2007 году на неолатинском конгрессе Humanitas в Неаполе известный в Италии адвокат Джерардо Маротта, президент Итальянского института философских исследований, случайно узнав, что я приехал из России, воскликнул: «Вы, конечно же, знаете Вашего великого соотечественника?!», – и вручил мне свежееизданную книгу Никитинского о Джованни Винченцо Гравине из серии L'umanesimo Europeo. В этой же серии ранее вышли на латинском языке комментарий Олега Дмитриевича к Oratio de doctore umbratico Давида Рункена

и знаменитая книга *Sergius sive de eloquentia latina saec. XVII et XVIII dialogus*, написанная в форме диалога между профессорами Московского университета С. И. Соболевским и М. М. Покровским и снискавшая ему славу лучшего современного неолатинского писателя.

Даже при беглом обзоре научной деятельности Олега Дмитриевича становится ясно, что это действительно был первоклассный филолог, – и тем более удивительно, как много он успел за отведенное ему судьбой время. Он родился 14 сентября 1967 года, в 1984 году поступил в МИСиС на физико-химический факультет, но в 1986 году перевелся на второй курс классического отделения филологического факультета МГУ. Научные руководители в студенческие годы – Клара Петровна Полонская и Михаил Леонович Гаспаров. В 1991 году Олег Дмитриевич с отличием закончил классическое отделение, поступил в очную аспирантуру и одновременно получил приглашение во Фрейбургский университет, где в 1995 г. защитил под руководством Вольфганга Кульманна диссертацию *Studien zum Vergangenheitsbezug bei Kallimachos* и получил степень *Doctor philosophiae*.

С этого момента начинается продолжительный и разнообразный путь Олега Дмитриевича – настоящего гражданина мира – по европейским университетам, но также и череда его возвращений: в 1997 году в Московском университете он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мифическое прошлое в поэзии Каллимаха и его современников (Филологические разыскания к некоторым мифологическим фрагментам Каллимаха)», а в 1998 г. получил звание доцента по кафедре классической филологии филологического факультета МГУ. В 1998–1999 гг. он стипендиат Фонда А. фон Гумбольдта в Мюнхенском университете, в 1999–2000 гг. – приглашенный профессор кафедры классической филологии Берлинского университета, в 2000–2001 гг. – научный сотрудник Баварской Академии наук (стипендиат проекта *Thesaurus linguae Latinae*), в 2001–2003 гг. – научный сотрудник кафедры германистики Мюнхенского университета, с 2003 по 2010 г. – интердисциплинарный научный сотрудник Мюнхенского университета (программа «Гейзенберг», *Deutsche Forschungsgemeinschaft* и Фонд Фрица Тиссена), с 2010 г. совмещал должности доцента кафедры средневековой и новолатинской филологии университета Мюнстера (города, для которого он составил краткий обзор истории на латыни *De laudibus Monasterii Westphaliae metropolis*) и доцента кафедры классической филологии МГУ.

Помимо этого, он выезжал для чтения курсов лекций в Пражский (в декабре 2003 г.), Флорентийский (май 2004 г.), Лейденский (в декабре 2005 – январе 2006 г.) университеты, выступал с докладами и лекциями в Итальянском институте философских исследований (сентябрь 2003 г., Неаполь), в Апостолической библиотеке Ватикана (май 2004 г.), в Канском университете (август 2007 г., Франция). Олег Дмитриевич был представителем Российской Федерации на крупнейшем международном форуме по вопросам новолатинской филологии – заседании Академии содействия латинскому языку и образованности (апрель 2005 г., Рим), действительным членом которой он стал еще в 1999 г. Он был соучредителем нескольких научных обществ: *Symposion eleutheron* (Мюнхен, Германия), *Centro internazionale di studi classici della Magna Grecia* (Неаполь, Италия) и *Scuola europea d'alta formazione umanistica* (Монтелла, Италия); также он был членом *Società di Studi Politici* (Неаполь, Италия), *Graduate School European Classics* (Мюнстер, Германия), *Latinitati Vivae Provehendae Associatio* (Ксантен / Верне, Германия), *Die Neulateinische Gesellschaft* (Мюнстер, Германия).

Кроме того, Олег Дмитриевич являлся членом редакционных коллегий многих отечественных и зарубежных периодических изданий: *Museum Graeco-Latinum* (Москва), «Вопросы классической филологии» (Москва), *La scuola di Pitagora* (Неаполь, Италия), *Docere. Rivista di didattica delle lingue classiche* (Монтелла, Италия), *L'Umanesimo Europeo: Series Latina* (Неаполь, Италия). Под его руководством в Неаполе были переизданы фундаментальные лексикографические пособия по классическим языкам: 9 томов *Thesaurus Graecae Linguae* Генриха Стефана и 2 тома *Novus Thesaurus linguae et eruditionis Romanae* Иоганна-Маттиаса Геснера.

Многочисленные заграничные поездки не препятствовали тому, чтобы одновременно с этим Олег Дмитриевич читал в Московском университете лекции по курсам «Введение в классическую филологию» и «История античной литературы», вел спецсеминары «Римская сатира» и «Поэтическое мастерство Горация-сатирика», выступал руководителем и оппонентом работ студентов-дипломников и аспирантов. В рамках своего спецсеминара по сатирам он не только читал Горация и Ювенала, но и обращался к одному из самых сложных авторов – Персию, к которому он составил латинский комментарий, изданный в авторитетной тейбнеровской серии (2003 г.).

Олега Дмитриевича Никитинского можно и нужно назвать подлинным гуманистом – и по выдающемуся латинскому стилю, и по масштабности проектов, и по широте интересов: от ученых поэтов Эллинизма до новолатинских прозаиков XVIII века, – и по открытости разным странам и языкам: он свободно владел итальянским, французским и немецким. Но самое главное, как мне кажется, было его подлинно гуманистическое отношение к сути образования, которое он видел как развитие и формирование человека думающего, читающего и понимающего, к воспитанию учеников, к скромным первым опытам которых он никогда не относился пренебрежительно, к филологической культуре вообще, которой он был напитан и поддержанию и распространению которой отдавал свои силы до последнего.

uina carentia sulphure nos docuisti bibenda
nec nisi Palladiis dandam operam studiis

А. Е. Беликов

*Использовались материалы
сайта кафедры классической филологии МГУ,
Либрариуса и резюме самого Олега Дмитриевича*

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК